

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

№ 1 (71)
2023

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1813-6230

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издается с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель, издатель:
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Главный редактор

М. В. Рыбкина, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Виноградов, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Члены редакционной коллегии

Н. В. Бугель, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. С. Емельянов, доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)

М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Павлов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. Роганов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Силина, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

О. Э. Старовойтова, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

И. С. Кокорин, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Егоров, доктор юридических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь)

В. П. Очередыко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Ф. Попондопуло, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. Сырых, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Ю. Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

ISSN 1813-6230

The certificate of the mass media registration FIV No ФЦ77-69774 of 18.05.2017
The journal is issued since 2004
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Founder, publisher:
Pushkin Leningrad State University

Chief editor

M. V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Deputy Chief editor

R. A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Executive editor

O. V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

N. V. Bugel', Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. S. Emelyanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)

M. Yu. Pavlik, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

K. V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. Silina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

O. E. Starovoitova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

I. S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. V. Egorov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)

V. P. Ochered'ko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. F. Popondopulo, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. M. Syrykh, Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)

Yu. B. Shubnikov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

| | |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| М. О. Акишин Россия и становление международно-правового режима Балтийского моря в XII – XIX вв. | 8 |
| С. В. Архипов Государство как системообразующий элемент политической системы общества | 35 |
| Н. В. Давидович Понимание собственности и права собственности в отечественных теоретико-исторических источниках | 58 |
| Р. А. Ромашов Особенности правопонимания и правосознания в классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции | 82 |

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

| | |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Е. Г. Бабелюк Место единой системы исполнительной власти Российской Федерации в единой системе публичной власти Российской Федерации | 101 |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

| | |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| И. В. Бородушко Нормативно-правовая база устойчивого развития (в мире, в России, в строительной отрасли) | 116 |
| Е. А. Нахова Концептуальные аспекты учения о предмете доказывания в гражданском процессе | 131 |
| Д. А. Павлова Цифровые правоотношения | 159 |
| Ю. А. Свистунов, Л. Ю. Свистунова Правовые проблемы цифровизации экономики в Российской Федерации | 174 |

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

К. В. Боричев

Значительный имущественный ущерб при террористическом акте:
проблемы правоприменения

188

Е. М. Павлик

Криминологический анализ угонов и хищений автотранспорта

204

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

| | |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Mikhail O. Akishin Russia and the formation of the international legal regime of the Baltic Sea in the XII – XIX centuries | 8 |
| Sergei V. Arkhipov The state as a system-forming element of the political system of society | 35 |
| Nikita V. Davidovich Understanding of property and property rights in Russian theoretical and historical sources | 58 |
| Roman A. Romashov Features of legal understanding and legal awareness in classical, post-classical and post-non-classical jurisprudence | 82 |

PUBLIC LAW SCIENCES

| | |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Ekaterina G. Babelyuk The place of the unified system of executive power of the Russian Federation in the unified system of public power of the Russian Federation | 101 |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES

| | |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Irina V. Borodushko Regulatory and legal framework for sustainable development (in the world, in Russia, in the construction industry) | 116 |
| Elena A. Nakhova The conceptual aspects of the doctrine of the subject of proof in civil proceedings | 131 |
| Dariia A. Pavlova Digital legal relations | 159 |
| Yuri A. Svistunov, Lyudmila Yu. Svistunova Legal problems of digitalization of the economy in Russian Federation | 174 |

CRIMINAL LAW SCIENCES

| | |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| Konstantin V. Borichev The significant property damage in a terrorist act: the problems of law enforcement | 188 |
| Elizaveta M. Pavlik Criminological analysis of theft and theft of vehicle | 204 |

Россия и становление международно-правового режима Балтийского моря в XII–XIX вв.*

М. О. Акишин

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается история правового регулирования морской торговли в XI–XVII вв. и роль России в становлении правового режима Балтийского моря в XVIII–XIX вв. в условиях феодальной раздробленности. В XI–XV вв. основополагающую роль в правовом регулировании торговли на Балтике играл Ганзейский союз городов, что выразилось в возникновении *lex mercatoria* – материальной и процессуальной основы разрешения торговых споров.

Период XVI–XVII вв. стал, с одной стороны, временем становления классического международного права; с другой, борьбы европейских стран за моря, обусловившей формирование доктрин открытого и закрытого моря. В этот период разворачивается соперничество Дании и Швеции за господство на Балтийском море. Современный международно-правовой режим Балтийского моря начал складываться после победы России в Северной войне, которая привела, во-первых, к равноправному сотрудничеству государств региона в торговле и эксплуатации природных богатств на Балтике; во-вторых, развитию торговли через балтийские проливы.

Позиция Российской империи, сформулированная в Декларации о вооруженном нейтралитете 1780 г. привела, во-первых, к окончательному закреплению в международном праве принципа свободы открытого моря; во-вторых, к безусловному запрету каперства на Балтийском море; в-третьих, поставила проблему закрытия входа в Балтийское море военных кораблей государств, не имеющих территориальных вод на Балтийском море.

В современном международном праве правовой режим Балтийского моря определяется правовыми режимом его проливов, урегулированных Копенгагенским трактатом 1857 г. Согласно ст. 122 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., Балтийское море отнесено к «полузамкнутым морям», т.е. таким морям, которые окружены двумя или более государствами и сообщаются с другим морем или океаном через узкий проход.

Ключевые слова: Балтийское море, международно-правовой режим, Ништадтский мир 1721 г., Декларации о вооруженном нейтралитете 1780 г., Копенгагенский трактат 1857 г.

Для цитирования: Акишин М. О. Россия и становление международно-правового режима Балтийского моря в XII–XIX вв. // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 8–34. DOI 10.35231/18136230_2023_1_8

* Исследование подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. ГРАНТ № 20-09-4201. «Вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681–1738)».

© Акишин М. О., 2023

Original article
UDC 341 (091) (470) (261.24) «1/18»
HAC 5.11
DOI 10.35231/18136230_2023_1_8

Russia and the formation of the international legal regime of the Baltic Sea in the XII–XIX centuries

Mikhail O. Akishin

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines the history of legal regulation of maritime trade in the XI–XVII centuries and the role of Russia in the formation of the legal regime of the Baltic Sea in the XVIII–XIX centuries. In the XI–XV centuries the Hanseatic League of Cities played a fundamental role in the legal regulation of trade in the Baltic, which resulted in the emergence of *lex mercatoria*.

The period of the XVI–XVII centuries became, on the one hand, the time of the formation of classical international law; on the other hand, the struggle of European countries for the seas, which led to the formation of the doctrines of the open and closed seas. During this period, the rivalry between Denmark and Sweden for supremacy on the Baltic Sea unfolds. The modern international legal regime of the Baltic Sea began to take shape after Russia's victory in the Northern War, which led to equal cooperation between the states of the region in trade and exploitation of natural resources in the Baltic.

The position of the Russian Empire, formulated in the Declaration of Armed Neutrality of 1780.

In modern international law, the legal regime of the Baltic Sea is determined by the legal regime of its straits, regulated by the Copenhagen Treaty of 1857. According to Article 122 of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea, the Baltic Sea is classified as "semi-enclosed seas".

Key words: the Baltic Sea, the international legal regime, the Peace of Nishtadt of 1721, the Declaration of Armed Neutrality of 1780, the Copenhagen Treaty of 1857.

For citation: Akishin, M. O. (2023) Rossiya i stanovlenie mezhdunarodno-pravovogo rezhima Baltijskogo morya v XII–XIX vv. [Russia and the formation of the international legal regime of the Baltic Sea in the XII–XIX centuries]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad legal journal*. No. 1 (71). Pp. 8–34. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_8

Введение

Правовой режим Балтийского моря predetermined объективными географическими условиями и особенностями расселения народов на его побережье. Выход из Балтийского моря частично закрыт большим полуостровом и множеством островов, почему сообщение с Северным морем и Атлантическим океаном возможно только через проливы Большой и Малый Бельт, Зунд. Несмотря на то что правовые режимы обеспечивают устойчивое нормативное регулирование определенной сферы общественных отношений, они исторически эволюционируют. Правовой режим Балтийского моря с момента своего становления пережил ряд этапов исторического развития и развивается в современности. Его эволюция породила, в частности, дискуссии о роли государств региона в его истории.

Целью настоящей статьи является исследование роли России в истории режима Балтийского моря в XII–XIX вв. Предполагается рассмотреть становление морской торговли на Балтике и ее регулирование в период существования Ганзейского союза; соперничество Дании и Швеции за господство на Балтике в период возникновения классического международного права; роль Российской империи в становлении международно-правового режима Балтики.

Ганзейский союз и регулирование морской торговли на Балтике

Феодальные отношения породили патримониальный взгляд на морские пространства и «береговое право», что оказывало негативное влияние на развитие морской торговли. До XI в. личная безопасность и имущество иностранцев не были каким-либо образом обеспечены. «Раннее» Средневековье в истории Скандинавии – это

эпоха морских грабежей викингов, их набегов на Северную Германию, Францию, Англию и Древнюю Русь. Как писал М. Таубе, для этих «...“hostes humani generis” (врагов рода человеческого – М.А.), не могло быть... и речи о каком бы то ни было “праве”» [17, Т. 1. с, 292].

Возвышение городов в XI в., открывшее период «высокого» Средневековья, поставило вопрос о защите морской торговли. Становление торгового сотрудничества на Балтийском море принято относить ко временам Ганзы (от нем. Hanse – товарищество, союз) – союза городов, в котором принимали участие все страны Балтики. Его центром стал Любек. В 1188 г. он получил от германского императора Фридриха I Барбароссы городское право, а в 1226 г. от императора Фридриха II – статус вольного имперского города. Основой создания Ганзейского союза стала борьба Любека и Гамбурга против Дании. Победа в 1227 г. любекско-гамбургского союза над датчанами в битве при Борнхёведе привела к заключению ряда договоров о регулировании международной торговли.

Вторым основанием создания Ганзейского союза была необходимость борьбы с морскими пиратами и каперством (последнее появилось во второй половине XIII в., каперы получали патенты от своих государств и право на захват призовых судов неприятельских стран). Стремясь защитить себя от морских пиратов и каперов, в 1241 г. Любек и Гамбург заключил договор с городом Зест о дружбе и взаимной помощи в борьбе с пиратством, в 1259 г. – с Росток и Висмарком. В 1255 г. было создано политическое объединение северо-немецких городов. Первый общеганзейский съезд состоялся в 1356 г. [6, с. 132, 134].

В период кризиса власти в Дании, начавшегося со смертью в 1332 г. короля Кристофера, возникла основа для господства Ганзейского союза на Балтийском море.

После военного конфликта с Ганзой датский король вынужден был в 1370 г. заключить с нею Штральзундский мир, по которому Ганза получила на 15 лет господство над западной частью провинции Сконе и контроль над местными ярмарками¹.

Ганзейский союз обеспечивал развитие межгородской торговли, свободное движение купеческих капиталов, выработку единых таможенных правил для перемещения товаров по суше и по морю. Заключение Ганзой в XIII в. ряда договоров со странами Балтийского побережья положило начало запрету «берегового права».

В XI–XII вв. в Европе начинается развитие ярмарочной торговли, что привело к формированию *lex mercatoria*. Обычаи *lex mercatoria* записывались и систематизировались. В Ганзейском союзе первоначально применялись морские законы острова Готланд («Законы Висби»), выработанные в XIV в. и опубликованные в 1505 г. С XIV в. делались попытки создания единого кодекса для регулирования деловых отношений Ганзейского союза. В 1667 г. в Гамбурге был опубликован на немецком языке оригинал с латинским переводом кодекса Ганзы 1614 г. Эти кодексы основывались на принципе свободы открытого моря [23, с. 23–26].

В период расцвета в состав Ганзы входило до 170 городов, в том числе со статусом «любекских факторий» Великий Новгород и Господин Псков. Становление отношений Новгорода с Любеком началось очень рано. Под 1130 г. в русских летописях впервые упоминается о плавании новгородцев «за море» – на шведский остров Готланд и в Данию. В грамоте императора Фридриха I, дарованной Любеку в 1188 г., разрешается беспошлинная торговля в этом городе русским, готам, норманнам и другим

¹ Штральзундский мир / пер. С. Л. Плешковой // Средневековый город в Западной Европе в XI–XV вв. Вып. 1. М., 1969. С. 57–61.

народам Востока. Следует отметить, что под влиянием рецепции византийского права в Древней Руси не признавали «берегового права». Это нашло отражение в договоре Великого Новгорода с Готским Берегом и немецкими городами 1189–1199 гг. и договоре 1229 г. Смоленска с Ригой и Готским Берегом¹.

Однако участие городов в Ганзейском союзе не было равноправным, что относилось и к русским городам. В XIII в. земли балтийского побережья, примыкавшие к Руси, захватили немцы и датчане, основав Ригу, Ревель и Нарву. Купечество этих городов препятствовало самостоятельной русской морской торговле. Шведы заняли земли Финляндии и в 1293 г. основали Выборг, который запер для русских водный путь из Ладожского озера в Финский залив. Пытались шведы запереть для русских и водный путь в Балтийское море по р. Неве [24, с. 11–13, 20, 29, 154–157].

Торговые отношения между Новгородом и Ганзой регулировались договорами. В древнейшем из известных ныне договоре Новгорода с немецкими городами 1191–1192 г. со ссылкой на ранее существовавшие соглашения устанавливались равноправные правила ведения дел. Однако уже в ст. 1 договора 1269 г. оговаривалось, что новгородцы могут совершать поездки в Готланд только на немецких судах. Как отмечал В. В. Мавродин, в результате «...враждебной деятельности немецкой Ганзы, датчан и шведов, а также ливонских рыцарей» новгородцы «прекратили плавание за море» [13, с. 109].

Ганзейский союз заложил основы международно-правового регулирования морской торговли на Балтийском море. Но Ганза не контролировала всю морскую торговлю. Во-первых, она имела конкурентов в лице фран-

¹ Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / сост. А. А. Зимин; под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1953. С. 54–98.

цузских, голландских и английских купцов. Во-вторых, сохранялся датский контроль над «балтийскими воротами» – Зундским проливом. За проход через проливы Зунд и Бельты датские короли взимали зундские пошлины. Суда, отказывавшиеся платить эти пошлины, захватывали или же топили при помощи пушек крепости Кронборг.

Противоборство Дании и Швеции за *dominium maris Baltici*

Становление централизованных государств в XVI–XVII вв. обусловило принципиальные изменения в международно-правовом регулировании морского судоходства. Во второй половине XV – начале XVI вв. между странами Европы развернулась «борьба за моря». Рядом папских булл и испано-португальских договоров вновь открытые земли, а вместе с ними и большая часть трех океанов – Атлантического, Тихого и Индийского – были «разделены» между Испанией и Португалией по 50-му меридиану западной долготы («папский меридиан»). Свои права на вновь открытые земли и моря испанцы и португальцы обосновывали тремя аргументами: папскими пожалованиями, международными договорами и правом первого открытия.

В соперничество за власть в открытом море вступила сначала Франция, а затем Англия. Дипломаты французского короля Франциска I сумели добиться в 1533 г. от римского папы согласия с тем, что земли, еще неизвестные европейцам, могут быть объектом экспансии всех христианских государей. Но права первого открытия как аргумента в установлении суверенной власти над вновь открытыми морями и землями, ни во Франции, ни в Англии не отрицали. В 1588 г. англичане разгромили испанскую «Непобедимую армаду» и объявили английских монархов королями «британского океана».

В начале XVII в. благодаря трактатам «О свободном море» (1609 г.) и «О праве войны и мира» (1625 г.) голландского юриста Гуго Гроция получил новое обоснование принцип свободы открытого моря и право государств осуществлять суверенитет над прибрежными водами. Доктрина Гроция была подвергнута критике в Испании, Португалии и Англии, что выразилось в так называемой «войне книг» («the battle of the books»).

Однако эта полемика не касалась Балтийского моря, по которому уже в первой половине XVII в. в Англии и Голландии сформировалась общая позиция. Английский юрист Джон Селден, оппонент Г. Гроция, в своем трактате «Закрытое море» привел новые аргументы в пользу британского владычества над морями. Но по вопросу о праве «безвредного прохода», позволявшего иностранцам передвигаться по территории другого государства в целях торговли, он занимал единую с Г. Гроцием позицию. Дж. Селден допускал возможность мирного прохода судами через закрытые моря и торговлю на прилегающей к морю территориальной суше, но при условии, что такие действия являются безопасными для государства [16, с. 156–157].

Правовое регулирование морского судоходства на Балтике в этот период определялось противостоянием Дании и Швеции за *dominium maris Baltici* (господство на Балтийском море), которое обе страны обосновывали аргументами доктрины закрытого моря. Роль Дании в контроле над Балтийским морем усиливалась по мере роста королевской власти. С 1375 г. при королеве Маргрете начинает формироваться датско-норвежская уния. В 1397 г. ее внучатый племянник Эрик Померанский в Кальмаре был провозглашен королем Норвегии, Дании и Швеции. В 1432 г. король Дании и Норвегии Эрик заявил, что он никому не позволит без его специального

разрешения заниматься рыболовством в морях, примыкающих к Норвегии.

Укрепление королевской власти в Дании привело к превращению в 1535 г. унии между Данией и Норвегией из персональной в реальную. Тронная хартия Кристиана III от 30 октября 1536 г. установила в Норвегии власть датской короны на вечные времена и объявила страну составной частью датской державы. Датско-Норвежское государство вступило в конфликт с Ганзейским союзом, результатом которого стали войны с Любеком в 1510–1512 и 1523 гг. После победы в войне с Любеком в 1534–1536 гг. Дания стала доминировать на Балтике, что привело к кризису Ганзейского союза, последний съезд которого состоялся в 1669 г.

Между тем, Швеция вышла из унии с Данией. Восстание против Дании привело к образованию Шведского государства. Его королем был провозглашен в 1523 г. Густав Ваза. В соперничество с Датско-Норвежским королевством за *dominium maris Baltici* Швеция вступила в середине XVI в., в правление сыновей Густава Вазы – Эрика XIV и Юхана III. Семилетняя война Швеции с Данией и Любеком 1563–1570 гг. и шведско-датская война 1611–1613 гг. закончились поражениями Швеции и заключением невыгодных для нее мирных договоров в Штеттине 1570 г. и Кнэреде 1613 г.

Несмотря на поражения в этих войнах, позиции Швеции на Балтике укреплялись. В 1561 г. король Эрик XIV склонил Ревель вместе с примыкающими областями Эстляндии подчиниться Швеции. Укреплению положения Швеции на Балтике способствовала ее экспансия в русские земли, что обусловило русско-шведское противостояние в XVI–XVIII вв.

Московское государство при великом князе Иване III стало «единодержавным» и «самодержавным». Одним

из направлений его внешней политики стало развитие торговли на Балтике. В 1470-х гг. русские войска совершили несколько походов на ливонскую территорию, входившую в сферу интересов Ганзы. В качестве ответной меры власти Дерпта и Риги арестовали русских купцов. Русские власти в 1478 г. закрыли ганзейское подворье в Новгороде, что принесло торговые убытки обоим сторонам.

В 1487, 1493 и 1514–1517 гг. Россия заключила договоры с Ганзой, Ливонией и Данией, в которых впервые гарантировалась безопасность плавания русских торговых судов по Балтийскому морю. Договор с Данией был направлен на разрушение монополии Ганзы. В 1494 г. Иван III упразднил привилегии ганзейцев и вновь закрыл Ганзейский двор в Новгороде. Согласно договору 1517 г., русские получили право открыть торговый двор в Копенгагене, а датские – в Ивангороде и Новгороде [1, с. 108, 111–115].

В 1492 г. началось строительство крепости Ивангород напротив замка Нарвы на противоположном берегу р. Наровы. Строительство Ивангорода вызвало недовольство Швеции и Ганзы. В 1496 г. шведы высадили морской десант и разрушили еще недостроенный Ивангород, но после их ухода он был восстановлен. Строительство русских крепостей на побережье Балтийского моря продолжалось. В 1490-е гг. была построена Ладога, после 1496 г. – Ям, в 1514–1525 гг. – Орешек, в 1520–1525 гг. – Копорье [2, с. 355–358].

Укрепление положения России на Балтике вызывало недовольство в Ливонии, Польше и Швеции. В 1553 г. польские послы были направлены в Вену и Рим к Папе с задачей убедить, что «если москвит научится и морскому делу и сделается обладателем моря, то это послужит к великому вреду всех народов; на море они будут более грозны, чем на суше» [22, с. 47]. Шведский король Густав I Ваза считал,

что если Россия утвердится на Балтике, то станет столь же грозной для Европы, как и Турция [20, с. 612].

Ливонская война (1558–1583 гг.) стала важной вехой в борьбе за господство на Балтике. В начале войны под контроль России попали Нарва и Дерпт (Юрьев), Польши – Рига, Дании – Аренсбург, Пернов, а также о. Эзель, Швеции – Ревель. По инициативе шведского короля Эрика XIV в 1561–1568 гг. велись переговоры с Россией о заключении мирного договора и союза в войне с Данией и Польшей. Однако в 1568 г. Эрик XIV был свергнут с престола.

Взошедший в 1568 г. на престол шведский король Юхан III начал войну с Россией. В результате этой войны Россия потеряла Ивангород, Нарву, Копорье, Ям, Корелу. В мае 1595 г. Швеция заключила с Россией мир в Тявзине, по которому к Швеции отходила Эстляндия с Нарвой. Россия сохранила выход к Балтике только в устье р. Невы. В царствования Федора Иоанновича и Бориса Годунова предпринимались попытки поддержать русскую торговлю на Балтике, что, в частности, отразилось в наделении ганзейских купцов привилегиями в 1586, 1594, 1600 и 1603 гг. [19, с. 7–13].

Однако в начале XVII в., воспользовавшись Смутой в России, шведский король Карл IX предложил «дружескую помощь» царю Василию Шуйскому. В 1609 г. был заключен договор с Россией, в соответствии с которым шведское войско перешло границу и помогло войскам русского царя разбить войско «Тушинского вора» (Лжедмитрия II). Но после свержения Василия Шуйского шведы в 1610–1611 гг. захватили Корелу и Новгород. В 1610 г. шведские войска заняли устье Невы. В 1617 г. был заключен Столбовский мир, по которому Швеция получила все побережье Финского залива, а Россия оказалась полностью вытеснена с Балтийского моря¹.

¹ ПСЗ. Т. I. № 19-1. С. 177–192.

Компенсировав потерю выхода к Балтийскому морю, Россия в 1584 г. основала порт Новые Холмогоры (с 1613 г. – Архангельск). Но здесь она столкнулась с притязаниями Англии на монополию морской торговли. В 1590 г. королева Елизавета писала царю Федору: «...наши подданные первые учредили это плавание (в 1553 г. – М. А.) с потерей жизни многих людей и многих товаров, и поддерживают оно до сего дня; и мы не полагаем, чтобы какой бы ни было народ осмелился плавать по морям вопреки нашего государского желания»¹. Русская дипломатия придерживалась в этих переговорах принципа свободы открытого моря, заявляя: «Божию дорогу, океан-море, как можно перенять, унять или затворить». Эта позиция и стала основой решения вопроса о свободной торговле по океану в устье Северной Двины на Белом море во время переговоров 1615–1619 гг.

Становление шведского «великодержавия» стало следствием побед Швеции в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг. Следует отметить, что в этом ей помогли морские державы – Англия, Франция и Нидерланды, – заинтересованные в расширении своей торговли на Балтике и потому отвергавшие претензии Дании на господство в этом регионе.

В начале Тридцатилетней войны, в 1621 г., шведский король Густав II Адольф двинул войско в Польшу и в Лифляндию. Шведы захватили столицу Лифляндии – Ригу – и взяли под контроль район реки Двины. В 1629 г. Швеция при посредничестве Франции, Англии и Бранденбурга заключила перемирие с Польшей, по которому оставила за собой завоеванные территории Лифляндии и Пруссии. В 1630–1643 гг. шведские войска успешно воевали на имперских землях. Шведам удалось занять

¹ Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593 гг. / Изд. Ю. Толстого. СПб., 1875. № 73.

всю линию реки Одера, захватить Франкфурт, Нюрнберг, Мюнхен. Завоевание Швецией владений в Балтийском море стало источником беспокойства для Дании.

В 1643–1645 гг. Швеция вела военные действия против Дании. В их результате свершился поворот в 80-летней борьбе за власть на Балтийском море. По условиям мира, выработанным в переговорах в Бремсебру в 1645 г., Дания принуждена была отказаться от островов Готланда и Эзеля, уступала Халланд на 30 лет. Кроме того, Швеция получила области Ёмтланд и Херьедален. Наконец, Дания обязалась освободить Швецию от таможенных пошлин в Зундском проливе. Датское преобладание на Балтике закончилось.

В 1648 г. Тридцатилетняя война закончилась. В октябре этого года был заключен мир, по которому Швеция получила бывшие имперские владения – Померанию к западу от нижнего течения Одера вместе с померанскими областями, лежащими вдоль восточного побережья этой реки; город Висмар, недалеко от Любека, Бремен и Верден у берегов Северного моря. Однако превращение Швеции в морскую державу привело к разрыву ее союза с Нидерландами, которые решили перейти на сторону Дании, для того чтобы в своих интересах сохранить равновесие на Балтийском море. Союз между Нидерландами и Данией был заключен уже в 1649 г.

В 1650-х гг. у восточных границ Швеции произошли значительные изменения, вызванные воссоединением «Гетманщины» (Левобережной Украины) с Россией. В этих условиях король Карл X Густав начал в июне 1655 г. поход на Польшу, получивший название «Кровавый потоп». В 1656 г. шведы одержали победу под Варшавой и оккупировали всю Польшу. Действия шведов подрывали систему равновесия, установленную Вестфальским миром. В этих условиях в польско-шведскую войну вмешались

Бранденбург, Австрия, Трансильвания, Дания, Голландия, Франция и Англия. В результате удалось сохранить тот *status quo ante bellum*, который существовал до вторжения шведов в Польшу. Мирные договоры, заключенные в мае и июне 1660 г. в Оливе и Копенгагене восстановили довоенные границы.

На фоне этих событий произошла русско-шведская война 1656–1658 гг. Анализ целей, которые преследовала Россия, вступив в войну, вызвал дискуссию. Согласно господствующей в российской науке точке зрения, целью участия России в войне был выход к Балтийскому морю. В зарубежной историографии признается увеличение роли России в экономике Балтийского региона, однако акцентируется внимание на ее интересах в Польше. Впрочем, М. Роберте, Г. Раух, А. Аттман признавали, что одной из целей русско-шведской войны для России был выход к Балтике [4]. Современные российские ученые Б. Н. Флоря и О. А. Курбатов доказывают приоритетность для России в войне со Швецией польско-литовского направления [2], с. 80–81].

Перед началом русско-шведской войны, в 1655 г., царь Алексей Михайлович предложил шведским послам обменять земли в Литве, занятые тогда русскими войсками, на Ингрию – выход к морю, потерянный в 1617 г. Именно отказ шведов привел к войне 1656–1658 гг. Русские войска действовали с некоторым успехом в Эстляндии, Лифляндии, Ингерманландии, Ижорской земле и Карелии. По условиям Валиесарского мирного договора 1658 г. Россия добилась территориальных уступок от Швеции. Но в 1661 г. был заключен Кардисский «вечный» мир 1661 г., по которому стороны возвратились к границам, установленным Столбовским миром 1617 г. [9, с. 31, 34 и др.]

Дания вступила в войну со Швецией в 1657 г. Шведские войска выступили в поход и в конце лета взяли крепость

Фредриксоdde и всю Ютландию. Зимой 1658 г. шведы совершили поход из Ютландии через Малый Бельт к Фюню и далее через группу мелких островов к самой Зеландии. В феврале 1658 г. шведский король продиктовал Дании свои условия мира, по которому Швеция получала Сконе, Халланд, Блекинге, Бохуслен, остров Борнхольм и норвежскую провинцию Троннхейм.

Однако шведский король Карл X Густав требовал также заключить соглашение, согласно которому Швеция и Дания обещали бы не допускать «никакого иностранного враждебного военного флота» в Балтийском море. Это требование было направлено против Голландии и Англии. Дания не соглашалась на эти условия. Осенью 1658 г. Швеция вновь объявила войну Дании. Но на помощь Дании пришел голландский флот. В феврале 1660 г. Карл X, так и не взяв Копенгаген, внезапно умер. По Роскилльскому договору Швеция возвратила Дании остров Борнхольм и провинцию Троннхейм. Остальные спорные провинции отошли к Швеции. Таким образом, границы между Данией и Швецией были определены и остаются такими до современности.

В 1674 г. Швеция была вовлечена в войну между Францией и Бранденбургом, чем воспользовалась Дания. В июне 1675 г. датчане высадили свою армию в шведской провинции Сконе. При посредничестве Франции в Сен-Жермене в 1679 г. был заключен мир. Несмотря на то, что Швеция вынуждена была отказаться от господства над значительной частью побережья реки Одер, ее границы с Данией остались неизменными. Швеция вновь успешно защитила свое господство на Балтике.

Российская империя и оформление международно-правового режима Балтийского моря

Противоборство Дании и Швеции за *dominium maris*

Baltici тяжким экономическим бременем ложилось на сами эти страны и не соответствовало интересам других государств, которые вели морскую торговлю на Балтике. Поиск выхода из этого перманентного военно-политического кризиса привел в конце XVII в. к созданию новых международных союзов. С одной стороны, Швеция отказалась от союза с Францией и попыталась наладить дружественные отношения с Голландией и Англией («Союз морских держав»). С другой, в 1690-х гг. складывается антишведский союз Дании, Польши, Саксонии и России.

В 1700 г. началась Северная война. Поначалу она была успешной для Швеции. В 1700 г. при поддержке английского и голландского флотов шведская армия высадилась на датском острове Зеландия и вынудила Данию заключить Травендальский мир, по которому Дания обязалась не поддерживать противников Швеции. В ноябре 1700 г. Карл XII одержал победу над русской армией под Нарвой и вторгся на территорию Польши. В 1704 г. польский сейм избрал королем шведского ставленника Станислава Лещинского. В 1706 г. шведы вторглись в Саксонию и принудили Августа II к заключению мира в Альтранштедте.

Но на фоне этих успехов Швеции происходило укрепление русской армии и становление ее военно-морского флота на Балтике. Обосновывая обычаями «христианских и политических народов» «правильные и законные причины» участия России в войне, подканцлер П. П. Шафиров доказывал, что Петр I стремился возвратить «свои наследные провинции» – Карельскую и Ижорскую земли, Лифляндию и Эстляндию [25]. Кроме того, Россия преследовала цель обеспечения свободы морской торговли на Балтике. В 1710 г. по повелению Петра I в Киевской духовной академии был переведен труд Г. Гроция «О праве войны и мира» [7, с. 3].

В первое десятилетие Северной войны течение реки Невы от Ладожского озера до Финского залива перешло под контроль России. В 1703 г. Петр I заложил Санкт-Петербург и Кроншлот (с 1723 г. – Кронштадт). В 1704 г. русские войска взяли Нарву. Вторжение шведской армии в Россию летом 1708 г. закончилось для Карла XII сокрушительным разгромом 27 июня 1709 г. в битве под Полтавой.

Во втором десятилетии XVIII в. основные силы России были сосредоточены в войне на Балтике. В 1710 г. русские войска взяли Выборг, Кексгольм, Ригу, Пернов и Ревель. 27 июля 1714 г. состоялась победа военно-морского флота России в сражении при Гангуте. В феврале 1714 г. русские войска одержали победу в битве при Стурчуру и заняли южную и центральную части Финляндии. Наиболее эффективным контрдействием Швеции против России в эти годы была блокада русских прибалтийских областей при помощи морских каперов [1, с. 306–313].

В 1718 г., после смерти Карла XII, Швеция вступила в переговоры о мире. В этих переговорах ей помог дипломатический разрыв отношений между Англией и Россией. В ноябре 1719 г. шведское правительство заключило мир с Англией, уступив ей Бремен и Верден. В январе 1720 г. при посредничестве Англии и Франции был заключен мир с Пруссией, Швеция уступила ей южную часть Передней Померании. В июне 1720 г. при посредничестве Англии – мир с Данией, по которому Швеция отказалась от своего права беспошлинного провоза товаров через Зунд.

Несмотря на антироссийскую политику Англии, доминирование военно-морского флота России на Балтийском море было уже свершившимся фактом. В 1719–1721 гг. русские опустошили восточное побережье Швеции, что вынудило ее заключить 30 августа 1721 г. мир с Россией в Ништадте. Согласно ст. 4 мирного договора, Швеция возвращала России отторгнутые ранее у нее земли –

«Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена»¹.

В последующем Швеция предпринимала несколько попыток реванша. В 1741 г. была объявлена война России. Но эта попытка потерпела полное фиаско. Русские заняли большую часть Финляндии. В 1743 г. в Або был заключен мир, по которому Россия получила часть юго-восточной Финляндии [3, с. 44–47]. В 1788 г. шведский король Густав III вновь начал войну против России, которая также окончилась неудачей для Швеции. В 1790 г. в местечке Верела был подписан мирный договор, ст. 2 которого гласила: «Рубежи и границы с обеих сторон останутся на том основании, как они были до разрыва, или до начатия нынешней войны»².

Завоевание в результате Северной войны выхода России в Балтийское море, создание флота и портов привело к развитию морской торговли и ее регулированию в национальном законодательстве. Санкт-Петербург начал развиваться как морской торговый порт с года своего основания [10, с. 424, 427–428]. Однако Дания и Швеция сохранили контроль за проливами Балтийского моря, а Российская империя не претендовала на *dominium maris Baltici*. Именно в этих условиях утверждается принцип свободы торгового судоходства на Балтийском море, а прибрежные государства начинают распространять свой суверенитет только на полосу морских вод, непосредственно примыкающих к их берегам.

В XVII в. Г. Гроций впервые упомянул позицию, согласно которой ширина прибрежных вод государства определялась дальностью береговой артиллерии [7, с. 222]. В начале XVIII в. К. Бинкерсгук сформулировал эту позицию следующим образом: «Власть земли кончается

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3819. С. 420–443.

² ПСЗ. Т. XXIII. № 16893.

там, где кончается сила оружия». Первым из государств Балтики, которое попыталось определить ширину своих прибрежных вод, стала Дания. В ордонансе 1661 г. она определялась понятием «предела видимого горизонта». В 1745 г. Дания установила 4-мильную ширину своих территориальных вод. Вскоре такая же ширина территориальных вод была установлена Швецией [18, с. 101]. В Манифесте Екатерины II от 7 сентября 1787 г. провозглашалось, что Российская империя ширину морских пространств, входящих в ее государственную территорию, определяет по принципу досягаемости стрельбы из береговых пушек¹.

Российская империя принимала участие в определении правового режима Балтики, способствуя тем самым расширению сотрудничества прибрежных государств. В первой международной конвенции о Балтике, заключенной 9 марта 1759 г. во время Семилетней войны между Россией и Швецией в Петербурге, говорилось: «Договаривающиеся стороны, выражая свое желание избавить Балтийское море от военных действий и обеспечить свободу торговли и навигации в нем, приняли решение о направлении в Зундский пролив объединенных флотов, чтобы закрыть доступ в Балтийское море для всякой неблагоприятной в сем случае державы». 17 марта 1760 г. к конвенции присоединилась Дания².

Важнейшим рубежом в истории международного морского права в целом и в формировании правового режима Балтийского моря в частности стала декларация России дворам Лондонскому, Версальскому и Мадридскому, опубликованная 28 февраля 1780 г. и получившая название Декларации о вооруженном нейтралитете³.

Причиной ее создания стали интересы морской торговли

¹ ПСЗ. Т. XXII. № 16567.

² Martens G. F. Supplement au Recueil des principaux traités conclus par les puissances de l'Europe. Gottingue, 1807. T. III. Pp. 36–41, 42–44.

³ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1900. Т. IX (X). С. 307–310.

нейтральных стран в период борьбы северо-американских колоний за независимость от Англии.

Декларация 1780 г. оказала влияние на утверждение принципа свободы открытого моря. Как справедливо писал Ф. Ф. Мартенс, «...история морского международного права приводит к такому заключению, что во всех вопросах морского международного права всегда являлись две совершенно враждебные стороны – Англия, а с другой континентальные державы, которые всеми силами старались противодействовать произволу английского флота на море и защищать, по мере возможности, права и интересы нейтральных ... Екатерина II подняла в 1780 г. знамя во имя всей континентальной Европы, во главе которой она пошла против Англии» [15, с. 18].

Декларация о вооруженном нейтралитете 1780 г. провозглашала свободу морских судов нейтральных стран заходить в порты враждующих государств; свободный провоз на нейтральных судах любого груза за исключением оружия; военной контрабандой признавались только оружие и военные припасы; нейтральные суда не должны были задерживаться на море британским флотом. За несправедливый захват кораблей следовали штрафные санкции. Эти принципы предлагалось защищать на море вооруженной рукой¹.

На основании принципов морского права, провозглашенных в Декларации, 28 июня (9 июля) 1780 г. в Копенгагене Россия заключила с Данией Морскую конвенцию об охране нейтрального торгового мореплавания. 21 июня 1780 г. в Петербурге заключила аналогичную конвенцию с Швецией. В результате возник тройственный союз, который известен как Первый вооруженный нейтралитет. 8 (19) мая 1781 г. в Петербурге уполномоченными

¹ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1900. Т. IX (X). С. 307–310.

России и Пруссии был подписан Акт для охранения свободы торговли и мореплавания нейтральных народов¹.

В 1780 г. принципы Декларации о вооруженном нейтралитете поддержала Голландия. В 1781 г. – Пруссия и Австрия. В 1782 г. – Португалия. В 1783 г. – Королевство Обеих Сицилий. С этими государствами были заключены договоры. Франция, Испания и североамериканские колонии, участвовавшие в войне, признали принципы Декларации. Англия также была вынуждена считаться с Декларацией, и из ряда ее действий вытекает, что она косвенно признавала принципы вооруженного нейтралитета. Екатерина II в своем рескрипте русскому посланнику в Лондоне от 13 января 1781 г. писала, что Англия «не оспаривает принципов Декларации»².

Практика Первого вооруженного нейтралитета относительно изъятия Балтийского моря из сферы военных действий получила развитие. Та же позиция была выражена в актах Второго вооруженного нейтралитета 1800 г. Согласно актам Первого и Второго вооруженного нейтралитета, Балтика объявлялось «закрытым морем» на вечные времена. Балтийские государства сохраняли за собой право принимать во время войны необходимые меры для того, чтобы ни на море, ни на его берегах не имели места военные действия или насилие.

Совместные действия нейтральных государств оказали влияние на отмену каперства, освобождение от осмотра конвоируемых нейтральных судов и запрет ведения военных действий на Балтийском море. Как отмечал Д. И. Каченовский, Декларация о вооруженном нейтралитете 1780 г. и действия нейтральных государств в поддержку ее принципов нанесли «арматорам сильный

¹ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1883. Т. VI. С. 107–119.

² Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. IX (X). СПб., 1892. С. 314.

удар, от которого им трудно было оправиться» [8, с. 151]. Окончательно корсарство и каперство было запрещено на основе Парижской морской декларации от 16 апреля 1856 г. [14, с. 309].

В XVIII в. странам Балтики не удалось добиться от Дании отмены «зундских пошлин». Этот вопрос был урегулирован Австрией, Англией, Бельгией, Венгрией, Ганновером, Голландией, Данией, Мекленбургом-Шверингом, Норвегией, Ольденбургом, Пруссией, Россией, Францией, Швецией и вольными ганзейскими городами Любеком, Гамбургом и Бременом на основе трактата, заключенного 14 марта 1857 г. в Копенгагене.

В преамбуле трактата договаривающиеся стороны провозгласили отмену «...всяких сборов, взимаемых с иностранных судов и их грузов, при проходе чрез Зунд и Бельты, так и освобождением от пошлин товаров, идущих транзитом по трактам, которые соединяют Немецкое море и Эльбу с Балтийским морем...» для облегчения торговых сношений. Трактат установил принцип, согласно которому «никакое судно не может отныне, под каким бы то ни было предлогом, при проходе через Зунд или Бельты быть подвергаемо задержанию или какой-либо остановке». Согласно ст. 1 трактата Дания обязалась не взимать никаких таможенных, ластовых, маячных, бакенных или каких бы то ни было других сборов с корпуса или с груза судов. За отказ от взимания пошлин заинтересованные страны выплатили Дании 100 млн французских франков (около 30,5 млн риксдалеров), в т.ч. Россия – более 9,7 млн риксдалеров¹.

Заключение

Становление международно-правового регулирования торговли на Балтийском море происходит в XI – на-

¹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXXII, отд. 1. СПб., 1858. № 31987.

чале XVI вв. в условиях феодальной раздробленности. Основополагающую роль в этом процессе сыграл Ганзейский союз городов. Слабость раннефеодальных государств обусловили господство международного обычая и привели к формированию *lex mercatoria* – правовой основы разрешения торговых споров. Исторический опыт *lex mercatoria* и Ганзейского союза вновь оказывается актуальным в современности. Как отмечают Н. А. Васильева и Ю. В. Косов, «критический анализ исторического опыта Ганзейского союза может помочь найти новые стимулы для экономической интеграции в регионе Балтийского моря» [5, с. 151].

Становление суверенных государств, появление закона в современном смысле слова в раннее Новое время привели к кризису *lex mercatoria*. Период XVI–XVII вв. стал, с одной стороны, временем становления классического международного права; с другой, борьбы европейских стран за моря, обусловившей формирование доктрин открытого и закрытого моря. В этот период разворачивается соперничество Дании и Швеции за господство на Балтийском море.

Современный международно-правовой режим Балтийского моря начал складываться после победы России в Северной войне, которая привела, во-первых, к равноправному сотрудничеству государств региона в торговле и эксплуатации природных богатств на Балтике; во-вторых, развитию торговли через балтийские проливы с государствами Европы и Северной Америки. Позиция Российской империи, сформулированная в Декларации о вооруженном нейтралитете 1780 г. во время освободительной борьбы северо-американских колоний с Англией, привела, во-первых, к окончательному закреплению в международном праве принципа свободы открытого моря; во-вторых, к безусловному запрету каперства на Балтийском море;

в-третьих, поставила проблему закрытия входа в Балтийское море военных кораблей государств, не имеющих территориальных вод на Балтийском море.

В современном международном праве правовой режим Балтийского моря определяется правовым режимом его проливов, урегулированных Копенгагенским трактатом 1857 г., нормами обычного международного права и национальными законами Дании (в отношении Малого и Большого Бельтов и датской части Зунда) и Швеции (в отношении шведской части Зунда). Законодательством Дании и Швеции ограничен проход через проливы военно-морских кораблей государств, не имеющих территориальных вод в Балтийском море. Согласно ст. 122 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., Балтийское море отнесено к «полузамкнутым морям», т.е. таким морям, которые окружены двумя или более государствами и сообщаются с другим морем или океаном через узкий проход.

Список литературы

1. Алексеев Ю. Г. Морская политика Ивана III (к постановке вопроса) // От Древней Руси к России Нового времени: сб. статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. – М.: Наука, 2003. – С. 108–125.
2. Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 462 с.
3. Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII в.: от Ахенского мира до Семилетней войны. – М.: Тов. науч. изд. КМК, 2012. – 340 с.
4. Вайнштейн О. Л. Русско-шведская война 1655–1660 гг. (Историографический обзор) // Вопросы истории. – 1947. – № 3. – С. 53–72.
5. Васильева Н. А., Косов Ю. В. Современные тренды ганзейских традиций в Балтийском регионе // Балтийский регион. – 2017. – Т. 9. – № 2. – С. 142–155.
6. Город в средневековой цивилизации западной Европы. Т. 4: Extra muros. Город, общество, государство / под ред. А. А. Сванидзе. – М.: Наука, 2000. – 354 с.
7. Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
8. Каченовский Д. О каперах и призовом судопроизводстве в отношении к нейтральной торговле. – М.: Тип. В. Готье, 1855. XVI. – 175 с.
9. Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 299 с.
10. Кротов П. А. Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга. – СПб.: Блиц, 2001. – С. 423–433.
11. Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. – 774 с.

12. Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656–1658 гг. – М.: Руниверс, 2018. – 104 с.
13. Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. – 148 с.
14. Мартенс Ф. О праве частной собственности во время войны. – СПб.: Печ. В. Головина, 1869. – VIII, 455 с.
15. Столетие декларации Екатерины II о вооруженном нейтралитете. – СПб.: Рус. скоропеч. (В. Нахимовой), 1879. – 57 с.
16. Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). – М.; Л.: Наука, 1965. – 427 с.
17. Таубе М. А. История зарождения современного международного права (средние века). Т. 1. Введение и Общая часть. – СПб.: Тип. П. И. Шмидта, 1894. – XII, 370 с.
18. Тихомирова Т. Б. К вопросу о ширине территориального моря // Правоведение. – 1963. – № 4. – С. 101–107.
19. Толкачев М. В. Взаимоотношения России с Ганзой в период правления Федора Иоанновича и Бориса Годунова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – №2. – С. 7–13.
20. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – 881 с.
21. Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). – М.: Индрик, 2010. – 656 с.
22. Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648): в 2 т. – СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1893. – Т. 1. – 717 с.; 1894. – Т. 2. – 630 с.
23. Хиггинс Ф., Коломбос Д. Международное морское право. – М.: Иност. лит-ра, 1953. – XIV, 714 с.
24. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. – Л.: Наука, 1987. – 177 с.
25. Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 г. имел. – М.: Зерцало, 2008. – XLVI, 202 с.

References

1. Alekseev, Ju. G. (2003) *Morskaia politika Ivana III (k postanovke voprosa). Ot Drevnei Rusi k Rossii Novogo vremeni* [The Maritime policy of Ivan III (to raise the question) // From Ancient Russia to Modern Russia]. Sb. statei k 70-letiiu A. L. Khoroshkevich. Moscow: Nauka. Pp. 108–125. (In Russian).
2. Alekseev, Ju. G. (2007) *Pohody russkikh vojsk pri Ivane III* [Campaigns of Russian troops under Ivan III]. Saint-Petersburg: SPbGU. (In Russian).
3. Anisimov, M. Ju. (2012) *Rossijskaja diplomatija v Evrope v seredine XVIII v.: ot Ahenskogo mira do Semiletnej vojny* [Russian diplomacy in Europe in the Middle of the XVIII century: from the Peace of Aachen to the Seven Years' War]. Moscow: Tovarishestvo nauchny'x izdaniij KMK. (In Russian).
4. Vajnshtejn, O. L. (1947) *Russko-shvedskaja vojna 1655–1660 gg. (Istoriograficheskij obzor)* [The Russian-Swedish War of 1655–1660. (Historiographical review)]. *Voprosy istorii – Question of History*. No. 3. Pp. 53–72. (In Russian).
5. Vasil'eva, N. A., Kosov, Ju. V. (2017) *Sovremennye trendy ganzejskikh tradicij v Baltijskom regione* [Modern trends of Hanseatic traditions in the Baltic region]. *Baltijskij region – Baltic region*. Vol. 9. No. 2. Pp. 142–155. (In Russian).

6. Gorod v srednevekovoj civilizacii zapadnoj Evropy [A city in the medieval civilization of Western Europe]. T. 4: Extra muros. Gorod, obshchestvo, gosudarstvo / Pod red. A. A. Svanidze. Moscow: Nauka, 2000. (In Russian).
7. Grocij, G. (1994) *O prave vojny i mira* [On the right of war and peace]. Moscow: Ladomir. (In Russian).
8. Kachenovskij, D. (1855) *O kaperah i prizovom sudoproizvodstve v otnoshenii k nejtral'noj torgovle* [On privateers and prize proceedings in relation to neutral trade]. Moscow: Tip. V. Got'e. (In Russian).
9. Kobzareva, E. I. (1998) *Diplomaticeskaja bor'ba Rossii za vyhod k Baltijskomu morju v 1655–1661 gg* [Russia's diplomatic struggle for access to the Baltic Sea in 1655–1661]. Moscow: IRI RAN. (In Russian).
10. Krotov, P. A. (2001) *Peterburgskij port pri Petre I. Fenomen Peterburga* [St. Petersburg port under Peter I // Phenomenon of St. Petersburg]. Saint-Petersburg: Blic. Pp. 423–433. (In Russian).
11. Krotov, P. A. (2017) *Rossijskij flot na Baltike pri Petre Velikom* [The Russian Fleet in the Baltic under Peter the Great]. Saint-Petersburg: Istoricheskaja illjustracija. (In Russian).
12. Kurbatov, O. A. (2018) *Russko-shvedskaja vojna 1656–1658 gg* [Russian-Swedish War of 1656–1658]. Moscow: Runivers. (In Russian).
13. Mavrodin, V. V. (1949) *Nachalo morehodstva na Rusi* [The beginning of navigation in Russia]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian).
14. Martens, F. (1869) *O prave chastnoj sobstvennosti vo vremja vojny* [On the right of private property during the war]. Saint-Petersburg: Pechatnaja V. Golovina. (In Russian).
15. *Stoletie deklaracii Ekateriny II o voozuzhennom nejtralitete* [Centenary of Catherine II's Declaration of Armed Neutrality] (1879). Saint-Petersburg: Russkaja Skoropechatnaja (V. Nahimovoj). (In Russian).
16. Tarle, E. V. (1965) *Očerki istorii kolonial'noj politiki zapadnoevropejskikh gosudarstv (konec XV – nachalo XIX v.)* [Essays on the history of the colonial policy of Western European States (late XV – early XIX century)]. Moscow; Leningrad: Nauka. (In Russian).
17. Taube, M. A. (1894) *Istorija zarozhdenija sovremennogo mezhdunarodnogo prava (srednie veka)* [The history of the origin of modern international law (Middle Ages)]. Vol. 1. Vvedenie i Obshhaja chast'. Saint-Petersburg: Tipografiya P. I. Shmidta. (In Russian).
18. Tihomirova, T. B. (1963) *K voprosu o shirine territorial'nogo morja* [On the question of the width of the territorial sea]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No. 4. Pp. 101–107. (In Russian).
19. Tolkachev, M. V. (2010) *Vzaimootnoshenija Rossii s Ganzoj v period pravlenija Fedora Ioannovicha i Borisa Godunova* [Relations between Russia and the Hansa during the reign of Fyodor Ioannovich and Boris Godunov]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 12. No. 2. Pp. 7–13. (In Russian).
20. Filjushkin, A. I. (2013) *Izobretaja pervuju vojnu Rossii i Evropy: Baltijskie vojny vtoroj poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov* [Inventing the First War of Russia and Europe: The Baltic Wars of the second Half of the XVI century through the eyes of contemporaries and descendants]. Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russian).
21. Florja, B. N. (2010) *Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedi (1655–1661 gg.)* [The Russian State and its Western neighbors (1655–1661)]. Moscow: Indrik. (In Russian).

22. Forsten, G. V. (1893) *Baltijskij vopros v XVI i XVII stoletijah (1544–1648)* [The Baltic Question in the XVI and XVII centuries (1544–1648)]: v 2 t. Saint-Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva i Ko, Vol. 1. (In Russian).

23. Higgins, F., Kolombos, D. (1953) *Mezhdunarodnoe morskoe pravo* [International maritime law]. Moscow: Inostrannaya literatura. (In Russian).

24. Shaskol'skij, I. P. (1987) *Bor'ba Rusi za sohranenie vyhoda k Baltijskomu morju v XIV veke* [Russia's struggle to preserve access to the Baltic Sea in the XIV century]. Leningrad: Nauka. (In Russian).

25. Shafirov, P. P. (2008) *Rassuzhdenie, kakie zakonnye prichiny Petr I, car' i povelitel' vserossijskij, k nachatiju vojny protiv Karla XII, korolja shvedskogo, v 1700 g. ime!* [Reasoning, what legitimate reasons Peter I, tsar and ruler of All-Russia, had for starting the war against Charles XII, King of Sweden, in 1700]. Moscow: Zercalo. (In Russian).

Об авторе

Акишин Михаил Олегович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-7363-4069, e-mail: Akishin-MO@yandex.ru

About the author

Michael O. Akishin, Dr. Sci. (Hist.), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-7363-4069, e-mail: Akishin-MO@yandex.ru

Поступила в редакцию: 10.02.2023
Принята к публикации: 21.02.2023
Опубликована: 31.03.2023

Received: 10 February 2023
Accepted: 21 February 2023
Published: 31 March 2023

Государство как системообразующий элемент политической системы общества

С. В. Архипов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье проводится анализ политической системы общества как комплексного многофакторного явления. Автором исследуется институциональное ядро политической системы, доказывается зависимость её институциональной структуры от содержания и институализации общественных идеалов. На основе методологии неклассического правоведения конструируется модель политической системы в институциональном, функциональном и информационно-коммуникативном аспектах.

Автор обосновывает системообразующее значение государства для политической системы общества путём соотнесения отдельных сторон феномена государства с выделенными аспектами политической системы.

В статье делается вывод о том, что только многостороннее понимание феномена государства способно дать представление о политической системе как едином целостном явлении.

Ключевые слова: политическая система, ядро политической системы, политический институт, функции политической системы, государство.

Для цитирования: Архипов С. В. Государство как системообразующий элемент политической системы общества // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 35–57. DOI 10.35231/18136230_2023_1_35

The state as a system-forming element of the political system of society

Sergei V Arkhipov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the political system of society as a complex multifactorial phenomenon. The author studies the institutional core of the political system, proves the dependence of its institutional structure on the content and institutionalization of social ideals. Based on the methodology of non-classical jurisprudence, a model of the political system is constructed in the institutional, functional, information and communication aspects.

The author substantiates the backbone importance of the state for the political system of society by correlating individual aspects of the phenomenon of the state with the selected aspects of the political system.

The article concludes that only a multilateral understanding of the phenomenon of the state is able to give an idea of the political system as a single integral phenomenon.

Key words: political system, core of the political system, political institution, functions of the political system, state.

For citation: Arkhipov, S. V. (2023) Gosudarstvo kak sistemoo-brazyuyushchij element politicheskoy sistemy obshchestva [The state as a system-forming element of the political system of society]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad legal journal*. No. 1 (71). Pp. 35–57. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_35

Введение

Определение места и значения государства в политической системе общества находится в прямой зависимости от подхода к феномену государства, которого придерживается исследователь, а также от подхода к описанию политической системы как динамической системы со сложной многоуровневой структурой. На первый взгляд, указанные обстоятельства должны порождать большое многообразие теоретических моделей политических систем, а также государства, как одного из основных элементов этих систем. На деле большая часть исследователей опирается на институциональный подход к понятиям государства и политической системы, игнорируя другие возможности научного познания. Как пишет Н. Н. Бондарь, «политическая система общества определилась как сложный комплекс государственных институтов, политических партий, общественных организаций, в рамках которой происходит политическая жизнь общества и осуществляется государственная и общественная власть» [5, с. 59]. На наш взгляд, такой односторонний подход к исследованию политико-правовых феноменов сужает поле научного поиска и значительно обедняет полученные результаты. Актуальность настоящего исследования видится в попытке преодолеть односторонний характер конструирования модели взаимодействия государства и других элементов политической системы общества, а это может быть достигнуто лишь описанием политической системы как сложной саморазвивающейся системы, ядро которой представлено многообразием государственных и негосударственных институтов, форм общественного сознания, общественных идеалов.

Методология современного неклассического правоведения допускает при построении объяснительной модели политико-правового феномена использование *прин-*

ципа *дополнительности*. Рассмотрим суть этого похода и возможность его применения для исследования государства и политической системы.

Принцип дополнительности как метод научного познания

Впервые сформулированный в неклассической физике Н. Бором *принцип дополнительности* стал одним из фундаментальных принципов неклассической науки, распространённым на сферу гуманитарного знания [6]. В нашей стране методологию дополнительности наиболее полно изучал философ И. С. Алексеев [8, с. 458–465]. Принцип дополнительности основывается на деятельностной парадигме восприятия мира. Как пишет И. С. Алексеев, «слова "на самом деле" тогда следует понимать буквально – происходит на самом деле то, что имеет место в процессе и результате реальных, предметных действий» [1, с. 21]. С этих позиций научное познание воспринимается как особый тип целенаправленной деятельности. Мир представляет собой единый и неделимый феномен, его умозрительная дифференциация на отдельные объекты является промежуточным результатом человеческого познания, в этом смысле каждый объект реальности человекообразен. Объект этой деятельности зависит от методологических и инструментальных подходов, используемых исследователем, а сами методы и инструменты познания обусловлены целями, задачами исследования; установленными границами предмета познания. Это позволяет сделать вывод, что онтологическая реальность объекта представлена не одной, относительно обособленной, группой свойств объекта, а несколькими, каждая из которых представляет собой одну из сторон субъективно-объективной онтологической реальности. Так, один и тот же физический объект можно

воспринимать как совокупность материальных частиц, образующих и объективное целое, и совокупность квантовых взаимодействий элементарных частиц, из которых состоит материальность объекта. Когда мы умозрительно «наблюдаем» объект как квантово-импульсную реальность, другая сторона – материальность элементарных частиц – воспринимается нами как дополнительное знание, дающее целостное понимание модели реальности. И наоборот: воспринимая объект как совокупность молекул, атомов, элементарных частиц, мы дополняем наше знание представлением о реальности различных типов взаимодействий между частицами вещества. При этом всякое одномерное восприятие действительности неистинно и приводит к абсолютизации только одной стороны реальности, что в явной или неявной форме является отрицанием другого аспекта реальности.

С этих позиций решается вопрос об истинности знания в гуманитарных науках. Всякая сложная социальная система может познаваться как многомерная реальность, представленная совокупностью институтов (элементов системы); структурных взаимодействий между этими элементами; функций, целей, задач. В этой связи можно установить следующие задачи исследования: 1) определить различные аспекты этой системы как относительно самостоятельные описания политико-правовой реальности; 2) показать взаимосвязь между этими описаниями, при котором одна сторона описания дополняет описание другой стороны. Иными словами, необходимо сконструировать объяснительную модель политической системы общества; 3) определить место концепции государства в предложенной объяснительной модели.

Решение первой из задач, на наш взгляд, возможно с использованием предложенной И. С. Алексеевым трёхкомпонентной модели научного знания. Эту модель

И. С. Алексеев рекомендовал для исследования физических объектов, однако очевидно что её применение допустимо во всех областях научного познания [1, с. 83].

Трёхкомпонентная модель политической системы

И. С. Алексеев предлагает различать три типа элементов («объектов отнесения знания»): наблюдаемые, ненаблюдаемые и математические объекты (последние можно интерпретировать более широко, как знаковые системы, средства коммуникации или непосредственно информационно-коммуникативный процесс). «Они различаются, – подчёркивает И. С. Алексеев, – по способу существования, обусловленному типу деятельности, в котором они фигурируют» [1, с. 83]. Реальность наблюдаемых объектов даётся нам в ощущениях, при необходимости усиленных научными приборами, или, как пишет И. С. Алексеев, «на эти объекты всегда можно «указать пальцем», т.е. дать им осязаемое определение...» [1, с. 84]. Ненаблюдаемые объекты недоступны органами чувств, их существование удостоверяется в умозрении. По И. С. Алексееву, «они представляют собой онтологизированные конструкторы, предназначенные для объяснения наблюдаемых объектов. С их помощью обычно строится теоретическая картина сущности наблюдаемого...» [1, с. 84]. Математический компонент, по И. С. Алексееву, представляет собой совокупность символов, «интерпретация которых на область наблюдаемого и ненаблюдаемого придаёт математическим объектам физический смысл» [1, с. 84]. Последнее нуждается в пояснении. Очевидно, что политическую систему невозможно описывать через математические символы, однако любая политико-правовая реальность представлена разнообразной текстуальной формой – политико-правовыми актами, в которых закреплены нормативные и индивидуальные предписания органов государственной власти. Невозмож-

но игнорировать этот компонент политической системы. В то же время невозможно согласиться с попытками абсолютизации знаковой стороны политико-правовой реальности, а такие попытки предпринимаются в отечественной юриспруденции. С этих позиций, как пишет М. В. Байтеева, «не язык принадлежит человеку, а скорее, человек принадлежит языку... наше понимание – это пункт встречи человека с языком, создание ситуации, с которой только начинается процесс рефлексии, и только затем познание и изменение мира и нас самих» [3, с. 6]. Как правило, такое понимание всеильности знака связано с определённым подходом к природе человека: с этой точки зрения человек начинает социальные взаимодействия в социокультурной реальности с чистого листа. Поэтому язык (как и право, как и политика) воспринимается сторонней силой, которой не может сопротивляться человек. Однако человек, по Аристотелю, существо общественное, а значит, в природе человека имеются потенциальные силы, трансформирующиеся в социуме в такие феномены как язык, право, политика. П. Бурдьё считает, что знаковая реальность поля политики приобретает большее значение, чем сама реальность политических отношений. Знаковая реальность, согласно французскому социологу, навязывает легитимное восприятие политических реалий, попутно убирая конкурирующие знаковые системы, «поскольку в поле политики речь идёт о накоплении символической власти навязывания верований, признанных принципов видения...» [7, с. 126]. В этом случае мы «видим» политическую систему не как реальность политических отношений, а как реальность содержания политико-правовых актов, т.е. представленное знаковой формой должное подменяет собой сущее. Такой односторонний подход представляется некорректным и несоответствующим принципу дополнительности.

Наблюдаемые элементы модели политической системы общества

Наблюдаемыми объектами политической системы (первый компонент модели) можно считать институты органов государственной власти и негосударственные институты, оказывающие стабильное влияние на формирование содержания политического управленческого решения и его принятие. При этом помимо институтов, представленных субъектами политической жизни – государством, политическими партиями, политическими движениями, общественными организациями, лоббистскими группами, религиозными организациями, средствами массовой информации, политической блогосферой в интернете и т.д., – в политической системе общества присутствуют институты, как стабильно существующие политико-правовые явления – институты выборов и референдумов, институт защиты прав и свобод человека, институт общественных идеалов. Институты, оказывающие наиболее значимое влияние на процесс принятия управленческих решений органами государственной власти, характеризуются как ядро политической системы. Однако если органы государственной власти относят к ядру политической системы все исследователи, что вполне объяснимо и не нуждается в дополнительной аргументации, то присутствие среди основных институтов негосударственных структур во многом зависит от особенностей сложившейся в обществе политической системы. Как представляется, определяющим фактором конструирования таких особенностей является доминирующая общественная идеология. Так, ядро либеральной политической системы составляют негосударственные институты, формирующие общественное мнение в частно-правовой сфере. Гражданское общество представлено самоорганизующимися и самоуправляемыми

институтами защиты прав и свобод человека; средствами массовой информации; общественными организациями как постоянными участниками политического дискурса. Наиболее значимые из представленных институтов (наряду с органами государственной власти) составляют ядро политической системы (в данном случае не имеются в виду организации и лица, осознанно действующие в интересах других государств, – такие структуры в большинстве случаев нестабильны, а значит, не могут считаться институтами). Разновидностью либеральной политической системы можно считать либертарианство. Это радикальное течение в либерализме стремится максимально ограничить влияние государства на общественные институты, обосновывая необходимость применения рыночных механизмов во всех сферах общественной жизни, в т. ч. в сфере политики: политик продаёт на политическом рынке свой специфический товар – политическую программу, оказывает специфические услуги в политической сфере. Один из крупнейших представителей этого направления австрийский экономист Ф. Хайек доказывает, что даже ограниченный контроль государства в экономической сфере непременно приводит к тоталитаризму в сфере политической. Частичное огосударствление экономики воспринимается Ф. Хайеком как «дорога к рабству» [15]. Американский идеолог либертарианства Р. Нозик в своей книге «Анархия, государство и утопия» центральной идеей либертарианства считает установление максимальной автономности личности («человек может сделать с собой все что угодно») [11, с. 28–29, 86], что предполагает «ультраминимальное» вмешательство государства в общественные отношения. Р. Нозик отрицает существование общественных идеалов и общественных благ. «Есть только отдельные люди, – пишет Р. Нозик, – разные люди, у каждого из которых собственная жизнь... индивида используют

к выгоде других, это значит, что его используют, а выгоду получают другие... Разговоры о благе всего общества скрывают этот факт» [11, с. 56–57]. Либертарианство можно понимать как анархистское направление либерализма. Идеал либертарианства – ядро политической системы общества, где отсутствуют институты органов государственной власти, но в полной мере представлены самоорганизующиеся и самоуправляемые институты гражданского общества. Государству отводится второстепенная роль в политической системе. Утопичность либертарианства как учения очевидна. Однако попытки построить политическую систему при помощи абсолютизации индивидуальных прав и свобод человека, всеобъемлющей толерантности и мультикультурализма закономерно приводят к своей противоположности – установлению диктата свободных и толерантных представителей постмодерна, которые «ради свободы и демократии» готовы отказать обществу в свободе и праве самим выбирать путь развития. На практике либертарианская политическая система общества предстаёт как переходный этап от либеральной системы к политической системе тотального подавления личности.

Существенным недостатком либеральной политической системы можно считать отсутствие института общественных идеалов. Это не должно пониматься как полное отсутствие общественных идеалов, их существование в любом обществе представляется неоспоримым, однако либеральная идеология ставит непреодолимый барьер для институализации этого феномена. Как правило, утверждается, что у каждого индивида может быть своё представление об идеале, а значит, установление общеобязательных идеалов будет по меньшей мере идеологическим насилием над частью общества, что в эпоху мультикультурализма (постмодерна) не может считаться приемлемым. С пози-

ций либеральной идеологии, в качестве замены общественного идеала выступают средства и условия гармоничного существования человека в обществе – правовое государство, демократия, социальное государство, права и свободы человека и т. п. Либеральная идеология, отставив идеи индивидуалистического атомизированного социального бытия, стремится трактовать общественные идеалы как результат социального соглашения, которого придерживается большинство членов общества. В этом случае конвенциональная природа общественных идеалов устанавливает зависимость их содержания от культурно-исторических особенностей эпохи.

Однако возможно принципиально иное понимание общественного идеала. Как писал П. И. Новгородцев, «речь идет в таком случае не о тех изменчивых исторических идеалах, которые различаются от времени и места, от национальных особенностей и партийных разделений, а о том всеобщем идеале, который всегда один и тот же и стремление к которому составляет правду и смысл общественной жизни» [10, с. 55]. Для неокантианца П. И. Новгородцева общественный идеал – независящий от социальных факторов императив, соответствующий разумной природе человека. «Необходимо иметь уверенность, – пишет П. И. Новгородцев, – что этот идеал есть не отвлечённая норма, предносящаяся человеческому уму, а живая сила, обладающая высшей реальностью, что человеческие дела могут приобщаться этой высшей правде и проникаться ею» [10, с. 60].

В противовес либеральной идеологии социалистическая политическая система ориентирована на институализацию общественных идеалов и подчинение всех других политических институтов идеалам коммунизма и социалистического строительства. Искусственный характер этих идеалов преподносится как достижение, а не как

недостаток. Однако именно противоестественность таких ориентиров порождает пороки общественного строя и политической системы. «Самая стабильная и всепорождающая основа всех отрицательных явлений жизни коммунистических стран, – писал социолог А. А. Зиновьев, – заключена в самом положительном идеале коммунизма и в его самых лучших положительных качествах как реального строя общества...» [9, с. 23]. «Реальность коммунизма обнаружила, – пишет учёный, – что эксплуатация одних людей другими и различные формы социального и экономического неравенства не уничтожаются при коммунизме, а лишь меняют свои формы и в каких-то отношениях ещё более усиливаются» [9, с. 23–24]. Ядро социалистической политической системы составляют органы государственной власти, институты власти коммунистической партии, институт общественных идеалов социализма (коммунизма). Государствление всех сфер общественной жизни не позволяет указать на независимые от государства стабильно действующие структуры. Абсолютизация искусственных идеалов приводит к тому, что всю политико-правовую реальность начинают подгонять под установленный шаблон, как итог: дисгармония возникает во всех сферах общественной жизни.

Политическая система общества консервативного типа характеризуется формированием института общественных идеалов, как правило, на основе религиозного мировоззрения. Это обстоятельство позволяет отнести институт церкви к ядру консервативной политической системы. Клерикальные и теократические государства характеризуются значительным, а порой определяющим воздействием религиозной идеологии на все сферы общественной жизни, а государственные институты осуществляют свои функции с опорой на традицию. Защита традиций как внешнего проявления иррацио-

нальных общественных идеалов настолько укоренилась в общественном сознании, что зачастую в обществе сохраняются неизменными самые регрессивные модели поведения. И. В. Понкин относит к разновидностям несветских политических систем «модель секулярной квазиригии», которая существовала, по мнению российского правоведа, в СССР, нацистской Германии, КНДР и отчасти наблюдается в современных США [12, с. 171]. На наш взгляд, необходимо отличать влияние церкви как субъекта политической системы от общественной идеологии определённого типа. В приведённых примерах иррациональный характер общественной идеологии не означает влияние церкви на принятие политических решений. Несветский характер государства и политической системы определяется наличием религиозного культа, что предполагает специфику функционирования государственных институтов и принятия политических решений. Иррациональный элемент присутствует во всех общественных идеологиях без исключения. Однако система иррациональных взглядов на развитие общества не обязательно предполагает осуществление культа, а значит, в большинстве случаев мы имеем дело со светскими политическими системами.

Таким образом, ядро консервативной политической системы религиозного типа составляют институты государственной власти, институт церкви, традиционалистские институты, а также институт общественных идеалов.

Характеристика консервативной политической системы как системы с развитой религиозной идеологией не означает, что невозможны светские модели политических систем этого направления. На наш взгляд, примером формирующейся консервативной политической системы светского типа можно считать Россию. Утверждение Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября

2022 г. «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – «Основы») позволяет говорить о начале формирования института общественных идеалов, что является определяющим критерием для характеристики политической системы, поскольку по своему потенциальному влиянию на российскую политическую систему «Основы» находятся на одном уровне с Конституцией Российской Федерации. Согласно «Основам», под традиционными духовно-нравственными ценностями понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России и лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны (п. 4, раздел 1 «Основ»). По нашему мнению, данные в определении признаки характерны для общественных идеалов. А указание на формирование традиционно-духовных ценностей в течение многих поколений, их уникальное и самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии российского народа свидетельствует о естественной природе этих идеалов.

В ряду указанных в «Основах» ценностей можно отметить достоинство, патриотизм, гражданственность, служение отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным... (п. 5, раздел 1 «Основ»). Тем самым «Основы» предлагают ориентироваться на традиционные институты семьи, армии, общественной нравственности. Отнесение основных традиционалистских религий к историческому и духовному наследию России позволяет сделать вывод о восприятии религии как объекта, содержательная сторона которого потенциально может быть использована при функционировании политической системы. При этом церковь как

субъект политической деятельности в «Основах» не упомянута.

Очевидно, что утверждение «Основ» подзаконным актом (Указом Президента Российской Федерации) нарушает сложившуюся иерархию законодательства, согласно которой подзаконные акты принимаются во исполнение законов, т. е. конкретизируют нормативные тематические положения законов. Как указано в «Основах», «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России», а также обеспечивать интеграцию общества (п. 7, раздел 1 «Основ»). Однако такие основополагающие для России положения должны быть приняты на уровне федеральных законов, а не в виде подзаконного акта. В тоже время масштабность формулируемых «Основ» говорит о необходимости их включения в Конституцию Российской Федерации или конституционный федеральный закон (при наличии указания в Основном законе). Столь очевидное нарушение принципов нормотворчества свидетельствует о происходящем в российском обществе политическом противостоянии либеральных и консервативных идеологий. Поэтому в отличие от классических либеральных или консервативных политических систем существующая в России политико-правовая реальность характеризуется наличием как либеральных, так и консервативных элементов системы. Ядро политической системы России состоит из институтов органов государственной власти, политических партий, стабильно существующей системы выборов; института прав и свобод человека, а также формирующегося института общественных идеалов. Существующие институты гражданского общества, религиозные организации, как представляется, не оказывают постоянного существенного влияния на принятие политических решений в стране.

Предложенное институциональное описание политической системы общества не позволяет характеризовать исследуемый феномен в его динамическом аспекте. Этот пробел восполняется функциональным подходом к политической системе. При этом характеристика функций политической системы представляет собой комплексное описание, в терминологии И. С. Алексеева, ненаблюдаемых объектов системы (второй компонент модели политической системы). Проанализируем это описание.

Ненаблюдаемые элементы модели политической системы

К объектам, непосредственно не воспринимаемым нашими органами чувств, относятся функции политической системы. Американский политолог Г. Алмонд предложил различать две группы функций любой политической системы: функции «ввода» и функции «вывода». Функции «ввода» представлены 1) политической социализацией членов общества; 2) артикуляцией их интересов; 3) объединением их интересов в общий интерес; 4) политической коммуникацией по поводу общественных интересов [2, с. 79–83]. Названные функции имеют своей целью объективацию интересов общества и их представление органам государственной власти. Функции «вывода» представляют собой преимущественно действия государственной власти. К этой группе Г. Алмонд относит: 1) разработку законов; 2) реализацию правовых норм; 3) контроль за их реализацией [2, с. 79–81]. Помимо названных американским учёным функций, как представляется, в качестве самостоятельной необходимо выделить функцию определения основных направлений государственной политики, тем самым отделив стратегические решения государства от оперативных.

В соответствии с принципом дополнительности представленные стороны феномена политической системы – институциональная и функциональная – должны познаваться исследователем как единое онтологическое целое, а для создания теоретической модели политической системы (институциональной и функциональной одновременно) необходимо указать элемент, объединяющий все в многоаспектную систему. Таким системообразующим элементом является концепция государства.

Государство как системообразующий элемент

Понятие государства имеет множество подходов, складывающихся на протяжении значительного исторического периода. За это же время исторический феномен государственности менялся и усложнялся как по форме, так и по содержанию: возникали новые факторы политогенеза, менялись формы и методы осуществления государственной власти, начинали осознаваться новые цели и задачи государственного управления. По этой причине на сегодняшний день невозможно говорить о наличии в правоведении общепризнанного подхода к сущности государства. Дискурс государства предполагает сосуществование нескольких основных подходов. Однако с позиций описанного выше принципа дополнительности, эти подходы должны не исключать, а взаимодополнять друг друга, конструируя целостное восприятие феномена государственности. В этом случае, опираясь на представление о взаимосвязи государства и политической системы (а такая взаимосвязь представляется очевидной), можно предположить, что каждый из основных подходов к феномену государства соответствует определённому уровню теоретической модели политической системы общества. Государство, существующее как целостный феномен, в теоретической модели предстаёт в трёх «образах» – элемен-

тах политической системы. В институциональном плане как институт, на функциональном уровне как функция (или множество функций), в информационно-коммуникативном плане как политико-правовые отношения, объективированные знаковой системой.

В Новое время возникает представление о государстве как объекте, как совокупности функций, осуществляемых носителем власти – монархом. Функциональный подход к государственности позволяет описывать этот феномен как иерархически сложную динамическую систему властного воздействия на общество. Однако государственные функции государства отличаются от функций политической системы. Как отмечал Л. И. Спиридонов, функции государства ориентированы на интеграцию общества как необходимое условие существования государства [14, с. 58–93]. С ним согласны Н. Д. Эриашвили, Ю. А. Иванова, Т. В. Радченко, которые указывают: «ключевая необходимость государства в современном обществе заключается в том, что оно обеспечивает и поддерживает целостность всего общества, являясь так называемым политическим стержнем, с максимальной концентрацией власти» [16, с. 33].

В то же время функции политической системы направлены на сохранение политической власти как целостного феномена. Во многих случаях конкретное действие органа государственной власти направлено на осуществление функции государства и функции политической системы одновременно. Их дифференциация является результатом научной абстракции. По этой причине государство можно рассматривать в двух модусах функционального бытия: как функцию интеграции общества (по Л. И. Спиридонову, «генеральная функция государства») и как функцию саморазвития и самоподдержания политической системы. Во втором случае значение государства выражается в его восприятии как элемента

более обширной системы функций – функций политической системы.

Государство присутствует как необходимая составная часть информационно-коммуникативного аспекта (третьего компонента) политической системы. В современном правоведении распространено представление о государстве как об особом типе коммуникаций, обусловленных текстами политико-правовых актов. В рамках этого подхода политическая система предстаёт как совокупность коммуникаций, которыми обусловлено функционирование политических институтов по поводу формирования и осуществления государственной власти. Так, Р. А. Ромашов для описания изменчивости коммуникационной природы политической системы и государства вводит понятие «политогенез». Согласно определению российского учёного, «политогенез – это процесс развития политической системы общества, трансформируемой на определённом этапе в государство» [13, с. 39]. Поскольку государство и политическая система в подходе Р. А. Ромашова понимаются как отношения публичных и частных интересов (социальная организация), предлагается различать два цикла политогенеза. Как пишет Р. А. Ромашов, в «либертарном» государстве (т.е. государстве, где обеспечиваются частные интересы) развитие политических коммуникаций осуществляется по принципу спирали: «последовательном накоплении опыта, связанного с разграничением публичных и частных интересов и установлением определённого баланса между ними» [13, с. 41–44]. В «тотальном» государстве (т.е. государство с неограниченной и бесконтрольной политической властью) развитие осуществляется по принципу круговой цикличности (по Р. А. Ромашову, «принцип прерывистой истории»): каждый новый исторический цикл является концептуальным повторением предыду-

щего – приобретение политической власти, нейтрализация соперников, экспроприация частной собственности и её распределение между сторонниками власти [13, с. 43–44]. На основе циклического подхода российский учёный различает «типовое видоизменение государственной организации: государство-полис сменяет государство-королевство (kingdom), на смену которому, в свою очередь, приходит государство-политико-правовой порядок управления (state of law)» [13, с. 135]. Особый тип государства – государство-деспотия-храм (дворец) [13, с. 138]. В этом описании акцент делается на коммуникативной стороне государственности, несмотря на то, что автор подхода подчёркивает: «анализ политогенеза в контексте метода цикличности в основе своей содержит... попытку конструирования вероятностных моделей формирования и функционирования институтов и отношений, в комплексе образующих политико-правовую жизнь общества на различных исторических стадиях» [13, с. 137–138].

Поскольку основанием такого рода коммуникаций являются политические нормы, в статическом аспекте третий компонент можно понимать как совокупность норм, регулирующих политико-правовую коммуникацию.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что государство занимает уникальное место в политической системе. Эта уникальность выражается в триединстве бытия государства относительно трёх сторон политической системы – институциональной, функциональной и информационно-коммуникационной (нормативной). Особенности политико-правового положения государства в политической системе подтверждают эту многоаспектность: государство «выступает в качестве единственного официального представителя всего на-

рода» (информационно-коммуникационный компонент); «является носителем суверенитета», «имеет, как правило, монополию на правотворчество» (функциональный компонент); обладает специальным аппаратом, предназначенным для управления обществом, имеет силовые структуры (институциональный компонент) [4, с. 45]. Именно государство как многоаспектный феномен выступает системообразующим элементом политической системы, создаёт предпосылки для восприятия этой системы во взаимодополняющем многоуровневом единстве.

Список литературы

1. Алексеев И. С. Деятельностная концепция познания и реальности. – М.: Руссо, 1995. – 528 с.
2. Алмонд Г., Пауэлл Дж. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Г. Алмонд и др.; пер. с англ. А. С. Богдановского. – М.: АспектПресс, 2002. – 537 с.
3. Байтеева М. В. Язык и право. – Казань: Отечество, 2013. – 253 с.
4. Баширина Е. Н. Место государства в политической системе // Вестник Башкирского университета. – 2010. – № 2. – С. 451–454.
5. Бондарь Н. Н. Политическая система: понятие, сущность, структура, функции // Общество и право. – 2012. – № 5(42). – С. 59–61.
6. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – М.: Иностранная литература, 1961. – 151 с.
7. Бурдьё П. Социоанализ Пьера Бурдьё / пер. с фр. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. – 288 с.
8. Визгин Вл. П. Дон Кихот дополнительности // И. С. Алексеев. Деятельностная концепция познания и реальности. – М.: Руссо, 1995. – С. 458–465.
9. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
10. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – 640 с.
11. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
12. Понкин И. В. Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003. – 416 с.
13. Ромашов Р. А. Политогенез: Храм – Полис – Государьство – State / Р. А. Ромашов; вступ. сл. В. П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 2020. – 300 с.
14. Спиридонов Л. И. Избранные произведения. – СПб.: Санкт-Петербургский институт права им. принца П. Г. Ольденбургского, 2002. – 392 с.
15. Хайек Ф. Дорога к рабству / пер. с англ. М. Б. Гнедовского. – М.: АСТ, 2022. – 352 с.
16. Эриашвили Н. Д., Иванова Ю. А., Радченко Т. В. Государство в политической системе общества: особенности и перспективы // Вестник экономической безопасности. – 2021. – №1. – С. 29–35.

References

1. Alekseev, I. S. (1995) *Deyatelnostnaya koncepciya poznaniya i realnosti* [The activity concept of cognition and reality]. Moscow: Russo. (In Russian).
2. Almond, G. Pauell, Dj. (2002) *Sravnitel'naya politologiya segodnya. Mirovoi obzor* [Comparative Political Science today. World Review] / G. Almond i dr.; per. s angl. A. S. Bogdanovskogo. Moscow: AspektPress. (In Russian).
3. Baiteeva, M. V. (2013) *Yazik i pravo* [Language and law]. Kazan: Otechestvo. (In Russian).
4. Bashirina, E. N. (2010) *Mesto gosudarstva v politicheskoi sisteme* [The place of the state in the political system]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of the Bashkir University*. No. 2. Pp. 451–454. (In Russian).
5. Bondar, N. N. (2012) *Politicheskaya sistema: ponyatie_ suschnost_ struktura_ funkcii* [The political system: concept, essence, structure, functions]. *Obschestvo i pravo – Society and law*. No. 5. Pp. 59–61. (In Russian).
6. Bor, N. (1961) *Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie* [Atomic physics and human cognition]. Moscow: Inostrannaya literature. (In Russian).
7. Burde, P. *Socioanaliz Pera Burde* [Socioanalysis of Pierre Bourdieu] / Per. s fr. Moscow: Institut eksperimentalnoi sociologii; Saint-Petersburg: Aleteiya. (In Russian).
8. Vizgin, V. P. (1995) *Don Kihot dopolnitel'nosti* [Don Quixote of complementarity] // I. S. Alekseev. *Deyatelnostnaya koncepciya poznaniya i realnosti*. Moscow: Russo. Pp. 458–465. (In Russian).
9. Zinovev, A. A. (1994) *Kommunizm kak realnost* [Communism as reality]. Moscow: Centrpoligraf. (In Russian).
10. Novgorodcev, P. I. (1991) *Ob obschestvennom ideale* [About the social ideal]. Moscow: Pressa. (In Russian).
11. Nozik, R. (2008) *Anarhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, the state and utopia] / Per. s angl. B. Pinskera. Moscow: IRISEN. (In Russian).
12. Ponkin, I. V. (2003) *Pravovie osnovi svetskosti gosudarstva i obrazovaniya* [Legal foundations of secularism of the state and education]. Moscow: Pro-Press. (In Russian).
13. Romashov, R. A. (2020) *Politogenez_ Hram – Polis – Gosudarstvo – State* [Politogenesis: Temple – Polis – State – State] / R. A. Romashov; vstup. sl. V. P. Salnikov. Saint-Petersburg: Aleteiya. (In Russian).
14. Spiridonov, L. I. (2002) *Izbrannie proizvedeniya* [Selected works]. SPb.: Sankt-Peterburgskii institut prava im. princa P. G. Oldenburgskogo. (In Russian).
15. Haiek, F. (2022) *Doroga k rabstvu* [The road to slavery] / Per. s angl. M. B. Gnedovskogo. Moscow: AST. (In Russian).
16. Eriashvili, N. D., Ivanova, Y. A., Radchenko, T. V. (2021) *Gosudarstvo v politicheskoi sisteme obschestva: osobennosti i perspektivi* [The state in the political system of society: features and prospects]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti – Bulletin of economic security*. No. 1. Pp. 29–35. (In Russian).

Об авторе

Архипов Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

About the author

Sergei V. Arkhipov, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

*Поступила в редакцию: 14.02.2023
Принята к публикации: 21.02.2023
Опубликована: 31.03.2023*

*Received: 14 February 2023
Accepted: 21 February 2023
Published: 31 March 2023*

Понимание собственности и права собственности в отечественных теоретико-исторических источниках

Н. В. Давидович

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Настоящая статья предлагает к рассмотрению один из наиболее актуальных вопросов, занимающих ключевое место в работах по праву, экономике, социологии, а именно – понимание категорий «собственность» и «право собственности». В частности, в статье анализируются основные подходы, сложившиеся в отечественных теоретико-исторических источниках на протяжении различных исторических периодов.

Во вводной части определяется предмет рассмотрения, ставятся исследовательские задачи, осуществляется обзорная характеристика источниковедческой базы.

Содержательная часть посвящена анализу подходов к пониманию категорий «собственность» и «право собственности» в отечественных источниках, а также выявляются пути их формирования и последовательной трансформации под влиянием различных факторов.

В заключении подводятся итоги и делаются обобщающие выводы, основным из которых является утверждение о том, что категории собственность и право собственности не подлежат отождествлению, при этом их совместное исследование позволяет построить новые выводы на основании целого комплекса научного знания, сформированного за продолжительный период их изучения.

Ключевые слова: собственность, право собственности, эволюция понимания собственности и права собственности, теоретико-исторический анализ собственности.

Для цитирования: Давидович Н. В. Понимание собственности и права собственности в отечественных теоретико-исторических источниках // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 58–81. DOI 10.35231/18136230_2023_1_58

Understanding of property and property rights in Russian theoretical and historical sources

Nikita V. Davidovich

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article proposes to consider one of the most pressing issues that occupy a key place in the works on law, economics, sociology, namely, the understanding of the categories of "property" and "property rights". In particular, the article analyzes the main approaches that have developed in domestic theoretical and historical sources over various historical periods.

In the introductory part, the subject of consideration is defined, research tasks are set, and an overview of the source base is carried out.

The content part is devoted to the analysis of approaches to understanding the categories of "property" and "property right" in domestic sources, as well as the ways of their formation and consistent transformation under the influence of various factors.

In conclusion, the results are summarized and generalizing conclusions are made, the main of which is the assertion that the categories of property and property rights cannot be identified, while their joint study allows us to draw new conclusions based on a whole range of scientific knowledge formed over a long period of their study.

Key words: property, property right, evolution of the understanding of property and property rights, theoretical and historical analysis of property.

For citation: Davidovich, N. V (2023) Ponimanie sobstvennosti i prava sobstvennosti v otechestvennih teoretiko-istoricheskikh istochnikah [Understanding of property and property rights in Russian theoretical and historical sources]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (71). Pp. 58–81. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_58

Введение

Собственность является значимой категорией во многих отраслях научного знания. Поскольку целью настоящей статьи является исследование понимания категорий собственности и право собственности, его основой выступает в большей степени правовой подход. При этом необходимо обратить внимание на то, что правовое понимание собственности не является первичным. Термин собственность ложится в основу многих трудов, относящихся к исторической, философской, экономической и другим наукам.

Анализ экономической категории «собственность» позволяет сделать вывод о понимании под ней отношений между всеми хозяйствующими субъектами, которые складываются в связи с необходимостью присвоения, владения и отчуждения средств производства, а также продуктов, которые возникают [5, с. 61]. Для экономического понимания собственности существенное значение имеет не только наличие в собственности средств производства, поскольку они заключают в себе только потенциальную возможность присвоения. Большое значение для понимания собственности имеет процесс эффективного производства, который позволяет собственнику создавать прибавочный продукт.

Соответственно, собственность в экономическом понимании определяется через способность на основании принадлежности создавать новый продукт, реализуя тем самым возникновение собственности на новые вещи не через завоевание существующих объектов, а через производство. Важно и то, что собственность позволяет сформулировать ключевой вопрос для экономической науки: «Кому принадлежит процесс производства?». Значение данного вопроса определяется формированием процесса экономической зависимости хозяйствующих

субъектов как раз через принадлежность процесса производства.

Правовой подход к пониманию собственности представляется возможным определить через две составляющие, а именно:

- отношения между индивидами, которые складываются по поводу имущества. Поскольку имущество состоит в собственности конкретного лица или группы лиц, третьи лица обязаны не допускать посягательств на данное имущество.
- отношение собственности – лицо, присвоившее имущество, относится к нему как к своему и, соответственно, вправе обращаться с ним по собственному усмотрению и с учетом свойств самого имущества.

Важно подчеркнуть, что правовой подход к пониманию собственности в основе своей строится именно на взаимодействии индивидов и общества в целом, которые складываются в связи с принадлежностью вещи.

В целях анализа понимания собственности представляется необходимым рассмотреть основные концепции происхождения собственности, обратиться к этимологии термина собственность, а также проследить динамику его понимания.

Понимание категории «собственность»

Необходимо обратить внимание, что сформировано несколько теорий происхождения собственности. Религиозная или теологическая концепция возникновения собственности исходит из постулата о том, что Бог является истинным и единственным владельцем всего, что существует в мире. Именно Бог является источником всех благ, которые получает человек. Такая формула содержится еще в ветхозаветном учении: «доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство – от Госпо-

да». Так, Святые Василий Великий и Григорий Богослов утверждали, что собственность индивида невозможна, так как он лишь управляет Божьим достоянием. Важно, что по суждениям Григория Богослова, главной заботой лица, в чьем владении находится вещь, являлась необходимость передачи ее нуждающимся. В соответствии с теологической концепцией собственности, человек становился собственником по воле Бога и по Его же воле должен был ей распоряжаться путем раздачи нуждающимся. Истинный христианин видит в себе лишь «раздателя чужого имущества» и рассуждает о собственном лишь «как приставник чужого имущества» [19, с. 11–39]. Соответственно собственность и право на такую собственность может рассматриваться только через призму Божеской воли.

В свою очередь, в рамках трудовой теории собственности Дж. Локк утверждал, что человек обладает собственностью, поскольку обладает собственным телом. Безусловно, данная теория сформировалась в большей степени на основе концепции естественного права, поскольку обладание собственностью признается правом, которое присуще человеку от самого рождения. Прикладывая свой труд к объектам природы, человек реализует присвоение, в связи с чем и возникает собственность.

Отдельного внимания заслуживает политическая теория происхождения собственности. Так, Джеймс Тиррел связывал возникновение собственности с появлением государственной власти, утверждая, что до этого момента народы находились в некоем естественном состоянии. Он же утверждал, что «отсутствие собственности означает и отсутствие преступлений, с ней связанных, и отсутствие необходимости решать споры, возникающие по этому поводу» [20, с. 120]. Именно на основании рассуждений о собственности Джеймс Тиррелл приходит к концепции

общественного договора, указывая, что любая форма договорных отношений служит как раз сохранению собственности. Дж. Тиррел указывал, что до возникновения всеобщего общественного договора собственность была «заимкой или владением и прекращается со смертью владельца» [20, с. 49]. Соответственно, традиционное понимание собственности сформировано не было.

Категория «собственность» предстает в различных формах. Допустимо выделить две основных доктрины – общественную и индивидуалистическую [11, с. 40–47]. Индивидуалистическая точка зрения предусматривает, что человек по своей природе является эгоистом, а объем благ ограничен, соответственно, именно изменчивость прав на собственность влекут за собой невозможность коллективного богатства. В подтверждение указанного тезиса Д. Юм отмечал, что для формирования наиболее благополучного общества необходимы согласие при отчуждении собственности, стабильного владения ей, а также исполнение обязательств, возникающих между индивидами. В свою очередь, в рамках общественной концепции основным вектором развития является стремление к реализации социальной функции собственности через ликвидацию индивидуализма в отношениях между индивидами [17, с. 90–91].

Интересным представляется вопрос о первичности одной из форм собственности – общественной или частной. В соответствии с позицией марксизма общественная собственность вступает в противоречие и противостоит частной собственности. При этом основное отличие марксистской теории по данному вопросу заключается в признании общественной собственности полноценной формой собственности, имевшей место в определенный исторический период. Так, марксисты утверждали, что общественная собственность соответствовала первобытному обществу,

поскольку отсутствовала всякая иная форма собственности. Необходимо обратить внимание на то, что большинство ученых указывают на возникновение собственности только в момент появления частной собственности, которая противопоставляется общественной, поскольку индивидуализирует каждого члена общества и противопоставляет его собственность интересам других. Соответственно, по их мнению, собственность до момента появления частной собственности не существует вовсе [15, с. 146–147].

По этому поводу В. Л. Иноземцев утверждает, что «исторически первичной была «...» личная собственность, «...» становление собственности происходило не как выделение «частной» из «общинной», а как появление собственности личной в противовес коллективной» [8, с. 703]. Таким образом, В. Л. Иноземцев полагал неверной сформулированную в марксизме концепцию, в соответствии с которой частная собственность является промежуточным звеном при становлении общественной собственности, указывая, что собственность стремится к развитию к личной собственности через частную.

Таким образом, категория «собственность» не может быть отнесена к одному направлению научного знания и подлежит рассмотрению как в рамках одной науки, так и комплексно. Необходимо отметить, что подобное проникновение собственности во многие сферы научного знания, во-первых, обусловливается тем, что собственность ложится в основу практически любых отношений, возникающих в обществе. Во-вторых, подобная ситуация открывает дополнительные возможности для изучения самой категории, поскольку рассматривается одновременно в нескольких отраслях, что позволяет применить различные методы научного познания.

Целесообразным представляется обратиться к этимологии самого термина «собственность». Ранние попытки

его толкования в отечественных работах можно найти в Словаре Академии Российской. В указанном источнике «собственность – то же, что собственно, по праву бесспорно кому принадлежит»¹. Получается, что изначально подходы к толкованию собственности устанавливали тождественность с правом собственности, что более присуще бытовому подходу.

Первичными по отношению к категории «собственность» являются термины «собь» и «собина». Однако использование указанных терминов прекратилось еще в XVII веке. В. И. Даль определял термин «собь» следующим образом: «собь – все свое, имущество, животы, пожитки, богатство»² [6, с. 253]. Интересно, что в отличие от современного подхода, под собью и собиной понимались вещи не в качестве экономической категории, находящейся в обладании человека для получения дальнейшей выгоды, а в качестве объекта, имеющего большую духовную связь с субъектом собственности. Причем такая духовная связь имела не меньшее значение, чем вещественные характеристики. Часто под собью понимали что-то свое – родное. Соответственно и возникновение собственности происходило не через присвоение, а скорее через некое формирование духовной связи между индивидом и вещью.

Допустимо выделить две наиболее вероятные причины замены терминов «собь» и «собина» на привычную в современном обороте «собственность». Прежде всего, как уже было указано, собь предполагала тесный духовный контакт между индивидом и вещью, в свою очередь, возникновение юридических лиц повлекло за собой несоответствие употребляемых терминов. Кроме того, введение

¹ Словарь Академии Российской, 1789-1794: в 6 т. / Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз., Моск. гуманитар. ин-т им. Е. Р. Дашковой; [Редсовет Г. А. Богатова – гл. ред. и др.]. М.: МГИ имени Е. Р. Дашковой, 2001–2006. С. 398–399.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. 4-е изд., стер. М., 2007. Т. 4. С. 253.

в оборот идеальных объектов прав собственности, возникающих в бестелесной форме, также послужили основой для реформирования сложившейся терминологической модели отношений собственности.

Динамика развития отношений, складывающихся по поводу собственности, обусловлена различными факторами. В. В. Залесский в качестве таких факторов приводит следующие: «развитие экономики, рост производительных сил, изменения в потребностях человека – расширение, диверсификация, рост производительных сил» [7, с. 65].

Термин собственность впервые получил свое легальное определение в отечественных источниках права при Екатерине II, которая, учреждая комиссию для создания нового уложения, указывает следующее: «Рассуждение о взаимности всех граждан между собой составляет право гражданское, которое сохраняет и в безопасность приводит собственность всякого гражданина». Интересно, что Екатерина II предприняла также попытку истолковать использованный ей термин. Собственность в приведенном ей определении составляет право, которое члены общества имеют над справедливо приобретенными именениями.

Несмотря на устойчивое развитие правового регулирования вопросов, возникающих по поводу собственности, не представляется возможным выделить отечественные доктринальные источники, предпринявшие попытку исследовать правовую природу данной собственности. Начало изучения вопросов, связанных с регулированием отношений, складывающихся по поводу собственности, относится только к середине XIX века. С учетом реформ в законодательстве того времени допустимо сделать вывод о том, что одной из причин развития правовой мысли по вопросам собственности является изданный в 1832 году под редакцией М. М. Сперанского Свод законов Российской Империи, который существенно упоря-

дочил правовое регулирование, в том числе отношений, связанных с правом собственности.

Подобное развитие нормативно-правовой базы послужило основой для формирования теоретического понимания собственности. Однако следует отметить, что законодательство и доктринальные подходы рассматриваемого периода содержали существенные неточности в употреблении терминов, в связи с чем при рассмотрении подходов того времени необходимо обращаться к системному толкованию. Аккумулировать подход к пониманию собственности можно в позиции К. П. Победоносцев, чьи труды относятся к дореволюционному периоду раскрывает термин собственность как «всякое право по имуществу, принадлежащее человеку» [13, с. 76].

Наиболее активное развитие научных работ, в которых анализировалась проблема собственности, произошло в советский период. Подобный скачок объясним, поскольку ключевой для социалистической революции категорией стала как раз собственность. Именно отношения лиц в государстве по поводу собственности стали тем базисом, который позволил кардинально изменить весь курс отечественного экономического развития. В период советской цивилистики вопросы собственности рассматривались через призму главенства социалистической собственности над всеми иными формами. Наиболее авторитетными доктринальными работами данного периода можно считать труды А. В. Венедиктова, С. Н. Братуся, Д. М. Генкина и В. П. Грибанова.

Стоит отметить и то, что развитие взглядов на понимание собственности в советский период обусловлено не только и не столько установившимся политическим и экономическим курсом, сколько формированием кардинально новой законодательной базы, а также накопле-

нием мировым сообществом большого количества подходов и отечественных доктринальных исследований.

Одно из основополагающих определений собственности предложил Ю. К. Толстой, из работ которого следует, что собственность – есть общественные отношения, которые включают в себя волевою и материальную части. При этом сущность таких отношений состоит в отношении лица к объекту собственности, реализуемое через правомочия собственника [16, с. 15]. Похожую позицию занимал современник Ю. К. Толстого – Д. М. Генкин, который так же утверждал, что собственность необходимо воспринимать в качестве общественных отношений, которые формируются в связи с присвоением объектов внешнего мира. Следует обратить внимание, что Д. М. Генкин предлагал рассматривать собственность через статичное и динамическое состояние. В статике собственность заключалась в обладании условиями производства, в то время как динамика определялась процессом их присвоения [3, с. 14–15].

О. С. Иоффе раскрывает понимание собственности в экономическом смысле тождественно понятию способа производства как неразрывного единства двух его сторон – производительных сил и производственных отношений [9, с. 270]. Исходя из содержания приведенного понимания, допустимо сделать вывод, что отношения собственности могут охватывать как отношения, складывающиеся между людьми, так и отношения людей к вещам. При этом с учетом господствующего материалистического подхода, О. С. Иоффе делает вывод, что отношения собственности все же являются отношениями между людьми по поводу вещей, а собственность есть присвоение.

Интересно, что приведенные взгляды по своей сути являются основой современного понимания собственности. Именно в период развития советской цивилистики отечественное право и доктринальные подходы прошли

определенный путь развития, который позволил сформировать актуальный и в настоящее время подход. Из указанных выше формулировок отчетливо видно, что советская правовая наука выявляла в содержании собственности как материальную, так и волевою составляющую, а также рассматривала ее с субъективной и объективной точки зрения.

Переход же к современному пониманию собственности в результате общественно-политической «перестройки» допустимо рассмотреть через две составляющие.

Во-первых, в результате решительного отказа от социалистического вектора развития произошло некоторое восстановление дореволюционного понимания собственности. Процесс формирования современного правового подхода к пониманию данной категории, безусловно, в определенной части был произведен за счет заимствования зарубежных правовых устоев. Однако в большей степени допустимо утверждать, что современная собственность образовалась благодаря успешному сочетанию основ, сформированных в дореволюционный период, а также подходов, разработанных в советское время.

Во-вторых, направленность реформ собственности обусловила существенное развитие понимания собственности в двух направлениях: обладание собственностью, в которых, по сути, раскрываются правомочия собственника, а система гарантий обеспечения таким обладанием собственностью.

Так, Е. В. Суханов справедливо указывает: «Собственность – это, конечно, не вещи и не имущество. Это – определенное экономическое (фактическое) отношение, подвергаемое правовому оформлению. Как отношение социальное, оно возникло не сразу с появлением homo sapiens, а лишь на вполне определенной ступени развития человеческого общества. Это произошло тогда, когда

присвоение отвоєванных человеком у природы материальных благ потребовало его общественного признания и закрепления» [14, с. 384].

Понимание категории «право собственности»

По своей сути право собственности является производной от собственности категорией, которая вбирает в себя определения, сформированные в экономической и других науках. Право собственности транслируется через отношение лица к собственности, а также через отношения, которые складываются между лицами по поводу собственности. Кроме того, одной из основополагающих функций права собственности является формирование механизма защиты собственности. С учетом своего производного характера, логично, что право собственности возникло существенно позже самой собственности, в ходе продолжительного периода развития.

В теории сформировалось три основных подхода к возникновению права собственности.

Оптимистическая, или наивная, теория возникновения предусматривает, что рыночные механизмы, существующие в обществе, самостоятельно обуславливают отсутствие права собственности, а также его возникновение. Классическое понимание данной концепции сформировано Г. Демсецем в работе «К теории прав собственности», где им было указано, что в случае, когда возрастает ценность материальных благ, принадлежащих обществу, индивиды стремятся установить исключительные права на такие блага. Необходимо обратить внимание, что данная концепция практически полностью исключает влияние политических сил, в связи с чем может быть успешно применена только к наиболее простым формам общества.

В противовес наивной теории возникновения собственности теория групп давления предусматривает, что

группы индивидов, объединенные единым интересом, стремятся обеспечить его защиту, в связи с чем предпринимают определенные действия как в отношении предметов окружающего мира, так и в отношении других индивидов и их групп. На протяжении продолжительного времени было актуальным мнение, что при наличии общего интереса группы будут отстаивать свой интерес. При этом в результате проведенного М. Олсоном анализа было установлено, что коллективный интерес не создает индивидуального стимула. В связи с этим было выведено два ключевых фактора для обеспечения возможности коллективного действия, а именно: малое число индивидов при большом интересе, возможность формирования системы стимулов для индивидов.

Теория рентоориентированного поведения, в свою очередь, предусматривает формирование права собственности за счет действий индивидов, направленных на формирование собственного богатства вследствие отрицательного вклада в богатство общества. Данная концепция раскрывается через использование человеком материальных благ не на производство и приращение, а на изменение структуры права собственности в пользу таких индивидов с целью получения ими излишка в виде ренты.

Таким образом, мы наблюдаем, что основные концепции хотя и противоречат во много друг другу, берут единое начало в самих общественных отношениях, которые складываются между индивидами и их группами по поводу собственности на объекты.

Изучение права собственности в отечественной науке было положено одновременно с более глубоким формированием представления о самой собственности в XVIII веке. Рассматривая право собственности, К. П. Победоносцев описывает его как исключительное господ-

ство над вещью [13, с. 129]. При этом важно отметить, что К. П. Победоносцевым выделяются два основных свойства права собственности – во-первых, возможность удерживать вещь и получать от нее выгоду, во-вторых, запрет третьим лицам совершать любые действия относительно данной вещи. При этом право собственности является неограниченным и не основывается на каком-либо чужом праве.

Г. Ф. Шершеневич, толкуя право собственности, указывает, что по наиболее распространенному определению, совпадающему с житейским представлением о праве собственности, последнее составляет неограниченное и исключительное господство лица над вещью [18, с. 166].

Представляется интересным переработанное Г. Ф. Шершеневичем определение права собственности: «власть в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно» [18, с. 166]. Таковы основные признаки, сформулированные им:

1. Право собственности определяется юридическим господством над вещью, то есть является субъективным правом. При этом Г. Ф. Шершеневич указывает, что выбытие вещи из фактического владения не лишает лицо права собственности, в связи с чем за ним сохраняется право распоряжения.

2. Объектом права собственности является вещь. Владение является существенным элементом права собственности, в связи с чем последнее может распространяться только на материальные предметы. При этом Г. Ф. Шершеневич включает в объекты права собственности ценные бумаги.

3. Исключительность права собственности заключается в запрете третьим лицам помимо воли собственника присваивать пользование вещью, при этом сам собствен-

ник вправе использовать свою собственность, соизмеряясь только с собственной волей и законодательными запретами.

4. Право собственности соединяет в себе право владения, пользования и распоряжения. Владение определяется Г. Ф. Шершеневичем как фактическое господство над вещь, пользование – как получение выгоды от вещи, распоряжение – возможность совершения сделок с вещью.

Отношение к собственности в советский период строилось не иначе как на началах отторжения частной собственности и господства государственной социалистической собственности. Ю.К. Толстой определял право собственности как закрепленную за лицом возможность по своему усмотрению и для удовлетворения своих потребностей владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом в пределах, установленных законом [16, с. 60]. Аналогичной позиции придерживался и О. С. Иоффе в своем курсе лекций [9, с. 274]. К. Д. Кавелин предложил следующее определение: «Право собственности есть господство лица над вещью, в силу которого лицо может владеть, пользоваться, распоряжаться ею» [10, с. 71]. Указанные определения допустимо отнести к субъективному праву собственности, что не позволяет судить о выявлении сущности института в целом.

В своей работе В. П. Грибанов пришел к выводу о недопустимости выявления единого понятия права собственности, указав, что подобные попытки влекут смешение двух различных правовых явлений и усложнению их понимания [4, с. 173–190]. Иной подход при определении права собственности использовали А. В. Годес и В. А. Рясенцев, которые сместили дискуссию в плоскость содержания института права собственности как совокупности правовых норм, регламентирующих отношения по владению, пользованию и распоряжению. В своих работах

они определяли право собственности как «совокупность установленных государством правовых норм, закрепляющих владение, пользование и распоряжение средствами производства и произведенным продуктом в интересах господствующего класса в эксплуататорском обществе или в интересах всего народа в социалистическом обществе»¹ [15, с. 110].

После перехода отечественной экономики к капиталистическому устройству, государством было провозглашено равенство всех форм собственности. В стремлении достичь социальной и экономической стабильности сформирован средний класс собственников.

Основой современных доктринальных подходов к пониманию права собственности являются базовые отношения присвоения материальных объектов. Наиболее сильно прослеживается преемственность от понимания собственности, сформулированного А. В. Венедиктовым: «право индивида или коллектива использовать средства и продукты производства своей властью и в своем интересе» [2, с. 42–50]. Комбинирование власти и интереса позволяет выявить существенные отличия между правом собственности и другими вещными и обязательственными правами.

При рассмотрении права собственности в таком понимании необходимо прежде всего уяснить сущность присвоения. Л. И. Абалкин указывает, что «категория «присвоение» характеризует объективную принадлежность средств производства в обществе, объективное содержание которой составляет характер и способ соединения факторов производства, что обуславливает и важнейшие параметры той или иной системы производственных отношений. Понятие «реализация» собственности вскры-

¹ Рясенцев В. А. Советское гражданское право: учебное пособие для студентов ВЮЗИ / под ред. проф. В. А. Рясенцева. М., 1955.

вает ее социально-экономические функции, формы правления, в которых она приобретает характер производственного отношения, играет роль основы экономической системы» [1, с. 59].

Интересно, что отечественные ученые, исследующие проблемы собственности, во многом занимают весьма отличные позиции и могут быть подразделены на несколько групп. Одной из групп являются германисты, наиболее известным представителем которой является Е. А. Суханов. Он выражает уверенность в том, что отечественная правовая наука во многом вобрала свои основы в германском праве и развивалась под ее влиянием. Из данного суждения Е. А. Суханов делает вывод, что не следует формировать иного подхода к праву собственности, существенно отличного от германского.

Именно Е. А. Суханов настаивает на развитии российской правовой науки с серьезной ориентацией на подход германского права, в связи с чем в право собственности вкладывается значение абсолютного и универсального права, которое обеспечивает полное властвование над вещью. Существенной особенностью подхода германистов следует признать восприятие в качестве объекта собственности исключительно материальных благ. Соответственно и комплекс правомочий собственника строится исходя из классической триады владения, пользования и распоряжения.

Соблюдение общественных интересов, по мнению германистов, происходит в результате ограничений права собственности, которые закрепляются в договоре или законе, что, в свою очередь, порождает ограниченные вещные права, в пределах которых лица получают ограниченный набор правомочий в отношении объекта. Подобные ограничения являются распространенными во многих правопорядках, при этом в большинстве

случаев они включаются непосредственно в само определение права собственности. Интересно, что и в отечественном законодательстве постсоветского периода была снова воспринята подобная дефиниция права собственности, закрепленного через провозглашение правомочий собственника.

Концепция В. П. Камышанского построена как раз через комплекс ограничений права собственности. Содержание его толкования заключается в том, что право собственности лица не может существовать за пределами комплекса ограничений, устанавливаемых в его отношении. Соответственно и само право собственности не является абсолютным. В обоснование своей позиции В. П. Камышанский приводит комплекс ограничений, устанавливаемых в нормах публичного права.

Интересный подход предлагает В. П. Мозолин, который указывает на необходимость формирования комплекса внеотраслевых правовых норм на основе существующих в целях установления обновленного единого понимания права собственности. По мнению В. П. Мозолина, подобный подход при формировании нормативной базы позволит исключить вероятность конкуренции норм. В свою очередь, нормы, содержащие ограничения права собственности, В. П. Мозолин предлагает сконцентрировать в Гражданском кодексе Российской Федерации.

Предложенные В. П. Мозолиным изменения представляются обоснованными, так как объективно существующие мировые тенденции развития общества в экономической и социальной сферах обуславливают переход от товарообмена к обмену правами между лицами. С учетом формируемых изменений представляется необходимым обеспечить более широкое применение сложноструктурной модели права собственности, при которой объект может принадлежать нескольким собственникам [12, с. 20].

Такие ученые, как А. Н. Лысенко, В. А. Дозорцева занимают позицию о необходимости трансформации установившихся в науке подходов к пониманию права собственности и его объекта. В качестве обоснования они указывают, что сформированные взгляды перестали соответствовать объективно существующей действительности. Так, термин имущество является межотраслевым, и границы его использования весьма велики. При этом отечественные нормативные акты не содержат его легального определения, в связи с чем в различных отраслях права допускается его различное использование. Указанные обстоятельства могут стать результатом различного толкования термина в пределах одного нормативного акта.

В качестве примера можно привести толкование ст. 35 Конституции Российской Федерации. Из части второй указанной статьи следует, что за любым лицом закреплено право иметь имущество в собственности и применять к нему триаду правомочий собственника. При этом из бокального толкования данной нормы следует, что таким имуществом могут быть только материальные объекты. Часть 3 той же статьи указывает под имуществом уже не только материальные объекты, но также и имущественные права [6, с. 233].

Таким образом, из сформированного эволюционным путем понимания права собственности допустимо сделать вывод, что оно, по своей сути, является внешней оболочкой, придающей формализованный характер собственности и отношениям собственности, складывающимся в обществе. При этом право собственности является именно производной от самой собственности категорией, требующей динамичного развития, темпы которого должны соответствовать, а в некоторых случаях опережать развитие общественных отношений, складывающихся по поводу собственности.

Заключение

Подводя итог, допустимо сделать вывод о том, что категории «собственность» и «право собственности» занимают существенное положение в теоретико-правовых исследованиях на протяжении продолжительного периода. Несмотря на то, что право собственности, по своей сути, является производным от самой собственности, недопустимо устанавливать тождественность между этими категориями.

Собственность подвергается различному толкованию в правовых, экономических, социальных и философских научных исследованиях, при этом, вычлняя единое содержание, допустимо сделать вывод о заключении в данной категории отношений, складывающихся между различными индивидами и их группами в связи с наличием права собственности, а также отношения самого собственника к объекту собственности как к своему.

В свою очередь, право собственности, более относящееся именно к правовой категории, определяется через объективную сторону как комплекс правовых норм, регламентирующих отношения, складывающиеся по поводу собственности, а также через субъективную сторону, которая рассматривается через призму гражданского права лица на основании собственного усмотрения владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом.

Приведенные в настоящем исследовании подходы к пониманию собственности и права собственности наглядно иллюстрируют позитивное влияние развития производственных и общественных отношений на формирование доктринального подхода. В частности, происходит постепенное, но устойчивое развитие способов теоретического осмысления, а накопление исследовательского опыта позволяет формировать понимание научных категорий с учетом большего количества факторов.

Отдельный интерес представляет именно отечественный путь осмысления рассматриваемых категорий. Социалистический период исторического развития обусловил формирование кардинально новых для научного сообщества подходов к пониманию собственности. Несмотря на текущее изменение курса развития государства, нельзя отрицать, что именно советские научные труды во многом легли в основу современных отечественных исследований.

Следует признать, что к настоящему моменту единого понимания собственности и права собственности в научном сообществе не достигнуто, в связи с чем дальнейшее исследование указанных категорий представляет существенный научный интерес. На основании проведенного анализа допустимо продолжить исследование, при этом акцентируя внимание, во-первых, на обязательном учете исторического вектора развития, во-вторых, на необходимости рассмотрения в контексте господствующего в обществе идеологического восприятия собственности.

Список литературы

1. Абалкин Л. И. Производственные отношения социализма. – М., 1986.
2. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948; Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 42–50.
3. Генкин Д. М. Право собственности в СССР. – М., 1961. – 223 с.
4. Грибанов В. П. К вопросу о понятии права собственности // Вестник Московского университета. – Сер. экономика, философии, права. – 1959. – № 3.
5. Грязнова А. Г. Экономическая теория. – М.: Экзамен, 2012. – 593 с.
6. Дозорцев В. Л. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С.А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский; Исследовательский центр частного права. – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. – С. 233.
7. Залесский В. В. Перспективы права собственности // Журнал российского права. – 2009. – № 1.
8. Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. – М., 1999. – 703 с.
9. Иоффе О. С. Советское гражданское право: Курс лекций. Изд-во ЛГУ, 1958.
10. Кавелин К. Д. Права и обязанности в применении к русскому законодательству. – СПб., 1879.
11. Макаров А. Собственность: два подхода // Экономист. – 2006. – № 7.

12. Мозолин В. П. Право собственности в Российской Федерации в период перехода к рыночной экономике. – М.: Ин-т государства и права Рос. акад. наук, 1992. – С. 39–46.
13. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. – СПб., 1896.
14. Суханов Е. А., Маттеи У. Основные положения права собственности. – М.: Юристъ, 2009.
15. Тарандо Е. Е., Пруель Н. А., Никифорова О. А. О модели общественной собственности в первобытном хозяйстве // Перспективы науки. – 2015. – № 3.
16. Толстой Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. – Л., 1955.
17. Фуруботн Э. Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории: пер. с англ. / под ред. В. С. Катькало; Н. П. Дроздовой. – СПб.: Питер, 2005. – 416 с.
18. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права [по изданию 1907 г.]. – М.: СПАРК, 1995.
19. Экземплярский В. Учение древней церкви о собственности и милостыне. – Киев. 1910. – 272 с.
20. Tyrrell J. Patriarcha non Monarcha. The patriarch unmonarch'd : being observations on a late Treatise and divers other Miscellanies : published under the name of Sir Robert Filmer Baronet: in which the falseness of those Opinions that would make Monarchy Jure Divino are laid open, and the true Principles of Government and Property (especially in our Kingdom) asserted : by a Lover of Truth and of his Country. L., 1681. – 260 p.

References

1. Abalkin, L. I. (1986) *Proizvodstvennye otnosheniya socializma* [Production relations of socialism]. Moscow. (In Russian).
2. Venediktov, A. V. (2006) *Gosudarstvennaya socialisticheskaya sobstvennost'* [State Socialist property]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948; Suhanov, E. A. O ponyatii i vidah veshchnykh prav v rossijskom grazhdanskom prave. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 12. Pp. 42–50. (In Russian).
3. Genkin, D. M. (1961) *Pravo sobstvennosti v SSSR* [The right of ownership in the USSR]. Moscow. (In Russian).
4. Gribanov, V. P. (1959) K voprosu o ponyatii prava sobstvennosti [On the question of the concept of property rights]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya ekonomiki, filosofii, prava – Bulletin of Moscow University. Series of economics, philosophy, law*. No. 3. (In Russian).
5. Gryaznova, A. G. (2012) *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory]. Moscow: Ekzamen. (In Russian).
6. Dozorcev, V. L. (1998) *Principial'nye cherty prava sobstvennosti v Grazhdanskom kodekse* [Principal features of property rights in the Civil Code] // *Grazhdanskij kodeks Rossii. Problemy. Teoriya. Praktika: sbornik pamyati S.A. Hohlova / Otv. red. A. L. Makovskij; Issledovatel'skij centr chastnogo prava*. Moscow: Mezhdunarodnyj centr finansovo-ekonomicheskogo razvitiya, P. 233. (In Russian).
7. Zalesskij, V. V. (2009) *Perspektivy prava sobstvennosti* [Prospects of property rights]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 1. (In Russian).
8. Inozemcev, V. L. (1999) *Raskolotaya civilizaciya. Nalichestvuyushchie predposylki i vozmozhnyye posledstviya postekonomicheskoy revolyucii* [Split civilization. The existing prerequisites and possible consequences of the post-economic revolution]. Moscow. (In Russian).
9. Ioffe, O. S. (1958) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo: Kurs lekcij* [Soviet civil law: A course of lectures]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU (In Russian).
10. Kavelin, K. D. (1879) *Prava i obyazannosti v primenenii k russkomu zakonodatel'stvu* [Morals and duties in application to Russian legislation]. Saint Petersburg. (In Russian).
11. Makarov, A. (2006) *Sobstvennost': dva podhoda* [Property: two approaches]. *Ekonomist – Economist*. No 7. (In Russian).
12. Mozolin, V. P. (1992) *Pravo sobstvennosti v Rossijskoj Federacii v period perekhoda k rynochnoj ekonomike* [Property law in the Russian Federation during the transition to a market economy]. Moscow: Institut gosudarstva i prava Ros. akad. nauk. Pp. 39–46. (In Russian).

13. Pobedonoscev, K. P. (1896) *Kurs grazhdanskogo prava* [Course of civil law]. Saint Petersburg. (In Russian).
14. Suhanov, E. A., Mattei, U. (2009) *Osnovnye polozheniya prava sobstvennosti* [The main provisions of property rights] Moscow: YUrist'. (In Russian).
15. Tarando, E. E., Pruel', N. A., Nikiforova, O. A. (2015) *O modeli obshchestvennoj sobstvennosti v pervobytnom hozyajstve* [On the model of public property in the primitive economy]. *Perspektivy nauki – Perspectives of Science*. No. 3. (In Russian).
16. Tolstoj, YU. K. (1955) *Soderzhanie i grazhdansko-pravovaya zashchita prava sobstvennosti v SSSR* [Content and civil protection of property rights in the USSR]. Leningrad. (In Russian).
17. Furubotn, E. G., Rihter, R. (2005) *Instituty i ekonomicheskaya teoriya: Dostizheniya novoj institucional'noj ekonomicheskoy teorii: per. s angl'* [Institutions and economic theory: Achievements of the new institutional economic theory: translated from English] / pod red. V. S. Kat'kalo; N. P. Drozdovoj. Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
18. SHershenevich, G. F. (1995) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [po izdaniyu 1907 g.]* [Textbook of Russian civil law [as published in 1907]]. Moscow: SPARK. (In Russian).
19. Ekzempljarskij, V. (1910) *Uchenie drevnej cerkvi o sobstvennosti i milostyne* [The teaching of the ancient Church about property and alms]. Kiev. (In Russian).
20. Tyrrell, J. (1681) *Patriarcha non Monarcha*. The patriarch unmonarch'd : being observations on a late Treatise and divers other Miscellanies : published under the name of Sir Robert Filmer Baronet: in which the falseness of those Opinions that would make Monarchy Jure Divino are laid open, and the true Principles of Government and Property (especially in our Kingdom) asserted : by a Lover of Truth and of his Country. L.

Об авторе

Давидович Никита Витальевич, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-8270-4989.

About the author

Nikita V. Davidovich, graduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-8270-4989.

Поступила в редакцию: 06.02.2023
Принята к публикации: 21.02.2023
Опубликована: 31.03.2023

Received: 06 February 2023
Accepted: 21 February 2023
Published: 31 March 2023

Особенности правопонимания и правосознания в классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции

Р. А. Ромашов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье осуществляется рассмотрение особенностей понимания права и правосознания в контексте классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции.

В качестве критериев дифференциации подходов к правопониманию и правосознанию автор предлагает рассматривать циклический подход, предполагающий разграничение в истории российской государственно-правовой системы трех этапов: имперского (классического), советского (постклассического), постсоветского (постнеклассического).

На основании проведенного анализа делается вывод о субъективности подходов к пониманию права и правосознания, что отражается как в организации научно-образовательной системы современной России, так и в определении оценочных параметров ее эффективности.

Ключевые слова: классическая, постклассическая, постнеклассическая юриспруденция, правосознание, правовая культура, правовые ценности, революционное правотворчество, социалистическое право, живое право.

Для цитирования: Ромашов Р. А. Особенности правопонимания и правосознания в классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 82–100. DOI 10.35231/18136230_2023_1_82

Features of legal understanding and legal awareness in classical, post-classical and post-non-classical jurisprudence

Roman A. Romashov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article consists of the features of understanding of law and legal awareness in the context of classical, post-classical and post-non-classical jurisprudence.

As criteria for differentiation of approaches to legal understanding and legal awareness, it proposes to consider a cyclic approach, which involves the distinction in the history of the Russian state-legal system of three stages: imperial (classical), Soviet (post-classical), post-Soviet (post-Chronic).

On the basis of the analysis, the conclusion is concluded about the subjectivity of approaches to understanding the law and legal awareness, which is reflected both in the organization of the scientific and educational system of modern Russia and in the definition of evaluative parameters of its effectiveness.

Key words: classical, post-classical, post-non-classical jurisprudence, legal awareness, legal culture, legal values, revolutionary law-making, socialist law, living law.

For citation: Romashov, R. A. (2023) Osobennosti pravoponimaniya i pravosoznaniya v klassicheskoy, postklassicheskoy i postneklassicheskoy yurisprudentsii [Features of legal understanding and legal awareness in classical, post-classical and post-non-classical jurisprudence]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad legal journal*. No. 1 (71). Pp. 82–100. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_82

Категории классика-постклассика-постнеклассика, модерн-постмодерн достаточно часто используются в трудах современных отечественных исследователей в сфере социогуманитаристики, в том числе работающих в области теории права [19, с. 135–163; 24, с. 6–29; 11, с. 15–28]. При этом, говоря о классических, постклассических, постнеклассических, модернистских, постмодернистских юридических исследованиях, авторы, как правило, исходят из факта самоочевидности самих перечисленных понятий как собственно юридических категорий. Достаточно часто можно услышать: «такой-то стал живым классиком», «по мнению классика», «классик отметил», «в трудах классика». При этом остается неясным, по каким критериям того или иного научного деятеля следует относить к классикам, может ли классик стать постклассиком и уж тем более постнеклассиком. То же самое может быть сказано по отношению к представителям юридического модерна и постмодерна. Попытки отыскать в отечественной юридической литературе какие бы то ни было материалы, посвященные определению критериев классичности юридической науки в целом и отдельных научных отраслей в частности, успехами не увенчались. Получается, что классики и модернисты в юридической науке есть, сама юридическая наука подразделяется на классическую, постклассическую, постнеклассическую, однако доподлинно не известно, где разделительная черта между классикой, постклассикой и постнеклассикой применительно к пониманию и содержанию наполнению права и правосознания.

Расширение предметной области поисков позволило отыскать статью «Критерий классичности русской литературы в российском и советском литературоведении». Автор, скрывающийся под звучным псевдонимом STALINIST, несмотря на достаточную одиозность суждений, высказы-

вает довольно рациональную мысль: «Правящие классы и России и СССР, при всех их радикальных противоречиях, были едины в одном, они исповедовали европоцентризм...И эти правящие классы использовали в качестве фильтра для определения литературных произведений как классических оценку этих произведений на Западе»¹.

Право, правосознание, как впрочем и юриспруденция в целом в своем современном понимании, представляются продуктами либерально-буржуазной («западной») правовой культуры, которой российская юридическая наука «обязана» такими понятиями, как естественное право, правовое государство, права человека и гражданина, разделение властей, конституция и др. Будучи рожденными в процессе буржуазных революционных преобразований в государствах континентальной Европы и Северной Америки, эти и связанные с ними понятия в ходе политико-правогенеза приобрели характер «общечеловеческих ценностей» и в настоящее время используются в конституционных актах практически всех государств вне зависимости от формы правления, административно-территориального устройства, политического режима, идеологии и религии. Таким образом, система правовых ценностей, сложившихся в ходе буржуазно-демократических преобразований, получила распространение во всем мире и может рассматриваться в качестве классической, в том числе с точки зрения ее восприятия российской дореволюционной и современной юриспруденцией, которые в основе своей опирались и опираются на фундаментальные институциональные каноны, ценностные приоритеты и принципы, сложившиеся в образовательно-научной системе западно-европейского (преимущественно германского) и англо-американского права. Однако, отмечая

¹ Критерий классичности русской литературы в российском и советском литературоведении [Электронный ресурс]. URL: <https://stalinist.livejournal.com/1499309.html>.

сходность в области теоретических правовых конструкций, а также базовых принципов правотворческой и правореализационной деятельности в Российской Империи (на стадии формирования капиталистической системы экономики) и в Российской Федерации (на аналогичном этапе экономической трансформации), следует рассматривать названные государственно-правовые системы в качестве дискретных циклов, не связанных общей традицией ни в области государственного устройства, ни в сфере понимания права и правосознания.

Формирование юридической концепции правопонимания в Российской империи происходило под воздействием двух самостоятельных тенденций: традиционной – право как возведенная в закон воля Государя [23, с. 117] и новационной, основанной на рецепции западного правового опыта как в теоретической, так и в практической юриспруденции [16, с. 23]. Кроме того, социально-классовое структурирование имперских подданных на «благородных» (светская и духовная аристократия) и «простых», не могло не повлиять на природу правосознания представителей различных социальных групп, оперировавших в своих логических построениях противоречивыми целевыми и ценностными установкам. Такие противоречия вели к тому, что понимание и субъективная оценка права в целом и юридического процесса в частности «благородными» и «простыми» осуществлялась на основании стереотипов, исключающих приведение к единому правовому порядку. То, что воспринималось в праве в качестве легитимного «благородными», отвергалось «простыми», и наоборот.

Попытку перейти от классической к постклассической модели правопонимания и правосознания предприняли «отцы-основатели» советской социалистической государственно-правовой системы, отрицающей «классическое

буржуазное» право «эксплуататорского» государства, основанного на праве частной собственности и экономической эксплуатации человека человеком [25, с. 103–106].

Советское социалистическое право в реальности может рассматриваться в качестве постклассического. При этом переход от классической юриспруденции Российской империи, сложившейся на основе европейской, и прежде всего немецкой юридической школы к постклассической осуществлялся не эволюционным, а революционным путем, предполагавшим пресечение национальной правовой традиции, разрушенной новой властью вместе с ее носителями: имперским русским государством и имперским русским народом, объединенными известной триадой графа Уварова «православие, самодержавие, народность».

Советская юриспруденция, отринув свою «имперскую предшественницу», равно как и породившую ее западную (буржуазную) юридическую науку и практику, тем не менее заимствовала у названных систем ряд правовых форм (конституция, народное представительство, политическая партия, демократия, федерация и т.п.), наполнив их качественно отличным от аутентичных (классических) аналогов содержанием.

На смену классической модели правопонимания и правосознания, основанной на европейской юридической науке и профессиональных юридических кадрах, пришли революционное правотворчество широких народных масс, революционное правосознание и революционная законность, базировавшиеся не на научных концепциях правопонимания и нормативной юридической технике правотворческой и правореализационной деятельности, а на классово-партийной государственной идеологии, определяющей направления государственно-правового развития, задающей его ценностные приоритеты и целевые ориентиры. Авторы коллективного труда «История

уголовного права» отмечали, что в порыве «народного творчества уничтожались старые и создавались новые суды, творилось...новое право... Масса требовала нового, революционного порядка, новой, революционной законности» [4, с. 9]. Когда традиционное имперское право утратило юридическую силу, а новое право советской социалистической республики еще только формировалась, в качестве фактического источника революционного права выступало правосознание лиц, наделенных функциональными полномочиями в сфере правоприменения, в первую очередь в сфере уголовного преследования и уголовного правосудия [14, с. 88–94]. В декрете СНК о суде № 1 от 22.11.1917 закреплялось положение, в соответствии с которым «местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» (ст. 5). При этом, по мнению В. И. Ленина, «Судить на основе революционного правосознания трудящихся классов может всякий» [13, с. 169]. По мнению Г. М. Португалова, «В творимом социалистическом праве... отсутствует простая историческая преемственность правовых институтов, резко оборванная вместе с нитью старой жизни» [17, с. 24]. В условиях обозначенной дискретности основным отличием «социалистического декрета» от «буржуазного закона» является то, что «первый не есть мудрствование законодателя, удачное или неудачное, проникнутое правополитическим заданием или своевольное..., а есть претворение в статьи и параграфы того учения, которое объединяет весь трудовой народ, составляя его общественное исповедание, есть конкретизация того самого социалистического правосознания...» [17, с. 24].

Переход от системы революционной законности к социалистической получил юридическое закрепление в процессе разработки и принятия Конституции СССР 1936 г., закрепившей «окончательную победу социализма» и ознаменовавшей завершение процесса формирования нормативистской модели социалистического права, в рамках которой правосознание, утратив статус формального источника права, отошло на «второй план» и в дальнейшем рассматривалось преимущественно в связи с феноменом правовой культуры [8, с. 38–44].

Во второй половине XX-го века социалистическое право представляло собой мировую правовую семью, сходную с романо-германской, однако существенным образом отличную от нее. По мнению Р. Давида, «Единственным источником социалистического права является революционное творчество законодателя, которое выражает волю народа, руководимого коммунистической партией. В соответствии с доктриной марксизма-ленинизма, являющейся официальной, законодатель стремится прежде всего создать новый экономический строй. Средства производства обобществлены...Частное право уступает господствующее место праву публичному» [6, с. 15]. Социалистическое правосознание представляло собой специфическую форму отражения социалистического права, в которой сочетались традиционное нигилистическое отношение к нормативному тексту законодательного акта со столь же традиционной верой в правовую справедливость, базовые положения которой получили свое закрепление в Моральном кодексе строителя коммунизма [1, с. 21–28; 10, с. 102–116].

Современная российская юриспруденция, сформировавшаяся в ходе масштабных изменений национальной государственно-правовой системы, может рассматриваться в качестве постнеклассической. Перестав быть

советской социалистической, она не вернулась к классической западной «романо-германской» форме, характерной для правовой системы Российской империи.

В теории правопонимания ортодоксальный нормативизм сменился плюрализмом с акцентом на юснатурализм и социологический правовой реализм [9, с. 4–12]. Вместе с тем в практике правоприменения продолжает доминировать позитивистский тип правопонимания, в рамках которого источниками права считаются документальные юридические формы (нормативно-правовые акты, нормативные договоры), реализуемые как в непосредственных (исполнение, соблюдение, использование), так и в опосредованных (применение) правоотношениях [15, с. 68–72].

Закрепление на конституционном уровне права частной собственности и экономической свободы означает переход к капиталистической экономике, в рамках которой существует классовый антагонизм между эксплуататорами (владельцами средств производства и финансовых капиталов) и эксплуатируемыми (наемными работниками). В складывающейся ситуации право, по идее, должно рассматриваться в качестве инструмента, при помощи которого эксплуататорское государство осуществляет угнетение эксплуатируемых народных масс. Применительно к правосознанию отмеченная особенность правопонимания обуславливает специфику соотношения правовой психологии и правовой идеологии. Последняя отражает отношение к праву со стороны государства, стремящегося «подвести» под единый правовой стандарт правовые воззрения представителей различных социальных групп, формально соединенных в конструкции «народ Российской Федерации», однако на практике выступающих в качестве носителей не только не совпадающих, но и вступающих в серьезные противоречия ценностных и целевых установок [20, с. 367–370]. Такие противоречия,

в свою очередь, означают необходимость разграничения субъектов правовой психологии на лиц, поддерживающих исходящую от государства правовую политику, и тех, кто ее критикует, занимая по отношению к официальному праву нигилистическую позицию. Подобное разграничение актуализирует проблему легитимности современного российского права [12, с. 8], суть которой заключается в восприятии как самих правовых актов, так и в принимаемых на их основе правоприменительных решений в качестве справедливого порядка обычными людьми, составляющими «глубинный российский (русский) народ» [7, с. 9–35], традиционно отделенный от аппарата государственной власти «замкнутого» в своей организации и деятельности на персонифицированного главу государства, наименование должности которого на различных этапах исторического развития российского государства не меняет функционального наполнения фигуры «Государя русской земли и русского народа» [22, с. 188]. В условиях, когда «сознание правоприменителей имеет большее значение, чем текст закона, – их корпоративные интересы при толковании норм доминируют над правами поднадзорных лиц» [12, с. 9], а это, в свою очередь, предопределяет сочетание и, более того, взаимное дополнение формального права и властного волюнтаризма как системных элементов существующей правовой реальности. Действуя от имени «единого народа», бюрократическая власть «целенаправленно конструирует общественное мнение, формирует картину мира, наделяя юридическими значениями свою волю» [21, с. 118–122]. Благодаря суггестивному воздействию любая предложенная картина мира приобретает в глазах населения естественность. Тем самым социальный мир может искусственно наделяться признаками разумности и онтологической безопасности, вовсе не являясь таковым. Власть переводит социальные явления в политиче-

ские, наделяя свой произвол квазюридическим значением нормы. Средствами массовой информации любые действия субъектов публичной власти могут объявляться жизненно необходимыми, а все негативные последствия от субъективных решений – объективными процессами. Социально-политическое господство обеспечивает монополию властных лиц на право применять насилие к нарушителям установленных ими норм от имени всего общества [2], с. 118–122]. Восприятие субъективным сознанием нормативного текста и его волевой интерпретации в качестве структурных элементов целостного правового единства актуализирует проблему «живого права», которое в современных российских реалиях существенно отличается как от классической (социологическая концепция О. Эрлиха) [2, с. 159], так и от постклассической (американский правовой реализм) [5, с. 17–26] интерпретаций.

Применительно к сложившейся в настоящий период национальной правовой системе конструкцию «живого русского права» следует рассматривать с учетом дифференциации правовой теории и юридической практики.

В теории права (за исключением теории правопонимания) продолжает доминировать позитивистский подход, в рамках которого формальные источники права представлены иерархией нормативных текстов (документов), подразделяемых на законы – акты высшей юридической силы и подзаконные нормативные акты. При этом аутентичный текст закона обладает приоритетным значением по отношению ко всем другим производным от него актам (доктринальным, интерпретационным, исполнительным и правоприменительным).

Вместе с тем на практике складывается ситуация, существенным образом отличающаяся от той, которая существует в отечественной теории права. Для практического правоприменителя «живыми», а стало быть, подлежащими

ми реализации в рамках служебной деятельности, являются не абстрагированные политические акты – документы стратегического планирования (доктрины, стратегии, концепции, основы государственной политики и др.), а конкретные инструктивные положения, прописанные в должностном функционале. Кроме того, реальной силой в сфере конституционного права наделены интерпретационные акты Конституционного Суда России, не изменяющие текстуальную нормативную форму, однако существенным образом меняющие ее смысл. По мнению профессора Н.С. Бондаря, такие акты, по сути своей являющиеся обличенными в нормативную форму эманациями правосознания судей Конституционного Суда, в формальном смысле не являются законами, но по своей юридической силе равны им [3, с. 75–85].

В настоящее время юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе российского «живого» конституционного права включает три основных инструмента: преобразование аутентичного конституционного текста в рамках традиционной парламентской деятельности в сфере принятия и изменения федеральных конституционных законов; внесение текстуальных изменений в главы 3–8, посредством которых осуществляется смысловая коррекция законодательных положений глав 1, 2, которые объявлены текстуально неизменными; внесение смысловых изменений в конституционный текст путем его интерпретации Конституционным Судом России.

Во всех случаях «живое» конституционное законодательство (так же как и законодательство других отраслей российского права) находится в непосредственной зависимости от государства (точнее от его отдельных представителей, наделенных конкретными прерогативами в законотворческом процессе), которое продолжает

выступать по отношению к национальному праву в целом и законодательному массиву, в частности, в качестве владелительного суверена.

Также следует отметить и то, что несмотря на распад мировой системы коллективного социалистического Востока, противостояние теперь уже одной России коллективному Западу не только не прекратилось, а приобрело по истине ожесточенный характер¹. При этом попытки выстроить новые межгосударственные объединения (СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС) наглядным образом свидетельствуют о грядущих масштабных изменениях, в том числе связанных с правовой парадигмой и концепцией как коллективного, так и корпоративного и индивидуального правосознания. Продекларированный на официальном уровне отказ от обязательных научных публикаций в «западных» базах научного цитирования, выход из Евросоюза, намерение заменить болонскую образовательную систему уникальной российской², наглядным образом свидетельствуют о стремлении к импортозамещению и ликвидации зависимости от Запада во всех областях общественной жизни, в том числе в области юридических исследований, связанных как с теорией правопонимания, так и с практикой правоприменительной деятельности.

В сфере практической юриспруденции внедряемые по «инициативе сверху» новации связаны прежде всего с переосмыслением проблемы соотношения международного права и национального законодательства. Поправки, внесенные в Российскую конституцию в 2020 г. фактически закрепляют приоритет национального конституционного законодательства по отношению к международному праву (п. Б ч. 5.1 ст. 125).

¹ Путин заявил о десятилетиях агрессии коллективного Запада [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/07/zpad/>.

² Россия отказывается от Болонской системы – бакалавриата и магистратуры. Как изменится образование и что ждет студентов? [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/05/26/bolonsky/>.

Рассмотрение соотношения классического, постклассического и постнеклассического российского права актуализирует проблему определения критериев отбора классиков права. С одной стороны, классик – это основатель и лидер направления исследований, признанного классическим. Возникает логичный вопрос: кто признает ученого классиком и каким образом это признание оформляется.

На определенном этапе все тот же Запад, наряду с университетами, в стенах которых формировались научные школы и научные традиции, «изобрел» научные академии, ставшие своего рода ареопагом ученого мира. Логично предположить, что классиками в той или иной области научных исследований являются авторитетные ученые, избранные членами национальных академий наук. Однако исторический опыт показывает, что нередко академиками становятся люди, отнесение которых к классикам носит, мягко говоря, сомнительный характер. Первым в истории России академиком, причем представленным «не абы где», а в Лондонском королевском обществе по развитию знаний о природе, стал не кто иной, как светлейший князь Александр Данилович Меншиков¹, о котором злые языки судачили, что сей просвещенный муж, был если не безграмотным, то уж точно не мог похвастаться ни системным образованием, ни сколько нибудь значительными научными достижениями, в какой бы то ни было области.

Еще одним «изобретением» в области определения критериев оценки эффективности научно-исследовательского труда выступают различные индексы научного цитирования, в том числе пресловутый «индекс Хирша». Представляя собой достаточно формальный показатель, названный индекс, равно как и подобные ему, обу-

¹ Как Александр Меншиков стал первым русским академиком в Англии [Электронный ресурс]. URL: <https://to-ros.info/?p=42531>.

словил в ряде случаев «обратный эффект», связанный с появлением различных техник недобросовестного увеличения желаемых цифровых показателей. Всем нам известны примеры, когда за выдающимся индексом цитирования нет сколько-нибудь серьезных исследовательских работ, а процесс «роста Хирша» сводится к самоцитированию, а также к договорной (коррупционной) практике, предполагающей либо «перекрестное опыление», когда несколько авторов попросту договариваются друг с другом о взаимном цитировании, либо фактическое принуждение к цитированию работ начальствующего субъекта (научного либо административного руководителя) зависимыми от него лицами.

Еще один критерий – персонифицированные научные исследования в области политико-правовых учений. Обращает на себя внимание уже отмеченный европо-, а точнее западоцентризм, в рамках которого в качестве классиков, избираемых в качестве предмета научного исследования, как правило, выступают представители западных философско-юридических школ. Если же речь идет о представителях отечественной юриспруденции, то безусловное предпочтение отдается дореволюционному периоду, что же касается относительно недавнего советского прошлого, то оно рассматривается преимущественно в уничижительно критическом контексте как период ортодоксального нормативизма, по определению не достойного для отнесения к классике. Причем такой подход на законодательном уровне достаточно спокойно уживается с конституционным закреплением правопреємства и правопродолжения РФ и СССР.

Понимание классичности и постклассичности, равно как модерна и постмодерна, в юриспруденции представляется целесообразным осуществлять применительно к завершенным и длящимся циклам полито- и правове-

неза [22]. В рамках каждого цикла формируется самостоятельная национальная правовая традиция понимания права и правосознания, делающая юридические исследования классическими и, соответственно, рождающая классиков правоведов. Сохранят ли эти направления и личности свой классический статус либо канут в грядущем модернистском «поствременье», решает бесстрастная равнодушная к субъективным оценкам история правовой науки, мгновенья которой «раздают кому позор, кому бесславье, а кому бессмертие»¹.

Список литературы

1. Аверин Н. М. Советская этика: идеологический фантом или историческое наследие? // Вестник ТГУ. – 2000. – № 3 (19).
2. Антонов М. В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма // Правоведение. – № 1. – 2013.
3. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. – 2007. – № 4 (124).
4. Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д. и др. История советского уголовного права. – М.: Юрид. изд-во, 1948. (Ленинград: тип. им. Евг. Соколовой).
5. Голдобина З. Г. Юридический прагматизм и социологическое направление в американском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2008. – № 1.
6. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1988.
7. Ильин В. А., Морев М. В. «Интеллектуальное бессилие» правящих элит и «глубинный народ» «долгого государства» // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 2.
8. Кабенко М.С. Особенности советского социалистического правосознания, обусловившие его деформацию // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 3 (28).
9. Кожевников В. В. Проблемы типов правопонимания в отечественной юриспруденции // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53).
10. Курилов В. А. «Строитель коммунизма» и «homo religiosus» в философском дискурсе марксистско-ленинской этики // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2019. – № 3.
11. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. – 2016. Т. 4. – № 8.
12. Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2019.
13. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958–1965. – Т. 38.

¹ Рождественский Р. Мгновения [Электронный ресурс]. URL:<https://www.culture.ru/poems/42594/mgnoveniya>.

14. Максимова О. Д. Революционное правосознание как источник советского права и законодательства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9-2 (47).

15. Мельников С. А. К вопросу о формах реализации права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6 (107).

16. Павкин Л. М. Особенности правового развития Российской империи // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2010. – № 3.

17. Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. – Петроград: Государственное издательство, 1922.

18. Правогенез: традиция, воля, закон: коллективная монография / под ред. Р.А. Ромашова. – СПб.: Алетейя, 2021.

19. Разуваев Н. В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Правоведение. – 2014. – № 5 (316).

20. Ромашова М. Р. «Государственный народ» – социальная основа государственного суверенитета и источник государственной власти // Глобализация и региональное развитие в XXI в.: векторы развития, вызовы, инновации. Сборник научных статей Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и адъюнктов. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2019.

21. Ромашова М. Р., Ромашова Г. Т. Многонациональный народ Российской Федерации – источник государственной власти и коллективный носитель государственного суверенитета // Общество, государство, личность: молодежное предпринимательство в поведенческой экономике. Материалы XIX Межвузовской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. В двух частях. – Казань, 2019.

22. Ромашов Р. А. Политогенез: монография / вступ. сл. В. П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 2020.

23. Синуков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – Саратов: Полиграфист, 1994.

24. Тимошина Е. В. Классика, постклассика...неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Правоведение. – 2014. – № 4 (315).

25. Щелкунова Е. М. Эксплуататорский тип российского государства как основной фактор сохранения ресурсной зависимости российской экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 3.

References

1. Averin, N. M. (2000) *Sovetskaya e`tika: ideologicheskij fantom ili istoricheskoe nasledie?* [Soviet ethics: an ideological phantom or a historical legacy?]. *Vestnik TGU – Bulletin TGU*. No. 3 (19). (In Russian).

2. Antonov, M. V. (2013) *Ojgen E`rlix: zhivoe pravo protiv pravovogo plyuralizma* [Eugen Ehrlich: Living law against legal pluralism]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No. 1. (In Russian).

3. Bondar`, N. S. (2007) *Normativno-doktrinal`naya priroda reshenij Konstitucionnogo Suda RF kak istochnikov prava* [Normative-doctrinal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of law]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 4 (124). (In Russian).

4. Gercenzon, A. A., Gringauz, Sh. S., Durmanov, N. D. i dr. (1948) *Istoriya sovetskogo ugolovnogo prava* [The History of Soviet Criminal law]. Moscow: Yuridicheskoye izdatel'stvo, (Leningrad: tip. im. Evg. Sokolovoj). (In Russian).
5. Goldobina, Z. G. (2008) *Yuridicheskij pragmatizm i sociologicheskoe napravlenie v amerikanskom prave* [Legal pragmatism and the sociological direction in American law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. No. 1. (In Russian).
6. David, R. (1988) *Osnovny`e pravovy`e sistemy` sovremennosti* [Basic legal systems of modernity]. Moscow: Progress. (In Russian).
7. Il`in, V. A., Morev, M. V. (2019) «*Intellektual`noe bessilie` pravnyashhix e`lit i «glubiny` j narod` dolgogo gosudarstva*» ["Intellectual impotence" of the ruling elites and the "deep people" of the "long state"]. *E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: faktory`, tendencii, prognoz – Economic and social changes: factors, trends, forecast*. Vol. 12. No. 2. (In Russian).
8. Kabenko, M. S. (2011) *Osobennosti sovetskogo socialisticheskogo pravosoznaniya, obuslovlivshie ego deformaciyu* [Features of the Soviet socialist legal consciousness that caused its deformation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» – Bulletin of the Omsk university. Series "Right"*. No. 3 (28). (In Russian).
9. Kozhevnikov, V. V. (2017) *Problemy` tipov pravoponimaniya v otechestvennoj yurisprudencii* [Problems of types of legal understanding in domestic jurisprudence]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» – Bulletin of the Omsk university. Series "Right"*. No. 4 (53). (In Russian).
10. Kurilov, V. A. (2019) «*Stroitel` kommunizma` i «homo religiosus» v filosofskom diskurse marksistsko-leninskoy e`tiki* ["The Builder of communism" and "homo religiosus" in the philosophical discourse of Marxist-Leninist ethics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University*. No. 3. (In Russian).
11. Lazarev, V. V. (2016) *Tolkovanie prava: klassika, modern i postmodern* [Interpretation of law: classics, modern and postmodern]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. Vol. 4. No. 8. (In Russian).
12. *Legitimnost` prava* [Legitimacy of law]: kollektivnaya monografiya / pod obshh. red. E. N. Tonkova, I. L. Chestnova. Saint-Petersburg: Aletejya, 2019. (In Russian).
13. Lenin, V. I. (1958) *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works] / In-t marksizma-leninizma pri CzK KPSS. 5-e izd. Moskva: Gospolitizdat, Vol. 38. (In Russian).
14. Maksimova, O. D. (2014) *Revolucionnoe pravosoznanie kak istochnik sovetskogo prava i zakonotvorchestva* [Revolutionary legal consciousness as a source of Soviet law and lawmaking]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. No. 9-2 (47). (In Russian).
15. Mel`nikov, S. A. (2015) *K voprosu o formax realizacii prava* [On the question of forms of realization of the right]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskaj akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*. No. 6 (107). (In Russian).
16. Pavkin, L. M. (2010) *Osobennosti pravovogo razvitiya Rossijskoj imperii* [Features of the legal development of the Russian Empire]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik – North Caucasus Legal Bulletin*. No. 3. (In Russian).
17. Portugalov, G. M. (1922) *Revolucionnaya sovest` i socialisticheskoe pravosoznanie* [Revolutionary conscience and socialist legal consciousness]. Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel`stvo. (In Russian).
18. Romashov, R. A. (2021) (ed.) *Pravogenez: tradiciya, volya, zakon* [Pravogenesis: tradition, will, law]: kollektivnaya monografiya. Saint-Petersburg: Aletejya. (In Russian).

19. Razuvaev, N. V. (2014) *Sovremennaya teoriya prava v poiskax postklassicheskoy paradigmy` poznaniya* [Modern theory of law in search of a postclassical paradigm of cognition]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No. 5 (316). (In Russian).

20. Romashova, M. R. (2019) «*Gosudarstvenny` j narod*» – *social`naya osnova gosudarstvennogo suvereniteta i istochnik gosudarstvennoj vlasti* ["The state people" – the social basis of state sovereignty and the source of state power] // *Globalizatsiya i regional`noe razvitiye v XXI v.: vektory` razvitiya, vy`zovy`, innovatsii*. Sbornik nauchny`x statej Vserossijskoj (s mezhdunarodny`m uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferencii magistrantov, aspirantov i ad``yunktov. Samara: Samarskij gosudarstvenny` j e`konomicheskij universitet. (In Russian).

21. Romashova, M. R., Romashova, G. T. (2019) *Mnogonacional`ny` j narod Rossijskoj Federacii – istochnik gosudarstvennoj vlasti i kollektivny` j nositel` gosudarstvennogo suvereniteta* [The multinational people of the Russian Federation are the source of state power and the collective bearer of state sovereignty] // *Obshhestvo, gosudarstvo, lichnost` : molodezhnoe predprinimatel`stvo v povedencheskoj e`konomie*. Materialy` XIX Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, magistrantov, aspirantov i molody`x ucheny`x. V dvux chastyax. Kazan`. (In Russian).

22. Romashov, R. A. (2020) *Politogenez* [Politogenesis]: monografiya /vstup. sl. V. P. Sal`nikov. Saint-Petersburg: Aleteiya, (In Russian).

23. Sinyukov, V. N. (1994) *Rossijskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu* [The Russian legal system. Introduction to general theory]. Saratov: Poligrafist. (In Russian).

24. Timoshina, E. V. (2014) *Klassika, postklassika...neoklassika: k obosnovaniyu kontrpostmodernistskoj programmy` v teorii prava* [Classics, postclassics... neoclassics: to substantiate the counter-postmodern program in the theory of law]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No. 4 (315). (In Russian).

25. Shchelkunova, E. M. (2011) *E`kspluatatorskij tip rossijskogo gosudarstva kak osnovnoj faktor soxraneniya resursnoj zavisimosti rossijskoj e`konomie* [The exploitative type of the Russian state as the main factor in preserving the resource dependence of the Russian economy]. *Vestnik e`konomie, prava i sociologii – Bulletin of Economics, Law and Sociology*. No. 3. (In Russian).

Об авторе

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the author

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, head of theory and history of the state department of Law faculty, Pushkin Leningrad State University, Meritorious Scientist of Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Поступила в редакцию: 14.02.2023
Принята к публикации: 21.02.2023
Опубликована: 31.03.2023

Received: 14 February 2023
Accepted: 21 February 2023
Published: 31 March 2023

Место единой системы исполнительной власти Российской Федерации в единой системе публичной власти Российской Федерации

Е. Г. Бабелюк

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы влияния поправок к Конституции РФ, вступивших в силу в 2020 г. и закрепивших категорию «единая система публичной власти», на определение содержания категории «единая система исполнительной власти» и их взаимосвязь.

В статье проанализированы отдельные положения Конституции РФ, Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации» и других федеральных законов, регулирующих правовой статус отдельных федеральных государственных органов.

На основе анализа действующего законодательства и с учетом научных исследований о правовой природе публичной власти и исполнительной власти в статье изложены предложения по дополнению и корректировке действующего законодательства в целях выстраивания эффективной и непротиворечивой единой системы исполнительной власти как части единой системы публичной власти.

Ключевые слова: единая система публичной власти, единая система исполнительной власти, государственное управление, Правительство РФ, Государственный Совет РФ.

Для цитирования: Бабелюк Е. Г. Место единой системы исполнительной власти Российской Федерации в единой системе публичной власти Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2023. – № 1 (71). – С. 101–115. DOI 10.35231/18136230_2023_1_101

Original article
UDC 342.6 (470)
HAC 5.1.2
DOI 10.35231/18136230_2023_1_101

The place of the unified system of executive power of the Russian Federation in the unified system of public power of the Russian Federation

Ekaterina G. Babelyuk

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article discusses the impact of amendments to the Constitution of the Russian Federation, which entered into force in 2020 and fixed the category "unified system of public power", on the definition of the content of the category "unified system of executive power" and their correlation.

The article analyzes separate regulations of the Constitution of the Russian Federation, the Federal Constitutional Law "On the Government of the Russian Federation", the Federal Law "On General Principles of Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation", the Federal Law "On the State Council of the Russian Federation", and other federal laws regulating the legal status of particular federal state bodies.

Based on the analysis of the current legislation and taking into account scientific research on the legal nature of public power and executive power, the article presents proposals for supplementing and correcting the current legislation in order to build an effective and consistent unified system of executive power as part of a unified system of public power.

Key words: unified system of public power, unified system of executive power, public administration, the Government of the Russian Federation, the State Council of the Russian Federation.

For citation: Babelyuk, E. G. (2023) Mesto yedinoj sistemy ispolnitel'noy vlasti Rossiyskoy Federatsii v yedinoj sisteme publichnoy vlasti Rossiyskoy Federatsii [The place of the unified system of executive power of the Russian Federation in the unified system of public power of the Russian Federation]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad legal journal*. No. 1 (71). Pp. 101–115. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_101

Введение

В 2020 году в правовой оборот нормативно была введена категория «единая система публичной власти». Хотя в Главу 1 Конституции РФ о конституционных основах изменения не вносились и статьи 10 и 11 Конституции РФ, посвященные государственной власти, остались неизменными, поправки ввели в конституционный текст новые конституционные понятия: «публичная власть»¹, «единая система публичной власти»². А к вопросам ведения Российской Федерации была отнесена такая сфера как «организация публичной власти». Да и сам Закон о поправке к Конституции России называется «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

Необходимо отметить, что «публичная власть» и ее соотношение с другими правовыми категориями не только становилась предметом научных исследований [4; 14], но и использовались в решениях Конституционного суда³. Однако после внесения поправок уже на практическом уровне встает вопрос: «Как конституционная идея «единства системы публичной власти» может отразиться на подходах к функционированию органов государственной власти, иных государственных органов, а также и единой системы исполнительной власти?».

Когда в научной литературе и в судебных актах Конституционного суда РФ речь шла о «публичной власти», то под этим термином объединяли самостоятельные уровни власти – государственную власть и муниципаль-

¹ Ст. 67, 71 Конституции РФ и др. (Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.)

² Ст. 80 Конституции РФ.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области "Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» (Российская газета. № 282. 14.12.2015).

ную власть [15], а после внесения поправок в Конституцию речь идет уже о единой системе публичной власти, что, на наш взгляд, означает необходимость рассмотреть, какие принципы, характерные для функционирования социальных систем, требуют нормативного закрепления или развития в качестве принципов «единства системы», поскольку именно «системные» признаки публичной власти должны получить четкое выражение в законодательстве. Однако научных исследований, посвященных именно вопросам функционирования «единой системы публичной власти», позволяющих выработать официальную позицию относительно элементов единой публичной системы и принципов ее функционирования, в данный момент недостаточно [8; 9].

Ранее в Конституции России уже были закреплены такие понятия, как: «государственная власть», «власть народа», «система органов государственной власти», «единая система исполнительной власти», «судебная система». Теперь с учётом поправок соотношение понятий «государственная власть», «единая система публичной власти», «исполнительная власть» должно наполняться новым содержанием, поскольку появление новой конституционной правовой категории с неизбежностью приводит и к новым смыслам.

Одним из радикальных изменений в Конституции РФ стало положение ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, согласно которому органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации.

В ч. 2 ст. 80 Конституции говорится о полномочиях Президента РФ в части обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти. В связи с закреплением данных положений целесообразно понимать,

какой смысл вкладывается в «единство системы» публичной власти.

Нормативное определение категории «единая система публичной власти»

Впервые в законодательстве нормативное определение понятия единой системы публичной власти появилось в ст. 2 Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (далее ФЗ-394)¹: «Под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства».

Толкование этой статьи имеет важное значение для последующей правоприменительной практики. Полагаем, что возможно как минимум два варианта такого толкования. Первый вариант: все органы государственной власти и государственные органы как федерального уровня, так и уровня субъектов федерации, муниципальные органы входят в единую систему публичной власти, а значит, и все органы исполнительной власти, входящие в единую

¹ Российская газета. № 280. 11.12.2020.

систему исполнительной власти, являются частью единой системы публичной власти. Второй вариант: в единую систему публичной власти входят только те органы, которые прямо в законах указаны как органы публичной власти, такие, например, как Правительство РФ (ст. 1 Федерального конституционного закона от 6.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (далее – ФКЗ-4)¹, Высшее должностное лицо субъекта РФ (ст. 20 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – ФЗ-414)², Законодательный орган субъекта Российской Федерации (ст. 7 ФЗ-414). А также Совет федеральной территории «Сириус», администрация федеральной территории «Сириус», которые в ст. 10 Федерального закона от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории» "Сириус"³ прямо перечислены как органы, входящие в систему органов публичной власти федеральной территории "Сириус"⁴.

Принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти, для уровней субъектов федерации и муниципального сформулированы в ст. 2 ФЗ-414, а в ст. 17 ФЗ-394 перечислены принципы взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, и они минимально содержательно и текстуально пересекаются. Следовательно, единая система органов исполнительной власти должна функционировать с учетом этих норм, однако это не исключает дополнение и иными принципами, необходимыми исполнительной власти с позиции теории систем [7; 10; 12].

¹ Российская газета. № 251. 09.11.2020.

² Российская газета. № 294. 27.12.2021.

³ Российская газета. № 292. 25.12.2020.

⁴ В настоящий момент времени в уставе федеральной территории «Сириус», утвержденном решением Совета федеральной территории «Сириус» от 19 ноября 2021 № 1-3/16, иные органы публичной власти федеральной территории «Сириус» не предусмотрены.

Государственные органы, напрямую не названные как органы публичной власти

Обращает на себя внимание то, что Государственный совет в ст. 3 ФЗ-394 «Государственный совет в единой системе публичной власти» прямо не назван как орган публичной власти, в отличие от Правительства РФ, Высшего должностного лица субъекта РФ, и только через системное толкование с ч.2 ст. 2 ФЗ-394 его можно рассматривать как элемент единой системы публичной власти.

В данный момент ряд государственных органов, которые не относятся при этом к органам государственной власти, напрямую законодательно не обозначены как элементы единой системы публичной власти. Например, ни в ст. 129 Конституции РФ, ни в ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее ФЗ-№ 2202-1) нет ни слова о вхождении в единую систему органов публичной власти. Одновременно с этим согласно ст. 63 ФЗ-414 органы прокуратуры уполномочены осуществлять «надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституций (уставов), законов субъектов Российской Федерации органами, входящими в единую систему публичной власти в субъектах Российской Федерации». Следовательно, возможны два варианта: 1) не предполагается вхождение прокуратуры в единую систему публичной власти в силу своих надзорных полномочий; 2) в единую систему публичной власти входят все государственные органы независимо от ветви власти и уровня власти, и единая система публичной власти функционирует на основе «системы сдержек и противовесов» между входящими в нее единой системой испол-

¹ Российская газета. № 229. 25.11.1995.

нительной власти и единой федеральной централизованной системой органов прокуратуры и др.

Еще один пример, когда государственный орган нормативно не обозначен ни в Конституции РФ, ни в федеральном законе как элемент единой публичной власти – это Счетная палата РФ, которая согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»¹ является постоянно действующим высшим органом внешнего государственного аудита (контроля), в том числе и в отношении органов исполнительной власти, а значит, взаимодействие внутри единой системы публичной власти осуществляется.

Да и применительно к палатам Федерального собрания РФ ни в Конституции, ни в других федеральных законах ни Государственная Дума, ни Совет Федерации нормативно не поименованы как органы публичной власти. В то время как в ФЗ-414 на уровне субъектов федерации представительные органы власти напрямую названы органами публичной власти и руководствуются в своей деятельности едиными и для исполнительных органов субъектов РФ, и для органов власти муниципального уровня принципами.

Органы исполнительной власти в единой системе публичной власти

В «единой системе государственной власти» «единая система исполнительной власти» выступает как подзаконная исполнительно-распорядительная система государственных органов, функционирующих по единым принципам с учетом разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

¹ Российская газета. № 77. 10.04.2013.

В некоторых научных работах уделяется внимание характеристике исполнительной власти именно как «единой системы» [1; 6], и в качестве характерных признаков единой системы исполнительной власти и принципов ее функционирования формулируются следующее: подзаконный характер деятельности (полномочия органов, входящих в систему исполнительной власти, должны быть определены либо законом, либо вышестоящим органом), наличие властных полномочий по изданию нормативных и индивидуальных актов, иерархический характер построения системы (обязательность правовых актов и решений вышестоящих органов, участие вышестоящих органов в назначении должностных лиц в нижестоящие органы), наличие контрольных полномочий вышестоящих органов над нижестоящими и др. [3].

Применительно к исполнительной власти ч. 2 ст. 77 Конституции РФ закреплено, что органы исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и по предметам, находящимся в ведении Российской Федерации, образуют «единую систему исполнительной власти в Российской Федерации». Элементы системы исполнительной власти указаны в ч. 1 ст. 1 ФКЗ-4: «исполнительную власть Российской Федерации, осуществляют Правительство Российской Федерации и иные федеральные органы исполнительной власти в соответствии со структурой федеральных органов исполнительной власти под общим руководством Президента Российской Федерации, а также органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Однако стоит отметить, что в ФКЗ-4 и в ФЗ-414 только Правительство РФ и Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (из числа органов, относящихся к исполнительной власти) в названии соот-

ветствующих статей обозначены как органы публичной власти¹.

Прямого указания в ФКЗ-4, что федеральные органы исполнительной власти входят в единую систему публичной власти нет, как нет и прямой нормы, закрепляющей, что все органы исполнительной власти, входящие в единую систему исполнительной власти в Российской Федерации, являются частью единой системы публичной власти. В тексте ФЗ-414 ни высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации, ни исполнительные органы субъекта Российской Федерации в статьях, посвященных именно этим государственным органам субъектов федерации, напрямую не названы органами публичной власти. Однако включение всех органов исполнительной власти в единую систему публичной власти необходимо для обеспечения эффективности государственного управления. Из системного толкования положений ФКЗ-4 и ФЗ-414 можно сделать вывод, что единая система исполнительной власти является частью единой системы публичной власти, но все же целесообразно закрепление соответствующей нормы в ФКЗ-4.

Исполнительные органы местного самоуправления и единая система исполнительной власти

Практический вопрос теперь встает о степени включенности исполнительных органов местного самоуправления в единую систему исполнительной власти и распространения на них общих принципов функционирования единой системы исполнительной власти (например, таких как оценка эффективности, а не только законности деятельности органов местного самоуправления

¹ Ст. 1 ФКЗ-4 называется: «Исполнительная власть Российской Федерации. Правительство Российской Федерации как орган публичной власти». Мы видим, что Правительство РФ сразу нормативно закреплено как часть единой системы публичной власти, и согласно ст.13 ФКЗ-4 осуществляет взаимодействие органов публичной власти и координацию их деятельности в рамках единой системы исполнительной власти в Российской Федерации.

со стороны государственных органов исполнительной власти) через единство единой системы публичной власти. Отдельные положения ФЗ-414, уже позволяют делать выводы о таком включении¹.

В работе Россинского Б. В. [13] отмечается, что «жизнь требовала прочно связать государственные властные структуры с муниципальными образованиями в единой иерархической управленческой системе», при этом «разрыв необходимых информационных связей между органами исполнительной власти и исполнительными органами муниципальных образований всегда имеет крайне нежелательные последствия и для местного самоуправления, и для государственного управления в целом». А следовательно, принципы функционирования государственных органов исполнительной власти законодатель распространит и на управленческие правоотношения с участием органов местного самоуправления.

Положения ч. 3 ст. 132 Конституции РФ о том что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории», получили свое развитие в ст. 6 ФЗ-414, однако, к сожалению, пока не отражены в Федеральном законе

¹ Согласно ст. 25 ФЗ 414 в число полномочий высшего должностного лица субъекта федерации входят в том числе: право вынести предупреждение, объявить выговор главе муниципального образования, главе местной администрации за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и (или) законами субъекта Российской Федерации; право отрешить от должности главу муниципального образования, главу местной администрации в случае, если в течение месяца со дня вынесения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации предупреждения, объявления выговора главе муниципального образования, главе местной администрации в соответствии с пунктом 12 настоящей статьи главой муниципального образования, главой местной администрации не были приняты в пределах своих полномочий меры по устранению причин, послуживших основанием для вынесения ему предупреждения, объявления выговора; право обратиться в представительный орган муниципального образования с инициативой об удалении главы муниципального образования в отставку, в том числе в случае систематического недостижения показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в порядке, установленном федеральным законом об общих принципах организации местного самоуправления.

от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹. В научной литературе появились публикации, касающиеся роли местного самоуправления в единой системе публичной власти [2; 5; 11], однако они недостаточно уделяют внимания именно вопросу перспектив выстраивания единой системы исполнительной власти с учетом места исполнительных органов местного самоуправления в единой системе публичной власти.

На федеральном уровне, например, в ФЗ-4 и в ФЗ-414 целесообразно более детально описать единую систему исполнительной власти, принципы ее функционирования и их распространение на исполнительные органы муниципальных образований (например, обжалование действий нижестоящего органа в системе вышестоящему, отмена решений вышестоящим органом, объем контрольных полномочий в отношении исполнительных органов местного самоуправления, оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления и т.п.).

Заключение

Закрепленное в данный момент нормативное определение «единой системы публичной власти» оставляет большие варианты для дальнейшего встраивания в нее единой системы исполнительной власти в зависимости от того, какие управленческие модели будут необходимы государству в ближайшем будущем: централизация и выстраивание жесткой вертикали при осуществлении государственного управления или децентрализация через укрепление федерализма с развитием институтов, направленных на расширение самостоятельности и инициативности на местах или же третья, совмещения цен-

¹ Российская газета. № 202. 08.10.2003.

трализации и децентрализации в зависимости от конкретных сфер государственного управления.

Список литературы

1. Авдеев Д. А. Разделение властей и дуалистическая природа исполнительных властей в России // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 9. – С. 14–18.
2. Беспалова М. П. Проблемы взаимодействия муниципальных образований с органами государственной власти РФ в свете конституционной реформы 2020 г. // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 11. – С. 24–28.
3. Бланкенгель А. Концепция единой системы исполнительной власти, часть 2 статьи 77 Конституции РФ – какая система, а где единство? // Сравнительное конституционное обозрение. – М.: Институт права и публичной политики. – 2006. – № 1 (54). – С. 123–128.
4. Бондарь Н. С. Гражданин и публичная власть: конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении: учеб. пособие. – М.: Городец, 2004.
5. Гриценко Е. В. Что же останется от местного самоуправления в единой системе публичной власти? (Проблемы законодательной интерпретации конституционных поправок) // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 5. – С. 50–57.
6. Кобяшев В. Г. Конституционный принцип единства системы исполнительной власти в решениях Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 12.
7. Кокурина О. Ю. Модель жизнеспособных систем в контексте проблем сложности и устойчивости публичного управления и регулирования // Административное право и процесс. – 2022. – № 6.
8. Лебедев В. А. Публичная власть в субъектах РФ: понятие, принципы, система // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 6. – С. 31–36.
9. Мигущенко О. Н. Единая система публичной власти как фактор национальной безопасности Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2022. – № 1. – С. 3–7.
10. Мицкевич Л. А. Очерки теории административного права. Современное наполнение. – М., 2015.
11. Писарев А. Н. Местное самоуправление как особая форма системы единой публичной власти: теоретико-правовое исследование в свете конституционной реформы – 2020 // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 6. – С. 35–39.
12. Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиции теории систем: монография. – М.: Норма ИНФРА-М, 2021. – 264 с.
13. Россинский Б. В. Формирование публичной власти как реализация системного принципа ингрессии // Административное право и процесс. – 2022. – № 7.
14. Чиркин В. Е. Современные модели публичной власти // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 3. – С. 42–63.
15. Югов А. А. Единая система публичной власти: понятие и общая характеристика // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 2.

References

1. Avdeev, D. A. (2010) *Razdeleniye vlastey i dualisticheskaya priroda ispolnitel'noy vlasti v Rossii* [Separation of Powers and the Dualistic nature of Executive power in Russia]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo – Constitutional and municipal law*. No 9. Pp. 14–18. (In Russian).
2. Bespalova, M. P. (2020) *Problemy vzaimodeystviya munitsipal'nykh obrazovaniy s organami gosudarstvennoy vlasti RF v svete konstitutsionnoy reformy 2020 g.* [Problems of interaction of municipalities with state authorities of the Russian Federation in the light of the constitutional reform of 2020]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye – State power and local self-government*. No 11. Pp. 24–28. (In Russian).
3. Blankenagel, A. (2006) *Kontseptsiya yedinoy sistemy ispolnitel'noy vlasti, chast' 2 stat'i 77 Konstitutsii RF – kakaya sistema, a gde yedinstvo?* [The concept of a unified system of executive power, part 2 of Article 77 of the Constitution of the Russian Federation – what is the system, and where is the unity?]. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye – Comparative Constitutional Review*. Moscow: Institute of Law and Public Policy, No 1 (54). Pp. 123–128. (In Russian).
4. Bondar, N. S. (2004) *Grazhdanin i publichnaya vlast': konstitutsionnoye obespecheniye prav i svobod v mestnom samoupravlenii* [Citizen and public authority: constitutional provision of rights and freedoms in local self-government: textbook]. Moscow: Gorodets. (In Russian).
5. Gritsenko, E. V. (2022) *Chto zhe ostanetsya ot mestnogo samoupravleniya v yedinoy sisteme publichnoy vlasti? (Problemy zakonodatel'noy interpretatsii konstitutsionnykh popravok)* [What will remain of local self-government in the unified system of public power? *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo – Constitutional and municipal law*. No 5. Pp. 50–57. (In Russian).
6. Kobayshhev, V. G. (2007) *Konstitutsionnyy printsip yedinstva sistemy ispolnitel'noy vlasti v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda RF* [The Constitutional Principle of unity of the Executive Power System in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo – Constitutional and Municipal Law*. No 12. (In Russian).
7. Kokurina, O. Yu. (2022) *Model' zhiznesposobnykh sistem v kontekste problem slozhnosti i ustoychivosti publichnogo upravleniya i regulirovaniya* [The model of viable systems in the context of the problems of complexity and sustainability of public administration and regulation]. *Administrativnoye pravo i protsess – Administrative Law and Process*. No 6. (In Russian).
8. Lebedev, V. A. (2022) *Publichnaya vlast' v sub'yektakh RF: ponyatiye, printsipy, sistema* [Public power in the subjects of the Russian Federation: concept, principles, system] *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo – Constitutional and municipal law*. No 6. Pp. 31–36. (In Russian).
9. Migushchenko, O. N. (2022) *Yedinaya sistema publichnoy vlasti kak faktor natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* [Unified System of Public Power as a factor of National Security of the Russian Federation]. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovyye voprosy – Municipal service: legal issues*. No 1. Pp. 3–7. (In Russian).
10. Mickiewicz, L. A. (2015) *Ocherki teorii administrativnogo prava. Sovremennoye napolneniye* [Essays on the theory of administrative law. Modern content]. Moscow. (In Russian).
11. Pisarev, A. N. (2020) *Mestnoye samoupravleniye kak osobaya forma sistemy yedinoy publichnoy vlasti: teoretiko-pravovoye issledovaniye v svete konstitutsionnoy reformy – 2020* [Local Self-government as a Special Form of a Unified Public Authority System: a Theoretical and Legal Study in the Light of Constitutional reform – 2020]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye – State power and local self-government*. No 6. Pp. 35–39. (In Russian).

12. Rossinsky, B. V. (2021) *Problemy gosudarstvennogo upravleniya s pozitsii teorii system* [Problems of public administration from the perspective of systems theory: monograph]. Moscow: Norma INFRA-M. (In Russian).

13. Rossinsky, B. V. (2022) *Formirovaniye publichnoy vlasti kak realizatsiya sistemnogo printsipa ingressii* [The formation of public power as the implementation of the systemic principle of ingression]. *Administrativnoye pravo i protsess – Administrative Law and Process*. No 7. (In Russian).

14. Chirkin, V. E. (2013) *Sovremennyye modeli publichnoy vlasti* / [Modern models of public power]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. No 3. Pp. 42–63. (In Russian).

15. Yugov, A. A. (2022) *Yedinaya sistema publichnoy vlasti: ponyatiye i obshchaya kharakteristika* [Unified system of public power: concept and general characteristics]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo – Constitutional and municipal law*. No 2. (In Russian).

Об авторе

Бабелюк Екатерина Геннадьевна, кандидат юридических наук, советник ректора, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Российская Федерация, e-mail: babelyk@mail.ru

About the author

Ekaterina G. Babelyuk, Cand. Sci. (Law), adviser of the rector, Lomonosov Moscow State University; Assistant Professor, Pushkin Leningrad State University, Russian Federation, e-mail: babelyk@mail.ru

Поступила в редакцию: 17.02.2023
Принята к публикации: 13.03.2023
Опубликована: 31.03.2023

Received: 17 February 2023
Accepted: 13 March 2023
Published: 31 March 2023

Нормативно-правовая база устойчивого развития (в мире, в России, в строительной отрасли)

И. В. Бородушко

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность статьи определяется проблемами правового регулирования устойчивого развития в условиях роста экологических угроз.

Исследование показало, что: 1) в мире нарастают препятствия к достижению предусмотренных правовыми актами Целей устойчивого развития; 2) в России сформирована нормативная база устойчивого развития, его цели реализуются в ограниченных масштабах; 3) строительная отрасль обеспечена нормативной базой и находится на начальном этапе устойчивого развития.

Следовательно, в России необходимо развивать правовую базу устойчивого развития. При реализации политики устойчивого развития следует учитывать особенности внутренних и внешних факторов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, нормативно-правовая база, концепция, строительный рынок, строительные компании.

Для цитирования: Бородушко И. В. Нормативно-правовая база устойчивого развития (в мире, в России, в строительной отрасли) // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 116–130. DOI 10.35231/18136230_2023_1_116

Regulatory and legal framework for sustainable development (in the world, in Russia, in the construction industry)

Irina V. Borodushko

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The relevance of the article is determined by the problems of legal regulation of sustainable development in the face of growing environmental threats.

The study showed that: 1) obstacles to the achievement of the Sustainable Development Goals stipulated by legal acts are growing in the world; 2) a regulatory framework for sustainable development has been formed in Russia, and its goals are being implemented on a limited scale; 3) the construction industry is provided with a regulatory framework and is at the initial stage of sustainable development.

Therefore, in Russia it is necessary to further develop the legal framework for sustainable development. When implementing the sustainable development policy, the peculiarities of internal and external factors should be taken into account.

Key words: sustainable development, regulatory framework, concept, construction market, construction companies.

For citation: Borodushko, I. V. (2023) Normativno-pravovaya baza ustoychivogo razvitiya (v mire, v Rossii, v stroitel'noy otrasli) [Regulatory and legal framework for sustainable development (in the world, in Russia, in the construction industry)]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad legal journal*. No. 1 (71). Pp. 116–130. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_116

Введение

Концепция устойчивого развития как глобальная парадигма разрешения противоречия между необходимостью сохранения природной среды и необратимо разрушающей ее человеческой деятельностью была сформирована под эгидой ООН в конце XX – начале XXI вв. Основным правовым актом, установившим 17 Целей и комплекс из 169 задач устойчивого развития на период до 2030 года, явилась Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 г. – «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹.

В России, как и в других странах мира, продолжается формирование правового поля для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР). Государством и бизнес-сообществом предпринят ряд действий в области реализации Концепции устойчивого развития. Сложность и неоднозначность этих процессов определяют актуальность научной оценки существующих трендов, выявления предпосылок и факторов, определения перспектив правового регулирования и управления отношениями в области реализации ЦУР.

Степень гармонизации на глобальном уровне целевой направленности нормативных документов и практики реализации Целей устойчивого развития

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро была принята Концепция устойчивого развития. Под устойчивым развитием «понимают такую модель движения вперед, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей без лишения такой возможности

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 2.03.2023).

будущих поколений»¹. Для этого необходимо обеспечить сбалансированность трех компонентов устойчивого развития – экономического, социального и экологического. Основным источником соответствующей информации служит нефинансовая отчетность компаний, которая в ряде стран является обязательной для отдельных категорий компаний [13; 8]. При этом возникает проблема качества нефинансовой отчетности [1; 10]. Предмет правового регулирования и сама правовая база – ровесники XXI века – формировались одновременно. В результате по ряду позиций нормативная правовая база достижения ЦУР не имеет прочного теоретико-правового фундамента и отстает от запросов практики. Сохраняются спорные и дискуссионные вопросы.

Встречаются даже весьма парадоксальные суждения отдельных зарубежных и российских авторов научных публикаций. Например, К. Боннедал и соавторы предлагают принцип сбалансированности экономической, социальной и экологической сфер заменить на принцип отказа от попыток сокращения негативного воздействия человека на окружающую среду [4]. Урсул А. Д. еще в 2013 г. утверждал, что «в перспективе право устойчивого развития как новое право ... видится не в форме отдельной отрасли права, наряду с другими отраслями права, а как более высокое качество и принцип формирования и функционирования всей системы правовых норм» [22, с. 63]. Еще дальше идет М. В. Мажорина, полагающая, что «право устойчивого развития ... становится сверхновым концептом, междисциплинарным, надотраслевым нормативным массивом, подрывающим устои правовой архитектуры и таксономии» [20].

¹ Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года). Контюг В. А. Информационный обзор. Новосибирск. 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/koptuyug/ideas/unrio92/unrio92.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).

Вопрос о международном аспекте правовых основ в области ЦУР остается дискуссионным. По мнению Р. Ким, противоречивость ситуации заключается в том, что цели и задачи устойчивого развития провозглашаются как интегрированные и неделимые, а относящиеся к данной сфере международные правовые нормы являются фрагментированными. Ким утверждает, что, несмотря на данное противоречие, международное право способно сформировать правовые инструменты интеграции конкурирующих между собой Целей устойчивого развития [5]. Ранее мы показали пример противоположного вывода – право устойчивого развития взорвет устои правовой архитектуры [20].

Нежелательной абстракцией было бы обсуждать вопросы правовой основы ЦУР вне связи с практической реализацией заложенных в нормативных документах основополагающих концептуальных критериев. В данном контексте исключительно показательной является опубликованная в 2021 г. статья Вакура Ч. и Вакурас И. Авторы отмечают, что содержание стратегии устойчивого развития «как на уровне ЕС, так и ООН ... постепенно сокращается. Социальная составляющая устойчивости, по-видимому, в значительной степени заброшена [14]. Убедительным подтверждением сказанного служит тот факт, что в деловом и научном обороте все чаще вместе с термином «устойчивое развитие» употребляется термин «зеленая экономика», т. е. выпадает социальный компонент. Как признают в Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН, вследствие пандемии, международных конфликтов и изменений климата «годы прогресса в достижении многих из 17 целей в области устойчивого развития практически сведены на нет»¹.

¹ Сейчас или никогда: достижение ЦУР зависит от эффективного реагирования на кризисы. ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/en/desa/it%E2%80%99s-now-or-never-achieving-sdgs-hinges-effective-crisis-response> (дата обращения: 03.03.2023).

Позитивным фактором для реализации повестки ЦУР выступает процесс цифровизации, на что указывают многие российские и зарубежные авторы, раскрывая разные аспекты данного вопроса. Цифровая трансформация экономики является основной движущей силой устойчивого развития [16; 18]. Особую роль играет цифровизация в проектировании и создании «умных городов» [17]. В трудах зарубежных авторов раскрывается потенциал воздействия цифровизации на устойчивое развитие стран ЕС и при создании умных городов будущего [3; 7]. Предлагается ввести новое понятие – «цифровое устойчивое развитие» [12]. Отмечается наличие обратной связи между цифровизацией и устойчивым развитием [15]. Определяются перспективы устойчивого развития малого и среднего предпринимательства [9; 19]. Можно предположить, по нашему мнению, что сочетание цифровизации и устойчивого развития способно дать синергетический эффект.

Нормативно-правовая база Целей устойчивого развития и их реализация в Российской Федерации

Суждения ученых, специалистов, экспертов о правовой базе и реализации ЦУР в России неоднозначны. Так, например, А. Sorukhanova и соавторы отмечают, что в России «многие программно-правовые документы определяют лишь общие принципы устойчивого развития, не предлагая какие-либо четкие стратегии» [11]. К противоположному выводу пришли эксперты Счетной палаты РФ: положения документов стратегического планирования соответствуют ЦУР по существу, хотя формально они не закреплены в правовых актах; имеющаяся правовая база «позволяет обеспечивать реализацию ЦУР и в пу-

блично-правовом, и в частнопрововом отношениях»¹. В 2022 г. Счетная палата начала методологическую разработку документа по вопросу представления компаниями нефинансовой отчетности с показателями достижения ЦУР². И в статье А. Sorykhanova, и в материалах Счетной палаты правовые аспекты ЦУР рассматриваются автономно, вне связи с оценками практики реализации ЦУР в условиях функционирующего правового поля.

Наиболее полная и достоверная информация о ситуации в России представлена в Добровольном национальном обзоре (отчете) достижения ЦУР, содержащем показатели по каждой из этих 17 Целей. По оценке Института комплексных стратегических исследований, из содержания отчета за 2020 г. следует, что «прогресс страны в экономической, социальной и экологической сферах пока является крайне медленным и нестабильным»³. В самом же отчете сказано: «большинство целей и задач устойчивого развития уже в той или мере заложено в основные стратегические и программные документы, принятые в России» ... «В каждой из отдельных ЦУР Россия в последние годы показывала определенные позитивные результаты развития ... В то же время, в отдельных направлениях наблюдается сохранение определенных вызовов...»⁴.

Действующие в России нормативные документы, регулирующие деятельность по достижению ЦУР, включают

¹ Цели в области устойчивого развития // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2020. № 6 (271). [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/b06/b065c140de24fbc32271bb2267f621ec.pdf>. (дата обращения: 03.03.2023).

² Счетная палата сформулирует методические рекомендации для регионов по устойчивому развитию. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15906459>. (дата обращения: 03.03.2023).

³ Цели устойчивого развития: отчет по России. ИКСИ. 2920. [Электронный ресурс]. URL: https://icss.ru/images/macro/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%BE_CUR.pdf. (дата обращения: 03.03.2023).

⁴ Добровольный национальный обзор хода осуществления повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Российская Федерация. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf. (дата обращения: 03.03.2023).

два базовых акта: «Концепцию перехода Российской Федерации у устойчивому развитию» от 01.04.1996 г. и «Цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» от 14.07.2021 г.¹

Свидетельствами участия ряда представителей крупного бизнеса в реализации предусмотренных нормативными документами задач устойчивого развития может служить создание в России решением от 01.12.2021 Национального ESG-альянса с участием 38 крупнейших компаний, а также представлением многими компаниями на добровольной основе ежегодных отчетов об устойчивом развитии.

Состояние нормативно-правовой базы и реализация Целей устойчивого развития на строительном рынке России

Круг задач устойчивого развития столь разносторонен и всеобъемлющ, что решение вопросов его нормативного регулирования возможно только в рамках конкретных отраслей права. В частности, отраслевые критерии и задачи устойчивого развития устанавливаются для строительного рынка.

Основным нормативным актом, определяющим перспективы строительной сферы в России, является принятая в 2022 г. Стратегия развития отрасли на период до 2030 г. С формальной точки зрения надо признать, что в документе цели и задачи устойчивого развития не упоминаются. Но по существу они заложены в Стратегии. Стратегией предусмотрен ряд задач, соответствующих ЦУР ООН: «повышение комфортности и доступности жи-

¹ Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Указ Президента от 01.04.1996 г. № 440. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>; Цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 г. № 1912-р. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390943/71a18961b6b3c84e10c0d8bc6a0797bad17f0ea2/ (дата обращения: 03.03.2023).

ля, улучшение качества городской среды»; «повышение энергоэффективности строящихся и существующих объектов капитального строительства и коммунальных систем»; «минимизация негативного воздействия строительной отрасли и ЖКХ на окружающую среду»; «создание условия для комплексного обновления населенных пунктов и повышения качества жизни граждан»; ресурсное и организационно-технологическое обеспечение перехода на «зеленое строительство» и создание «здоровых улиц», «зеленых зданий», «умных домов»; принятие «зеленых решений»; использование «зеленых стандартов» и др.¹

Для строительной отрасли актуальны «Критерии проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации», принятые в 2021 году², по таким группам проектов, как обращение с отходами, строительство, водоснабжение и водоотведение, устойчивая «зеленая» инфраструктура. Непосредственно к строительной отрасли относится стандарт «Устойчивое развитие в строительстве», состоящий из четырех частей³. Применение данного стандарта строительными компаниями осуществляется исключительно на добровольной основе. О системной работе по развитию нормативной базы и реализации ЦУР на строительном рынке свидетельствуют следующие решения. В 2022 г. была утверждена «Дорожная карта» сотрудничества Минстроя и Российского союза промышленников и предпринимателей⁴. Разрабо-

¹ Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года». Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 г. № 3268-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/AdmXczBVUCfGNM8tz16r7RkQcsgP3LAm.pdf>. (дата обращения: 05.03.2023).

² Критерии проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 г. № 1587. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/136742/> (дата обращения: 05.03.2023).

³ Национальный стандарт РФ «Устойчивое развитие в строительстве». ГОСТ Р 57274-2016. Стандарт утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21.11.2016 г. № 1722-ст

⁴ Минстрой и РСПП утвердили «Дорожную карту» в сфере технического регулирования. 30.06.2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sroportal.ru/news/minstroj-rossii-i-rspp-utverдили-dorozhnyuyu-kartu-v-sfere-technicheskogo-regulirovaniya/> (дата обращения: 05.03.2023).

тан с участием российских специалистов и принят новый международный стандарт по терминологии устойчивого развития в строительстве¹. Утвержден «зеленый» стандарт многоквартирного жилья². На критериях устойчивого развития основана новая методика формирования градостроительной политики³.

Ведущие строительные компании активно участвуют в реализации повестки устойчивого развития, хотя в целом строительная отрасль отстает от таких отраслей-лидеров, как металлургия, энергетика. Строительными компаниями-лидерами в области достижения ЦУР являются, например, ПАО «группа ЛСР», ПАО «ГК «Самолет», ПАО «ПИК СЗ».

Заключение

Успешность реализации повестки устойчивого развития определяется сложным комплексом факторов. В структуре этих факторов к числу первостепенных относятся качество нормативно-правовой базы и практическое соблюдение установленных ею принципов и норм. Однако феномен устойчивого развития обретает на глобальном уровне внутренне противоречивый характер – нарастает отрыв практики реализации ЦУР от провозглашенных в нормативных документах положений. Резко сужается его функциональная значимость за счет тенденции ослабления или выпадения социального компонента. Эффективность деятельности ООН в области реализации ЦУР снижается в условиях спровоцирован-

¹ Русский стал официальным языком первого международного стандарта по терминологии устойчивого развития в строительстве. 17.01.2023 г. ИСО 6707-2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://zanostroy.ru/news/2023/01/17/1808.html> (дата обращения: 05.03.2023).

² В России утвержден «зеленый» стандарт ГОСТ Р для многоквартирного жилья. 09.09.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/v-rossii-utverzhdyen-zelyenyi-standart-gost-r-dlya-mnogokvartirnogo-zhilya/> (дата обращения: 05.03.2023).

³ В Минстрое России представили методики по формированию единой градостроительной политики в агломерациях. 12.12.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/v-minstroe-rossii-predstavili-metodiki-po-formirovaniyu-edinoy-gradostroitelnoy-politiki-v-aglomerats> (дата обращения: 05.03.2023).

ного западными странами обострения геополитической и экономической ситуации в мире.

Россия открыта для международного сотрудничества в области достижения ЦУР. Так, на конференции ООН по изменению климата, состоявшейся 13.11.2021 г., Россия представила национальную Стратегию низкоуглеродного развития на период до 2050 года. Представители России приняли участие в проходившей 19.12.2022 г. 15-й сессии Конференции Сторон Конвенции ООН о биологическом разнообразии. Повестка устойчивого развития является в России одним из предметов государственной политики. С ее учетом принимаются решения институтами права, власти и бизнес-сообществом.

Если обратимся к документальным источникам, к суждениям ученых, представителей институтов власти и бизнес-сообщества о проблемах в области ЦУР, то получим многообразные оценки преимущественно частного характера. Обычно отсутствует общее видение степени гармонизации двух сторон стратегии устойчивого развития – целевой направленности нормативных документов и практики реализации ЦУР.

Содержание основополагающих российских документов о ЦУР соответствует требованиям законодательства РФ и условиям, предусмотренным международными договорами РФ. В них определены ключевые направления государственной политики РФ в области экономики и социальных отношений, защиты окружающей среды. На основе положений базовых документов далее формируются документы более частного порядка, регулирующие условия и механизмы реализации задач, проектов в области ЦУР. Для достижения ЦУР в России сформирована достаточно полная и качественная нормативно-правовая база, которая продолжает совершенствоваться. Следовательно, определенное отставание России

в реализации Целей устойчивого развития обусловлено влиянием неправовых условий и факторов.

Строительная отрасль занимает одно из ведущих мест в народном хозяйстве России – строительные компании участвуют в решении задач социальной сферы и развития инфраструктуры, формируют массовый спрос на продукцию ряда других отраслей экономики. Перспективным трендом для строительного рынка является начавшийся переход на модель устойчивого развития, на что указывают исследователи [2; 6; 21]. Этому способствует сформированная нормативно-правовая база, включающая документы международного, национального и отраслевого уровня. В настоящее время активно пополняется комплекс строительных стандартов, гармонизированных с соответствующими международными стандартами. Множество крупных строительных компаний ежегодно публикуют отчеты об устойчивом развитии. В силу отраслевой специфики строительные компании уступают компаниям отраслей-лидеров в сфере реализации ЦУР.

Россия располагает нормативной базой устойчивого развития, которая будет размеренно дорабатываться и гармонизироваться с массивом соответствующих международных актов. Темпы реализации ЦУР будут определяться спецификой складывающихся внутренних и внешних условий.

Список литературы

1. Costa, E., Pesci, C., Andreaus, M. and Taufer, E. When a sector-specific standard for non-financial reporting is not enough: evidence from microfinance institutions in Italy. *Sustainability Accounting, Management and Policy Journal*. – 2022. – Vol. 13 – №6. – Pp. 1334–1360. DOI: 10.1108/SAMPJ-06-2021-0253.

2. Eborol, A., Agarwal, N. Sustainable development in the construction industry: The role of frugal innovation, *Journal of Cleaner Production*. – 2022. – Vol. 380. – Part 2. DOI: 10.1016/j.jclepro. 134922.

3. Ionescu-Feleagă, L. The Link between Digitization and the Sustainable Development in European Union Countries. *Electronics*. – 2023. – Vol. 12. – № 4 (961). DOI: 10.3390/electronics12040961.

4. Johan Bonnedahl K., Heikkurinen, P. Strongly sustainable development goals: Overcoming distances constraining responsible action, *Environmental Science & Policy*. – 2022. – Vol. 129. – Pp. 150–158. DOI: 10.1016/j.envsci.2022.01.004.
5. Kim, R. The Nexus between International Law and the Sustainable Development Goals. *Review-of-European-Community-and-International-Environmental-Law*. – 2016. – Vol. 25(1). – Pp. 15–26. DOI: 10.1111/reel.12148.
6. Kinnunen, J., Saunila, M. Strategic sustainability in the construction industry: Impacts on sustainability performance and brand, *Journal of Cleaner Production*. – 2022. – Vol. 368, 133063. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.133063.
7. Maria E. M. Digitalization to achieve sustainable development goals: Steps towards a Smart Green Planet // *Science of The Total Environment*. – 2021. – Vol. 794, 148539, DOI: 10.1016/j.scitotenv.2021.148539.
8. Ortiz-Martínez E., Marín-Hernández S. Sustainability, corporate social responsibility, non-financial reporting and company performance: Relationships and mediating effects in Spanish small and medium sized enterprises. – 2023. – Vol. 35. Pp. 349-364. DOI: /10.1016/j.spc.11.015.
9. Philbin, S., Viswanathan, R., & Telukdarie, A. Understanding how digital transformation can enable SMEs to achieve sustainable development: A systematic literature review. *Small Business International Review*. – 2022. – Vol. 6(1). – P. 473. DOI: 10.26784/sbir.v6i1.473.
10. Schroder, P. Mandatory non-financial reporting in the banking industry: assessing reporting quality and determinants. *Accounting, corporate governance & business ethics*. – 2022. DOI: 10.1080/23311975.2022.2073628.
11. Sopykhanova, A., Maytanov, A., Kiseleva, A., Zhamiyeva, R. Problems of Legal Regulation and State Policy Measures Related to Nature Management in the Framework of Achieving the SDGs: Examples from Russia and Kazakhstan. *Sustainability*. – 2023. – Vol. 15. – № 1042. DOI: 10.3390/su15021042.
12. Tudor, A.T., Kolisnyk, M. (2021) Digital sustainable development as an emerging concept. Conference: Managerial Challenges of the Contemporary Society. Available at: https://www.researchgate.net/publication/360054690_DIGITAL_SUSTAINABLE_DEVELOPMENT_AS_AN_EMERGING_CONCEPT (accessed 20 February 2023).
13. Turzo, T., Marzi, G. (2022) Non-financial reporting research and practice: Lessons from the last decade. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.131154>.
14. Vovoura, C. Sustainable economic development in the European Union and COVID-19. *Evolut Inst Econ Rev*. – 2022. – Vol. 19. – Pp. 449–467. DOI: 10.1007/s40844-021-00217-1.
15. Xu, J. Role of digitalization in environment, social and governance, and sustainability: Review-based study for implications. Available at: *Organizational Psychology*. – 2023. – Vol. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.961057.
16. Абрамов В. И. Цифровизация экономических отношений как фактор устойчивого развития стран // *Вопросы инновационной экономики*. – Т. 13. – № 2. – 2023.
17. Веретенникова А. Ю. Инновационные модели цифровой экономики как фактор устойчивого развития умных городов // *Региональная экономика и управление*. – 2022. – № 3(71).
18. Ганьшина Е. Ю. Факторы цифровизации в обеспечении устойчивого развития организаций // *Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова*. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 5–12.
19. Гришина С. Н. Учетно-аналитические аспекты устойчивого развития малых и средних предприятий строительной отрасли // *Экономические науки*. – 2022. – № 1 (206). – С. 180–185.
20. Мажорина М. В. Право устойчивого развития: сущность, предмет и методология // *Lex russica (Русский закон)*. – Т. 75. – № 5 (186). – 2022. – Pp. 117–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.117-126.

21. Нажимов И. П. Обеспечение устойчивого развития предприятий промышленности строительных материалов // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6. – № 5. – С. 362–366.

22. Урсул А. Д. Право устойчивого развития: концептуально-методологические проблемы становления // Юридические исследования. – 2013. – № 6. – С. 63–134. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.6.2309.

References

1. Costa, E., Pesci, C., Andreus, M. and Taufer, E. (2022) When a sector-specific standard for non-financial reporting is not enough: evidence from microfinance institutions in Italy. *Sustainability Accounting, Management and Policy Journal*, Vol. 13. No. 6. Pp. 1334–1360. DOI: 10.1108/SAMPJ-06-2021-0253.

2. Ebolor, A., Agarwal, N., (2022) Sustainable development in the construction industry: The role of frugal innovation, *Journal of Cleaner Production*. 2022. Vol. 380. Part 2. DOI: 10.1016/j.jclepro.134922.

3. Ionescu-Feleagă, L. (2023) The Link between Digitization and the Sustainable Development in European Union Countries. *Electronics*. Vol. 12. No. 4 (961). DOI: 10.3390/electronics12040961.

4. Johan Bonnedahl K., Heikkurinen, P. (2022) Strongly sustainable development goals: Overcoming distances constraining responsible action, *Environmental Science & Policy*. Vol. 129. Pp. 150–158, DOI: 10.1016/j.envsci.2022.01.004.

5. Kim, R. (2016) The Nexus between International Law and the Sustainable Development Goals. *Review-of-European-Community-and-International-Environmental-Law*. Vol. 25(1). Pp. 15–26. DOI: 10.1111/reel.12148.

6. Kinnunen, J., Saunila, M. (2022) Strategic sustainability in the construction industry: Impacts on sustainability performance and brand, *Journal of Cleaner Production*. Vol. 368, 133063. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.133063.

7. Maria E. Mondejar (2021) Digitalization to achieve sustainable development goals: Steps towards a Smart Green Planet // *Science of The Total Environment*. Vol. 794, 148539, DOI: 10.1016/j.scitotenv.2021.148539.

8. Ortiz-Martínez E., Marín-Hernández S. (2023) Sustainability, corporate social responsibility, non-financial reporting and company performance: Relationships and mediating effects in Spanish small and medium sized enterprises. Vol. 35. Pp. 349-364. DOI: 10.1016/j.spc.11.015.

9. Philbin, S., Viswanathan, R., & Telukdarie, A. (2022). Understanding how digital transformation can enable SMEs to achieve sustainable development: A systematic literature review. *Small Business International Review*. Vol. 6(1). Pp. 473. DOI: 10.26784/sbir.v6i1.473.

10. Schroder, P. (2022) Mandatory non-financial reporting in the banking industry: assessing reporting quality and determinants. *Accounting, corporate governance & business ethics*. DOI: 10.1080/23311975.2022.2073628.

11. Sopykhanova, A., Maytanov, A., Kiseleva, A., Zhamiyeva, R. (2023) Problems of Legal Regulation and State Policy Measures Related to Nature Management in the Framework of Achieving the SDGs: Examples from Russia and Kazakhstan. *Sustainability*. Vol. 15, 1042. DOI: 10.3390/su15021042.

12. Tudor, A.T., Kolisnyk, M. (2021) Digital sustainable development as an emerging concept. Conference: Managerial Challenges of the Contemporary Society. Available at: https://www.researchgate.net/publication/360054690_DIGITAL_SUSTAINABLE_DEVELOPMENT_AS_AN_EMERGING_CONCEPT (accessed 20 February 2023).

13. Turzo, T., Marzi, G. (2022) Non-financial reporting research and practice: Lessons from the last decade. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.131154.

14. Vovoura, C. (2022) Sustainable economic development in the European Union and COVID-19. *Evolut Inst Econ Rev*. Vol. 19. Pp. 449–467 DOI: 10.1007/s40844-021-00217-1.
15. Xu, J. (2022) Role of digitalization in environment, social and governance, and sustainability: Review-based study for implications URL: *Organizational Psychology*. Vol. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.961057.
16. Abramov, V. I. (2023) *Tsifrovizatsiya ekonomicheskikh otnoshenii kak faktor ustoychivogo razvitiya stran* [Digitalization of economic relations as a factor of sustainable development of countries]. *Voprosi innovatsionnoi ekonomiki – Issues of innovative economy*. Vol. 13. No. 2. (In Russian).
17. Veretennikova, A. Yu. (2022) *Innovatsionnie modeli tsifrovoi ekonomiki kak faktor ustoychivogo razvitiya umnikh gorodov* [Innovative models of digital economy as a factor of sustainable development of smart cities]. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie – Regional Economics and Management*. No. 3(71). (In Russian).
18. Ganshina, Ye. Yu. (2020) *Faktori tsifrovizatsii v obespechenii ustoychivogo razvitiya organizatsii* [Factors of digitalization in ensuring sustainable development of organizations]. *Vestnik REU im. G. V. Plekhanova – Bulletin of the Russian University of Economics G. V. Plekhanov*. Vol. 17. No. 2. Pp. 5–12. (In Russian).
19. Grishina, S. N. (2022) *Uchetno-analiticheskie aspekty ustoychivogo razvitiya malikh i srednikh predpriyatii stroitelnoi otrasli* [Accounting and analytical aspects of sustainable development of small and medium-sized enterprises in the construction industry]. *Ekonomicheskie nauki – Economic Sciences*. No 1 (206). Pp. 180–185. (In Russian).
20. Mazhorina, M. V. (2022) *Pravo ustoychivogo razvitiya: sushchnost, predmet i metodologiya* [The law of sustainable development: essence, subject and methodology]. *Lex Russica (Russkii zakon) – Lex Russica*. Vol. 75. No. 5 (186). Pp. 117–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.117-126. (In Russian).
21. Nazhimov, I. P. (2020) *Obespechenie ustoychivogo razvitiya predpriyatii promyshlennosti stroitelnykh materialov* [Ensuring sustainable development of enterprises in the construction materials industry]. *Byulleten nauki i praktiki – Bulletin of Science and Practice*. Vol. 6. No. 5. Pp. 362–366. (In Russian).
22. Ursul, A. D. (2013) *Pravo ustoychivogo razvitiya: kontseptualno-metodologicheskie problemy stanovleniya* [The law of sustainable development: conceptual and methodological problems of formation]. *Yuridicheskie issledovaniya – Legal Research*. No. 6. Pp. 63–134. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.6.2309. (In Russian).

Об авторе

Бородушко Ирина Васильевна, доктор экономических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9213-4126, e-mail: bi08@me.com

About the author

Irina V. Borodushko, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9213-4126, e-mail: bi08@me.com

Поступила в редакцию: 14.02.2023
Принята к публикации: 13.03.2023
Опубликована: 31.03.2023

Received: 14 February 2023
Accepted: 13 March 2023
Published: 31 March 2023

Концептуальные аспекты учения о предмете доказывания в гражданском процессе

Е. А. Нахова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются концептуальные аспекты учения о предмете доказывания в гражданском процессе. Автором предложено толкование предмета доказывания и механизм его определения. Механизм определения предмета доказывания понимается автором как процессуально-правовое явление, включающее в себя систему взаимодействующих элементов.

Элементы механизма определения предмета доказывания образуют: юридическая квалификация спорного материального правоотношения; структура нормы материального права как фактор, влияющий на определение предмета доказывания по делу; конкретизация как форма судебного усмотрения при определении предмета доказывания; процессуальные полномочия суда при определении предмета доказывания; требования и возражения лиц, участвующих в деле, в судебном познании; фактический состав правоотношения и его динамика; ошибки в определении фактического состава; этапы определения предмета доказывания.

Содержание отдельных элементов механизма определения предмета доказывания раскрыто автором в настоящем исследовании. По результатам проведенного исследования автором сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства, изложенные в заключении научной работы.

Ключевые слова: российское процессуальное законодательство, концепция реформирования гражданского процессуального законодательства, доказательственное право, предмет доказывания, обязанности по доказыванию.

Благодарности. Фундаментальные исследования Михаила Константиновича Треушникова, Александра Тимофеевича Боннера, наших учителей, послужили отправной точкой настоящего исследования. Глубокое осмысление научных взглядов исследователей привело к необходимости проведения детального анализа реализации отдельных процессуальных норм доказательственного права в арбитражном суде первой инстанции.

Для цитирования: Нахова Е. А. Концептуальные аспекты учения о предмете доказывания в гражданском процессе // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 131–158. DOI 10.35231/18136230_2023_1_131

The conceptual aspects of the doctrine of the subject of proof in civil proceedings

Elena A. Nakhova

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article discusses the conceptual aspects of the doctrine of the subject of proof in civil proceedings. The author proposed the definition of the subject of proof and the mechanism of its definition. The mechanism of determining the subject of proof is understood by the author as a procedural and legal phenomenon that includes a system of interacting elements.

The elements of the mechanism for determining the subject of proof form: the legal qualification of the disputed material legal relationship; the structure of the substantive law norm as a factor influencing the determination of the subject of proof in the case; specification as a form of judicial discretion in determining the subject of proof; procedural powers of the court in determining the subject of proof; claims and objections of persons participating in the case in judicial cognition; the actual composition of the legal relationship and its dynamics; – errors in determining the actual composition; stages of determining the subject of proof.

The content of individual elements of the mechanism for determining the subject of proof is disclosed by the author in this study. Based on the results of the study, the author formulated proposals for improving the current legislation, set out in the conclusion of the scientific work.

Key words: Russian procedural legislation, the concept of reforming civil procedural legislation, evidentiary law, the subject of proof, the duties of proof.

Gratitudes. The fundamental research of Mikhail Konstantinovich Treushnikov, Alexander Timofeevich Bonner, our teachers, served as the starting point of this research. A deep understanding of the scientific views of researchers has led to the need for a detailed analysis of the implementation of certain procedural rules of evidentiary law in the arbitration court of the first instance

For citation: Nakhova, E. A. (2023) Kontseptual'nyye aspekty ucheniya o predmete dokazyvaniya v grazhdanskom protsesse [The conceptual aspects of the doctrine of the subject of proof in civil proceedings]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad legal journal*. No. 1 (71). Pp. 131–158. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_131

Введение

Обновление норм о доказательствах неизбежно в условиях совершенствования российского процессуального законодательства в направлении унификации и оптимизации судебных процедур, усилении функции судебной власти, реформировании судебной системы. Вместе с тем задачами судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений. Правильное определение судом предмета доказывания по делу имеет огромное практическое значение. Неправильное или неполное определение судом обстоятельств предмета доказывания является основанием для отмены состоявшегося судебного акта, указанное основание относится к нарушению требования обоснованности судебного акта. Нарушение судом обязанности по определению предмета доказывания по делу влечет нарушение принципов состязательности и равноправия сторон в судебном разбирательстве, которое влечет за собой нарушение более общего права – права на справедливое судебное разбирательство. Неправильное или неполное определение обстоятельств предмета доказывания отражается на правильности распределения обязанностей по доказыванию, представлению относимых, допустимых и достаточных доказательств в целом либо одной из сторон, при этом нарушается компонент процессуального элемента права на справедливое судебное разбирательство, а именно права на равные процессуальные возможности при рассмотрении конкретного дела. Следует также отметить, что многие категории доказательственного права можно признать дискуссионными, что в полной мере можно отнести к категории «предмет доказывания» в гражданском судопроизводстве. Вместе с тем в доктри-

не отдельные ученые указывают на необходимость фундаментального пересмотра теории доказательств. Приведенные обстоятельства обуславливают актуальность исследования проблематики предмета доказывания в гражданском судопроизводстве на настоящем этапе развития процессуальной доктрины, действующего процессуального законодательства и судебной практики.

Обзор литературы

В отечественной процессуальной доктрине проблематике предмета доказывания и обязанностей по доказыванию посвящены труды ряда исследователей. В отечественной науке отдельным аспектам предмета доказывания был посвящен целый ряд работ. Впервые категория «предмет доказывания» была упомянута в трудах К. И. Малышева «Курс гражданского судопроизводства»¹, Ю. С. Гамбарова «Курс лекций по гражданскому процессу»². В советский период фундаментальные исследования категории «предмета доказывания» осуществлены Я. Л. Штутиным «Предмет доказывания в советском гражданском процессе» [29], Лилуашвили Т. А. «Предмет и бремя доказывания в советском гражданском процессе» [22], Л. П. Смышляевым «Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе» [25]. Значимый вклад в развитие учения о предмете доказывания в гражданском судопроизводстве внесли К. С. Юдельсон [30], А. Ф. Клейнман [17], С. В. Курылев [21], Н. Б. Зейдер [14], М. К. Треушников [26], А. Т. Боннер [6–10], Л. А. Ванеева [11], И. В. Решетникова [23], В. В. Ярков [31], В. В. Молчанов³, О. В. Баулин [5],

¹ Малышев К. Курс гражданского судопроизводства: в 3 т. СПб., 1874. Т.1. 437 с.

² Гамбаров Ю. С. Курс лекций по гражданскому процессу. СПб., 1894–1895. 778 с.

³ Молчанов В. В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2015. 354 с.

А. Г. Коваленко [18–20], И. М. Зайцев [12–13], М. А. Фокина¹, С. Ф. Афанасьев [4], Д. Б. Абушенко [1], С. М. Амосов [2; 3], М. А. Рожкова [24], И. Г. Ренц² и другие.

Предмет и механизм доказывания в гражданском судопроизводстве

Под предметом доказывания в гражданском судопроизводстве понимаются обстоятельства, имеющие значения для правильного рассмотрения и разрешения дела, в том числе обстоятельства, от которых зависит конкретизация прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, обязанность доказывания которых возложена на лиц, участвующих в деле, обязанность установления которых возложена на суд. Механизм определения предмета доказывания понимается автором как процессуально-правовое явление, включающее в себя систему взаимодействующих элементов. Элементы механизма определения предмета доказывания образуют: юридическая квалификация спорного материального правоотношения; структура нормы материального права как фактор, влияющий на определение предмета доказывания по делу; конкретизация как форма судебного усмотрения при определении предмета доказывания; процессуальные полномочия суда при определении предмета доказывания; требования и возражения лиц, участвующих в деле, в судебном познании; фактический состав правоотношения и его динамика; ошибки в определении фактического состава; этапы определения предмета доказывания. В действующем процессуальном законодательстве необходимо законодательно закрепить предмет доказывания и механизм его определения с учетом наличия

¹ Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М.: Статут. 2014. 496 с.

² Ренц И. Г. Факты и доказательства в международном гражданском процессе: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 351 с.

в материальном праве индивидуально-определяемых фактов, а также составов с элементом – конкретизатором, которые предопределяют разработку механизма определения предмета доказывания с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. Механизм определения предмета доказывания включает в себя общие и частные правила определения предмета доказывания. В качестве общего правила определения предмета доказывания представляется верным установить положение, согласно которому суд обязан определить предмет доказывания с учетом подлежащих применению норм материального и процессуального права, исходя из оснований требований и возражений лиц, участвующих в деле, и с учетом обстоятельств, от которых зависит конкретизация прав и обязанностей лиц, участвующих в деле. Указанное правило охватывает исковое производство, производство, возникающее из административных и иных публичных правоотношений по АПК РФ, производство по отдельным категориям административных дел по КАС РФ, особое производство, упрощенное производство, иные виды производств. Частные правила определения предмета доказывания установлены для искового производства, поскольку одной из существенных черт данного производства является наличие спора о праве. В исковом производстве предмет доказывания определяется с учетом применимой нормы материального и процессуального права к спорным правоотношениям, оснований иска и возражений против него и с учетом обстоятельств, от которых зависит конкретизация прав и обязанностей лиц, участвующих в деле. Начало действия механизма определения предмета доказывания возникает с момента возбуждения производства по делу и установления фактического состава основания иска (требования) и окончание механизма определения предмета дока-

звания дифференцируется в зависимости от наличия судебной ошибки суда первой инстанции при определении предмета доказывания: 1) при отсутствии судебной ошибки в определении предмета доказывания момент окончания действия механизма определения предмета доказывания определяется вступлением судебного акта в законную силу; 2) при наличии судебной ошибки в определении предмета доказывания момент окончания действия механизма определения предмета доказывания определяется вступлением судебного акта суда апелляционной инстанции в законную силу.

В литературе обосновывается связь узкого толкования предмета доказывания с разрешением дела по существу. В некоторых случаях значение процессуально-правовых фактов необходимо для вынесения законного и обоснованного судебного решения. Функции материально-правовых фактов в механизме определения предмета доказывания различны, зависят от вида устанавливаемого материально-правового факта. Делается вывод, что особенности доказывания процессуальных юридических фактов зависят от того, входит ли данный факт в общий предмет доказывания по делу либо в локальный предмет доказывания по делу. Процессуальные факты, входящие в общий предмет доказывания, доказываются по общим правилам в связи с установлением общего предмета доказывания. В исследовании обосновывается понятие локального предмета доказывания и его соотношение с предметом судебного доказывания. Под локальным предметом доказывания понимается совокупность процессуальных юридических фактов, установление которых необходимо для совершения отдельного процессуального действия. Представляется правильным закрепить в действующем процессуальном законодательстве понятие локальный предмет доказывания и механизм его опреде-

ления. В исследовании обосновывается положение о том, что проверочные и вспомогательные факты также могут носить процессуальный характер. Функция проверочных фактических обстоятельств сводится к выявлению доброкачественности каждого доказательства. Проверочные обстоятельства могут быть как процессуально-правовыми, так и материально-правовыми обстоятельствами. Бесспорные обстоятельства в предмет доказывания не входят, не доказываются лицами, участвующими в деле, вместе с тем познаются судом при разрешении дела. Функции бесспорных обстоятельств заключаются в сужении процесса доказывания. Отдельные бесспорные обстоятельства могут быть проверены судом.

Представляется правильным обосновать функции предмета доказывания. Обстоятельства фактического состава спорного правоотношения (предмет доказывания по делу) определяют правильную квалификацию спорного материального правоотношения. Обстоятельства предмета доказывания устанавливают границы доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле. Искомые обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения спора, позволяют проследить связь с обязанностями по доказыванию, которые суд распределяет между лицами, участвующими в деле, в соответствии с общим и частными правилами распределения обязанностей по доказыванию. Обстоятельства предмета доказывания определяют требования относимости и достаточности доказательств. Обстоятельства предмета доказывания могут устанавливаться с той или иной степенью вероятности. Поэтому прослеживается взаимосвязь предмета доказывания и стандартов доказывания. Правильное определение обстоятельств предмета доказывания определяет требование обоснованности судебного акта, поэтому их

неправильное или неполное определение влечет за собой отмену судебного акта. Правильное определение обстоятельств предмета доказывания предопределяет требование обоснованности судебного акта, поэтому их неправильное или неполное определение влечет за собой отмену судебного акта. Обоснованность – это требование, предъявляемое к судебному решению, согласно которому выводы суда должны соответствовать установленным судом обстоятельствам предмета доказывания, при этом указанные обстоятельства должны быть изложены исчерпывающе, выводы суда подтверждены доказательствами, всесторонне и полно исследованными в судебном заседании. Не исследованные в судебном заседании доказательства не могут быть положены в основу судебного акта.

Этапы определения предмета доказывания

Первым этапом определения предмета доказывания выступает установление фактического состава правоотношения. Судом анализируются при первичном ознакомлении с составительными бумагами искового заявления (административное исковое заявление, заявление), возражения на иск (отзыв на исковое заявление, отзыв на административное исковое заявление); фактическое и юридическое основания иска; нормы права, применимой к спорным правоотношениям, указанной в исковом заявлении (административном исковом заявлении, заявлении), возражениях на иск (отзыве на исковое заявление, отзыве на административное исковое заявление). Вторым этапом определения предмета доказывания выступает квалификация спорного материального правоотношения, под которой понимается оценка конкретного жизненного случая с позиций действующих норм права, направленная на выяснение юри-

дической значимости обстоятельств соответствия или несоответствия их признаков признакам юридических фактов, закрепляемых нормами права. Правильность реализации этапов квалификации определяет надлежащее выполнение обязанности суда по установлению обстоятельств предмета доказывания. Третьим этапом механизма определения предмета доказывания в гражданском судопроизводстве является выявление структуры и содержания нормы права, применяемой при определении предмета доказывания. При применении относительно-определенных, ситуационных норм большое значение принадлежит конкретизации спорного права или в отдельных случаях прав и обязанностей сторон как форме судейского усмотрения. Четвертым этапом выступает собственно определение предмета доказывания и распределение обязанностей по доказыванию, при этом учитываются общие и частные правила распределения обязанностей по доказыванию. Пятый этап механизма определения предмета доказывания можно охарактеризовать как накопление обстоятельств фактического состава, выявление соотношения предмета доказывания и стандарта доказывания. Шестым этапом выступает конкретизация фактического состава, изменение обстоятельств предмета доказывания при изменении предмета или основания иска, увеличения или уменьшения исковых требований. Необходимость обоснования функций предмета доказывания, исследования соотношения обстоятельств предмета доказывания и обоснованности судебного акта предопределила содержание заключительного этапа механизма определения предмета доказывания: устранения судебной ошибки суда первой инстанции при определении предмета доказывания в проверочных инстанциях.

Конкретизирующая деятельность суда при определении предмета доказывания и влияние структуры нормы материального права на определение предмета доказывания

На основе анализа существующих в доктрине теоретических положений и анализа действующего законодательства доказывается, что правоприменительная деятельность своим содержанием имеет три аспекта. Правоприменительная деятельность имеет материально-правовое, процессуально-правовое и логическое содержание. Материально-правовой аспект заключается в уяснении действительных материально-правовых отношений сторон, квалификации спорного правоотношения, толковании норм права, установлении обстоятельств предмета доказывания. Определение предмета доказывания судом является направлением познавательной деятельности суда, этапом правоприменительной деятельности с позиций ее материально-правового содержания. Правоприменительная деятельность с позиций процессуально-правового содержания в реализации процессуальных полномочий судом, направленных на установление обстоятельств предмета доказывания. Суд наделен широким спектром полномочий процессуального характера для правильного определения предмета доказывания, вместе с тем сложность определения обстоятельств предмета доказывания обусловлена большим количеством ситуационных норм в материальном праве. Процессуальные полномочия суда по определению предмета доказывания подразделяются в зависимости от стадий гражданского судопроизводства. Правоприменительная деятельность с позиций логического содержания заключается в толковании фактов, оценке доказательств. При осуществлении юридической квалификации осуществляется оценка конкретного жизненного случая

с позиций действующих норм права, направленная на выяснение юридической значимости обстоятельств соответствия или несоответствия их признаков признакам юридических фактов, закрепляемых нормами права. Основанием для юридической квалификации выступает норма права, при помощи которой разрешается дело по существу. Отдельные исследователи в качестве оснований квалификации выделяют дополнительно: норму, к которой отсылает бланкетная норма, акты официального толкования (Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ). В результате квалификации фактические обстоятельства приобретают значение юридического факта или фактического состава. Проблемами юридической квалификации выступают выбор надлежащего способа защиты права, наличие в материальном праве большого количества диспозитивных, относительно-определенных, ситуационных норм, некоторые нормы материального права содержат оговорку о том, что установленное ими правило действует применительно к конкретному отношению, если иное не вытекает из существа обязательства, из существа отношений (из отношений) сторон, наличие правовых коллизий, применение общих и специальных норм, отсылочных норм, применение аналогии закона, аналогии права. Обязательным условием надлежащей юридической квалификации является выявление и учет правоприменителем функциональных связей между правовыми нормами. Из изложенного следует, что содержание и структура нормы материального права оказывает влияние на механизм определения предмета доказывания. При применении относительно-определенных, ситуационных норм судом осуществляется конкретизация как форма судебного усмотрения либо спорного права, либо прав и обязанностей заинтересованных лиц. Сложность определения предмета доказыва-

ния обусловлена наличием относительно-определенных ситуационных норм в виду их «размытости». Относительно-определенными нормами являются нормы, которые не содержат достаточно полных, исчерпывающих указаний об условиях действия, правах и обязанностях сторон или содержании юридических санкций и предоставляют право государственным и иным правоприменительным органам решить дело с учетом конкретных обстоятельств. Относительно-определенные нормы (в зависимости от пределов свободы усмотрения компетентного органа) подразделяются на три основные группы: ситуационные, альтернативные, факультативные. Под ситуационными нормами понимаются нормы, предусматривающие возможность прямого конкретизированного регулирования актом правоприменительного органа в зависимости от особенностей конкретной ситуации. Под конкретизацией права, прав и обязанностей понимается урегулированный правовыми нормами, осуществляемый в процессуальной форме специфический вид правоприменительной деятельности, сущность которого заключается в предоставлении суду в соответствующих случаях правомочия разрешать спорный правовой вопрос исходя из конкретных обстоятельств дела, на основе правосознания и правил морали с учетом начал разумности, добросовестности и справедливости. В исследовании обосновывается обусловленность конкретизации как формы судебного усмотрения структурой и содержанием относительно-определенных и ситуативных норм. Для правильного определения предмета доказывания в гражданском судопроизводстве имеет значение классификация правовых норм на абсолютно-определенные и относительно-определенные нормы. Именно относительно-определенные нормы, предоставляют право правоприменителю разрешать дело с учетом конкретных

обстоятельств. Среди относительно-определенных правовых норм выделяются ситуационные нормы, предусматривающие возможность прямого конкретизированного регулирования актом правоприменительного органа в зависимости от особенностей конкретной ситуации. Значительное число указанных норм в материальном праве и обуславливает сложность определения предмета доказывания судом.

Обязанность определения фактов предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию должны быть закреплены в законе. Суд обязан поставить на обсуждения обстоятельства, даже если стороны на них не ссылались.

Концепция предмета доказывания и теория иска в гражданском процессе

Концепция предмета доказывания связана с теорией иска, предварительно обстоятельства устанавливаются на основе требований и возражений, содержащихся в состязательных бумагах. В исследовании обосновывается, что тщательность судебного познания требований и возражений лиц, участвующих в деле, обусловлена тем, что требования и возражения лиц, участвующих в деле, учитываются судом при определении предмета доказывания по делу. Суд определяет предмет доказывания по делу с учетом применимой нормы материального и процессуального права к спорным правоотношениям и требованиям и возражений лиц сторон. Установление действительного спорного материального правоотношения, предварительная квалификация правоотношений сторон и требований и возражений сторон осуществляется судом при первичном ознакомлении с исковым заявлением. На первоначальных этапах доказывания норма или нормы материального права определяются пред-

положительно (гипотетически) на основе утверждений сторон. В исковом производстве фактическое основание иска выводится в зависимости от вида нормы, из гипотезы и диспозиции правовой нормы, либо только из диспозиции правовой нормы. Фактические обстоятельства (предмет доказывания по делу), подлежащие установлению судом и являющиеся условием применения нормы, образуют фактическое основание иска (обстоятельства, подтверждающие притязание истца). Данные основания подразделяются на правоустанавливающие факты, факты повода к иску и факты активной и пассивной легитимации. При рассмотрении и разрешении дела в исковом производстве суд определяет правопроизводящие, правоизменяющие, правопрепятствующие, правопрекращающие факты, имеющие значения для рассмотрения и разрешения дела. Говоря о неисковых производствах, следует указать на то, что фактическое основание требований также выводится в зависимости от вида нормы либо из гипотезы и диспозиции правовой нормы, либо только из диспозиции правовой нормы. Фактические обстоятельства (предмет доказывания по делу), подлежащие установлению судом и являющиеся условием применения нормы, образуют фактическое основание требования. Предварительно обстоятельства предмета доказывания определяются исходя из требований и возражений лиц, участвующих в деле. Поэтому концепция предмета доказывания в гражданском судопроизводстве тесно связана с теорией иска в доктрине гражданского процессуального права.

Итак, действующее процессуальное законодательство требует, чтобы истец указал в исковом заявлении, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требования и обстоятельства, на которых истец основывает свои

требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства (п.п. 4, 5 ч.2 ст. 131 ГПК РФ, п.п. 4, 5 ч. 2 ст. 125 АПК РФ, п.п. 4, 5 ч. 2 ст. 125 КАС РФ). Таким образом, действующее законодательство предписывает истцу указать в исковом заявлении фактическое основание иска и указать доказательства в его обосновании. Для гражданского судопроизводства указание юридического основания иска не обязательно. Для арбитражного судопроизводства отсутствие указания юридического основания иска в исковом заявлении является основанием для оставления искового заявления без движения. В административном судопроизводстве общая норма, устанавливающая требования к форме и содержанию административного искового заявления, не содержит требования об обязательном указании юридического основания иска в административном судопроизводстве, однако, проанализировав нормы, регулирующие требования к форме и содержанию административного искового заявления по отдельным категориям административных дел, следует признать обязательным наличие юридического основания административного иска в административном исковом заявлении в административном судопроизводстве. В исковом заявлении истец указывает обстоятельства спора и доказательства, а в арбитражном процессе и административном судопроизводстве еще и юридическое основание иска, что в совокупности предопределяет фактический состав спорного материального правоотношения и его предварительную юридическую квалификацию.

Фактический состав как предмет доказывания в гражданском судопроизводстве

Представляется правильным проанализировать предмет доказывания через призму фактического состава и обосновать особенности фактического состава с эле-

ментом-конкретизатором. Выделение индивидуально-определяемых фактов, а также составов с элементом-конкретизатором, поскольку материальное право изобилует ситуационными нормами, определяющими сложность установления обстоятельств предмета доказывания, также имеет значение для настоящего исследования, поскольку наглядно демонстрирует механизм конкретизирующей деятельности суда исходя из возможностей конкретизации различных структурных элементов нормы (гипотезы и диспозиции либо и того и другого – фактической предпосылки и правовых последствий либо того и другого) либо по объему конкретизации (с альтернативной, факультативной, ситуационной конкретизацией, которая связана с делением юридических норм по степени определенности на альтернативные, факультативные и ситуационные нормы).

Для целей настоящего исследования имеет значение классификация фактических составов на правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие составы, поскольку в исковом производстве образует фактическое основание иска совокупность фактических обстоятельств, при условии которых норма права вступает в действие, а также юридические права и обязанности, возникающие у субъектов. Фактический состав основания иска может быть закреплен в зависимости от вида нормы в гипотезе и диспозиции нормы либо в диспозиции нормы права. В исследовании представляется правильным обосновать понятие оценки завершенности фактического состава. Классификация составов по признаку структурной сложности имеет значение для правильного и полного накопления фактов предмета доказывания, когда установлены не все обстоятельства либо нарушен порядок в их последовательности установления, данные нарушения ведут к неполному либо неправильному установлению обстоя-

тельств предмета доказывания. Классификация фактических составов по степени завершенности позволяет суду сравнить установленный либо неполно установленный состав с его юридической моделью и сделать правильный логический вывод о завершенности накопления фактического состава и о правовых последствиях, ошибка при этом ведет к несоответствиям вывода суда действительным обстоятельствам дела. Динамика фактического состава обстоятельств предмета доказывания, как правило, связана с изменением основания или предмета иска, предъявлением встречного иска, уточнением требований и возражений, увеличением, уменьшением требований. Нарушение в фактическом составе может привести в придании юридического значения факту, такого значения не имеющему, установление фактов, не имеющих юридического значения, но придание им таковой силы посредством осуществления конкретизирующей деятельности, применения аналогии закона и аналогии права, в порядке субсидиарного применения норм, ошибка в определении как искомых, так и доказательственных фактов. Указанные ошибки всегда юридически значимы и всегда существенны, связаны с нарушением требований законности и обоснованности и влекут отмену судебного акта. В доктрине выделяются понятие накопление обстоятельств фактического состава и изменение обстоятельств фактического состава. Последнее связано с изменением обстоятельств предмета доказывания при изменении предмета или основания иска, увеличении или уменьшении исковых требований. Оценка завершенности фактического состава в первую очередь связана с классификацией составов по признаку структурной сложности и по степени завершенности. По признаку структурной сложности все фактические составы делятся на три основных вида: составы с независимым накоплением всех элементов; составы

с последовательным накоплением элементов; составы, построенные с использованием различных структурных принципов. В законодательстве имеют место, однако, и такие фактические составы, в которых порядок накопления элементов носит юридически значимый характер. Правовое последствие может возникнуть, во-первых, при наличии всех элементов состава, во-вторых, при соблюдении указанного порядка их накопления. Нарушение порядка накопления элементов влечет юридическую недействительность данного фактического состава. Наконец, существуют сложные фактические составы, структура которых не исчерпывается каким-либо одним из указанных выше принципов. Это принцип альтернативного накопления, то есть накопления одного элемента из нескольких возможных [15, с. 24–25]. По степени завершенности все фактические составы делятся на завершенные и незавершенные. Под завершенными составами понимаются такие, в которых процесс накопления закончен и, следовательно, правовые последствия наступили. Незавершенными считаются составы, в которых отсутствуют один или несколько элементов. В определенных случаях некоторые правовые последствия возникают из незавершенной части состава [15, с.27]. Оценка степени завершенности фактического состава предполагает сравнение фактов, составляющих фактическую основу состава, с его юридической моделью. Фактический состав завершен, когда его фактическая основа полностью соответствует юридической модели, закрепленной в гипотезе юридической нормы, и незавершен, если отсутствует хотя бы один элемент.

Предмет доказывания и стандарт доказывания

Следует разграничивать предмет доказывания (фактический состав спорного правоотношения) и стандарт доказывания. Судебное познание завершается уста-

новлением фактов и обстоятельств, их юридической квалификацией. Обосновывается необходимость всестороннего подхода к толкованию применяемой правовой нормы. В методологию такой деятельности включаются и эмпирические, и рациональные правила¹. Принцип судебной истины в гражданском процессе рассматривается как косвенно закрепленный принцип процессуального права, являющийся целью судебного познания, содержанием которого является деятельность суда по установлению обстоятельств дела, спорного материального правоотношения на основе собранных, представленных и исследованных судом доказательств, представленных лицами, участвующими в деле. Стандарт доказывания в гражданском судопроизводстве сводится к установлению юридической истины по делу, которая включает в себя установление обстоятельств дела, в том числе на основе вероятности, с учетом использования в правоприменительной деятельности правовых презумпций и фикций и др. Отдельные юридически значимые обстоятельства по делу могут устанавливаться с той или иной долей вероятности, что соответствует принципу юридической истины в гражданском судопроизводстве.

Судебная ошибка при определении предмета доказывания

С понятием нарушение в структуре фактического состава связано понятие судебной ошибки при неправильном (неполном) определении обстоятельств предмета доказывания. Классификацию нарушений в структуре фактического состава можно проводить по ряду различных критериев. Так, по признаку юридической значимости

¹ См. подробнее: Амосов С. М. Судебное познание в арбитражном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissers.info/disser_827.html (дата обращения: 25.01.2023).

нарушения в фактическом составе бывают существенные и несущественные нарушения в фактическом составе.

В зависимости от места в структуре фактического состава можно выделить: нарушения в элементах и нарушения в способе связи элементов [15, с. 83]. Наиболее сложное нарушение в структуре фактического состава – включение «лишнего» элемента, когда «лишний» элемент коренным образом меняет социальный смысл и юридическое значение фактического состава [15, с. 83]. В зависимости от момента обнаружения нарушения в составе можно подразделить на: а) обнаружившиеся до возникновения правового последствия; б) обнаружившиеся после возникновения правового последствия [15, с. 84]. В зависимости от степени урегулированности следует различать нарушения: а) непосредственно урегулированные нормами права; б) в общем виде урегулированные нормой права; в) решаемые с привлечением аналогии или в порядке субсидиарного применения права; г) юридическое значение которых определяется по усмотрению правоприменительных органов [15, с. 84]. Нарушения в фактических составах можно классифицировать также по степени вероятности (вероятные и исключительные), в зависимости от причины (по уважительной и неуважительной причине), по признаку исправимости (исправимые, неисправимые, частично исправимые) и по ряду иных оснований. При возникновении фактического состава с нарушением право отвечает юридической санкцией. Существуют три основных вида юридической реакции на нарушение в фактическом составе: а) не возникновение правовых последствий; б) возникновение из дефектного состава иного правового последствия; в) автоматическое наступление правовых последствий [15, с. 84]. Таким образом, из надлежаще установленного фактического состава должно возникнуть надлежащее правовое последствие.

В тех случаях, когда оно не возникает или возникает неверное правовое последствие, суд вышестоящей инстанции устраняет судебную ошибку нижестоящего суда путем отмены судебного акта. Судебные ошибки при определении предмета доказывания могут быть как явными, так и латентными, и будут всегда характеризоваться как существенные судебные ошибки. Система оснований для пересмотра судебных актов взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. Неправильное толкование нормы материального права может привести к неправильному определению обстоятельств предмета доказывания при применении относительно-определенных и ситуационных норм, как и в общем неправильная квалификация правоотношения. Нарушение норм процессуального права может вести к неполному определению фактов предмета доказывания, когда процессуально-правовые факты входят в предмет доказывания. Неполное определение обстоятельств предмета доказывания может быть следствием невыполнения обязанностей по доказыванию. Так, например, неправильная квалификация фактического состава ведет к неправильному определению обстоятельств предмета доказывания, то есть нарушение законности судебного акта ведет к его необоснованности. Также неправильная квалификация фактического состава при наличии признака существенности или даже фундаментальности судебной ошибки приводит и к неправильному определению обстоятельств предмета доказывания и к отмене судебного акта в кассационном порядке. Предлагается классифицировать судебные ошибки по определению предмета доказывания на ошибки: а) собственно связанные с неправильным (неполным определением) предмета доказывания; б) иные судебные ошибки – основания для отмены судебных актов, влекущие неправильное (неполное) определение обстоятельств предмета доказывания.

Предмет доказывания и обязанности по доказыванию

В действующем процессуальном законодательстве необходимо закрепить обязанность суда определять предмет доказывания и распределять обязанности по доказыванию, обязанность ставить на обсуждения обстоятельства, если стороны на них не сослались, обязанность предложить сторонам представить дополнительные доказательства. В действующем процессуальном законодательстве необходимо регламентировать общий механизм распределения обязанностей по доказыванию, поскольку для разрешения спора необходимо установить суду искомые факты предмета доказывания, и именно их обязаны доказать лица, участвующие в деле, представляется правильным закрепить в законе не только механизм действия общего правила распределения обязанностей, детализировав его, но и механизм действия частных правил распределения обязанностей по доказыванию. Поскольку отдельные юридически значимые обстоятельства по делу могут устанавливаться с той или иной долей вероятности, что соответствует принципу юридической истины в гражданском судопроизводстве. Правильное распределение обязанностей по доказыванию обусловлено надлежащим определением обстоятельств предмета доказывания. В законе закреплены общие и частные правила распределения обязанностей по доказыванию. В соответствии с действующим процессуальным законодательством каждая сторона должна доказать основания своих требований и возражений. К частным правилам распределения обязанностей по доказыванию относятся доказательственные презумпции, процессуальные фикции, специальные правила распределения обязанностей по доказыванию.

Заключение

На основе проведенного исследования предлагаются некоторые положения по реформированию цивилистического процессуального законодательства. В действующем процессуальном законодательстве необходимо законодательно закрепить предмет доказывания и механизм его определения с учетом наличия в материальном праве индивидуально-определяемых фактов, а также составов с элементом-конкретизатором, которые определяют разработку механизма определения предмета доказывания с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. Представляется правильным закрепить в действующем процессуальном законодательстве понятие локальный предмет доказывания и механизм его определения. В действующем процессуальном законодательстве необходимо закрепить обязанность суда определять предмет доказывания и распределять обязанности по доказыванию, обязанность ставить на обсуждения обстоятельства, если стороны на них не сослались, обязанность предложить сторонам представить дополнительные доказательства. В действующем процессуальном законодательстве необходимо регламентировать общий механизм распределения обязанностей по доказыванию.

Список литературы

1. Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в арбитражном и гражданском процессе. – М.: Норма, 2002. – 176 с.
2. Амосов С. Пределы судебного познания в процессуальном праве // Российская юстиция. – 2001. – № 1. – С. 33–35.
3. Амосов С. Предмет доказывания в арбитражном процессе // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2003. – № 11. – С. 111–114.
4. Афанасьев С. Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве. – Саратов: СГАП, 1999. – 136 с.
5. Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. – М.: Городец, 2004. – 272 с.
6. Боннер А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел. – М.: Городец, 2000. – 272 с.

7. Боннер А. Т. О проблеме непосредственного познания судом фактов, входящих в предмет доказывания // Избранные труды: в 7 т. Т.V. Проблемы теории судебных доказательств. – М.: Проспект, 2017. – С. 18–26.

8. Боннер А. Т. Правовые презумпции как способ распределения обязанностей по доказыванию и установления обстоятельств гражданских дел // Избранные труды: в 7 т. Т. IV. Проблемы установления истины в гражданском процессе. – М.: Проспект, 2017. – С. 168–222.

9. Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе: монография. – СПб.: Юридическая книга, 2009. – 832 с.

10. Боннер А. Т. Специфика судебного познания обстоятельств дела // Избранные труды: в 7 т. Т. IV. Проблемы установления истины в гражданском процессе. – М.: Проспект, 2017. – С. 140–143.

11. Ванеева Л. А. Судебное познание в советском гражданском процессе. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1972. – 133 с.

12. Зайцев И. М. Научное наследие: в 3 т. Т. 2. Монографии. Ч. 2. 1982–1990 / сост. А. И. Зайцев. – Саратов: Наука, 2009. – 312 с.

13. Зайцев И. М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / под ред. М. А. Вкут. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 135 с.

14. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юридическая литература, 1966. – 288 с.

15. Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. – Саратов: Изд-во ун-та, 1980. – 126 с.

16. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. – М.: Юридическая литература, 1984. – 144 с.

17. Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке процессуального права. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 119 с.

18. Коваленко А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. – М., 2002. – 208 с.

19. Коваленко А. Г. Полнота материалов по гражданско-правовым спорам / под ред. И. М. Зайцева. – Саратов: СГУ, 1981. – 73 с.

20. Коваленко, А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – 256 с.

21. Курылев С. В. Основы теории доказательств в советском правосудии. – Минск: Изд-во БГУ, 1969. – 203 с.

22. Лилуашвили Т. А. Предмет и бремя доказывания в советском гражданском процессе. – Тбилиси, 1957. – 127 с.

23. Решетникова И. В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 1997. – 366 с.

24. Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. – М., 2009. – 332 с.

25. Смышляев Л. П. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе. – М.: Изд-во МГУ, 1961. – 47 с.

26. Треушников М. К. Судебные доказательства. – 5-е изд., доп. – М., 2016. – 304 с.

27. Фокина М. А. Теория и практика доказывания в состязательном гражданском судопроизводстве. – СПб., 1999. – 222 с.

28. Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. – М.: Новый индекс, 2010. – 621 с.

29. Штутин Я. Л. Предмет доказывания в советском гражданском процессе. – М.: Госюриздат, 1963. – 185 с.

30. Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе / под ред. А. Г. Власова. – М.; Л.: Госюриздат., 1951. – 294 с.

31. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. – М.: Интропик Медиа, 2012. – 608 с.

References

1. Abushenko, D. B. (2002) *Sudebnoe usmotrenie v arbitrazhnom i grazhdanskom processe* [Judicial discretion in arbitration and civil proceedings]. Moscow: Norma. (In Russian).

2. Amosov, S. (2001) *Predely sudebnogo poznaniya v processual'nom prave* [The limits of judicial knowledge in procedural law]. *Rossijskaya yusticiya – Russian justice*. No. 1. Pp. 33–35. (In Russian).

3. Amosov, S. (2003) *Predmet dokazyvaniya v arbitrazhnom processe* [The subject of proof in the arbitration process]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. No. 11. Pp. 111–114. (In Russian).

4. Afanas'ev, S. F. (1999) *Problema istiny v grazhdanskom sudoproizvodstve* [The problem of truth in civil proceedings]. Saratov: SGAP. (In Russian).

5. Baulin, O. V. (2004) *Bremya dokazyvaniya pri razbitatel'stve grazhdanskih del* [Burden of proof in civil proceedings]. Moscow: Gorodec. (In Russian).

6. Bonner, A. T. (2000) *Ustanovlenie obstoyatel'stv grazhdanskih del* [Establishing the circumstances of civil cases]. Moscow: Gorodec. (In Russian).

7. Bonner, A. T. (2017) *O probleme neposredstvennogo poznaniya sudom faktov, vkhodyashchih v predmet dokazyvaniya* [On the problem of direct cognition by the court of the facts included in the subject of proof] // *Izbrannye trudy*: v 7 t. Vol. V. *Problemy teorii sudebnyh dokazatel'stv*. Moscow: Prospekt. Pp. 18–26. (In Russian).

8. Bonner, A. T. (2017) *Pravovye prezumpcii kak sposob raspredeleniya obyazannostej po dokazyvaniyu i ustanovleniya obstoyatel'stv grazhdanskih del* [Legal presumptions as a way of distributing responsibilities for proving and establishing the circumstances of civil cases] // *Izbrannye Trudy* [Selected works]: v 7 t. Vol. IV. *Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom processe* [Problems of establishing the truth in the civil process]. Moscow: Prospekt. Pp. 168–222. (In Russian).

9. Bonner, A. T. (2009) *Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom processe*: monografiya [Problems of establishing the truth in the civil process]. Saint Petersburg: YUridicheskaya kniga. (In Russian).

10. Bonner, A. T. (2017) *Specifika sudebnogo poznaniya obstoyatel'stv dela* [The specifics of judicial knowledge of the circumstances of the case] *Izbrannye Trudy* [Selected works]: v 7 t. Vol. IV. *Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom processe* [Problems of establishing the truth in the civil process]. Moscow: Prospekt. Pp. 140–143. (In Russian).

11. Vaneeva, L. A. (1972) *Sudebnoe poznanie v sovetskom grazhdanskom processe* [Judicial cognition in the Soviet civil process]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta. (In Russian).

12. Zajcev, I. M. (2009) *Nauchnoe nasledie* [Scientific heritage]. V 3 tomah. Vol. 2. *Monografii*. CHast' 2. 1982–1990. Sostavitel', A. I. Zajcev. Saratov: Nauka. (In Russian).

13. Zajcev, I. M. (1985) *Ustranenie sudebnyh oshibok v grazhdanskom processe* [Elimination of judicial errors in civil proceedings] / Pod red. M. A. Vikut. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian).

14. Zejder, N. B. (1966) *Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu* [A court decision in a civil case]. Moscow: YUridicheskaya literature. (In Russian).
15. Isakov, V. B. (1980) *Fakticheskij sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [The actual composition in the mechanism of legal regulation]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian).
16. Isakov, V. B. (1984) *YUridicheskie fakty v sovetskom prave* [Legal facts in Soviet law]. Moscow: YUridicheskaya literature. (In Russian).
17. Klejnman, A. F. (1967) *Novejshie techeniya v sovetskoj nauke processual'nogo prava* [The latest trends in the Soviet science of procedural law]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
18. Kovalenko, A. G. (2002) *Institut dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve* [Institute of Evidence in Civil and Arbitration Proceedings]. Moscow. (In Russian).
19. Kovalenko, A. G. (1981) *Polnota materialov po grazhdansko-pravovym sporam* [Completeness of materials on civil law disputes] / Pod red. I. M. Zajceva. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian).
20. Kovalenko, A. G. (2004) *Institut dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve* [Institute of Evidence in Civil and Arbitration Proceedings]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Norma. (In Russian).
21. Kurylev, S. V. (1969) *Osnovy teorii dokazatel'stv v sovetskom pravosudii* [Fundamentals of the theory of Evidence in Soviet justice]. Minsk: Izdatel'stvo BCU. (In Russian).
22. Liluashvili, T. A. (1957) *Predmet i bremya dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject and burden of proof in the Soviet civil procedure]. Tbilisi. (In Russian).
23. Reshetnikova, I. V. (1997) *Dokazatel'stvennoe pravo v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Evidentiary law in civil proceedings]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta. (In Russian).
24. Rozhkova, M. A. (2009) *YUridicheskie fakty grazhdanskogo i processual'nogo prava: soglasheniya o zashchite prav i processual'nye soglasheniya* [Legal facts of civil and procedural law: agreements on the protection of rights and procedural agreements]. Moscow. (In Russian).
25. Smyshlyaev, L. P. (1961) *Predmet dokazyvaniya i raspredelenie obyazannostej po dokazyvaniyu v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject of proof and the distribution of evidentiary duties in the Soviet civil procedure]. Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russian).
26. Treushnikov, M. K. (2016) *Sudebnye dokazatel'stva* [Judicial evidence]. 5-e izd, dop. Moscow. (In Russian).
27. Fokina, M. A. (1999) *Teoriya i praktika dokazyvaniya v sostyazatel'nom grazhdanskom sudoproizvodstve* [Theory and practice of evidence in adversarial civil proceedings]. Saint Petersburg. (In Russian).
28. Fokina, M. A. (2010) *Mekhanizm dokazyvaniya po grazhdanskim delam: teoretiko-prikladnye problem* [The mechanism of proof in civil cases: theoretical and applied problems]. Moscow: Novyj indeks. (In Russian).
29. SHtutin, YA. L. (1963) *Predmet dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject of proof in the Soviet civil trial]. Moscow: Gosyurizdat. (In Russian).
30. YUdel'son, K. S. (1951) *Problema dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The problem of proof in the Soviet civil procedure] / Pod red. A. G. Vlasova. Moscow; Leningrad: Gosyurizdat. (In Russian).
31. YArkov, V. V. (2012) *YUridicheskie fakty v civilisticheskom processe* [Legal facts in the civil process]. Moscow: Intropik Media. (In Russian).

Об авторе

Нахова Елена Александровна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

About the author

Elena Nakhova, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 14.02.2023
Принята к публикации: 13.03.2023
Опубликована: 31.03.2023*

*Received: 14 February 2023
Accepted: 13 March 2023
Published: 31 March 2023*

Цифровые правоотношения

Д. А. Павлова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена рассмотрению цифровых правоотношений как собирательной категории для гражданских правоотношений, осложненных элементом цифровизации.

Проанализированы подходы к определению данного термина в отечественной цивилистике, выявлены его особенности. Разработано авторское определение дефиниции «цифровые объекты» как одного из элементов цифровых правоотношений. В целях недопущения коллизионного толкования обоснована необходимость рассмотрения цифровых прав в узком и широком смысле.

По результатам проведенного исследования выявляются проблемы, касающиеся неустойчивости понятийного аппарата в области цифровых правоотношений, что осложняет правовое регулирование их элементов.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые правоотношения, цифровые объекты, цифровые права, объекты гражданских прав.

Для цитирования: Павлова Д. А. Цифровые правоотношения // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 159–173. DOI 10.35231/18136230_2023_1_159

Digital legal relations

Dariia. A. Pavlova

Saint-Petersburg State University of Economics,
Saint-Petersburg, Russian Federation

This article is devoted to the consideration of digital legal relations as a collective category for civil legal relations complicated by the element of digitalization.

The approaches to the definition of this term in domestic civil law are analyzed, its features are revealed. The author's definition of the definition of "digital objects" as one of the elements of digital legal relations has been developed. In order to avoid conflicting interpretations, the necessity of considering digital rights in a narrow and broad sense is justified.

According to the results of the study, problems concerning the instability of the conceptual apparatus in the field of digital legal relations are identified, which complicates the legal regulation of their elements.

Key words: digital economy, digital legal relations, digital objects, digital rights, objects of civil rights.

For citation: Pavlova, D. A. (2023) Cifrovye pravootnosheniya [Translation of the headline of the article]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (71). Pp. 159–173. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_159

Введение

Одной из особенностей современных гражданских правоотношений является цифровая трансформация, обуславливающая их динамичное развитие. По мнению Е. В. Михайловой, цифровизация (цифровая трансформация) выражается в трёх аспектах:

Во-первых, изменение формы передачи информации с аналоговой на цифровую;

Во-вторых, широкое применение информационных и иных технологий в жизни общества;

В-третьих, оцифрованное использование и хранение информации [20, с. 84].

Проявление цифровизации также выражается в формировании особой правовой (цифровой) среды и постепенной трансформации классических институтов права, а также связанных с ними правоотношений.

Особенности цифровых правоотношений

Гражданские правоотношения в традиционном смысле представляют собой отношения между субъектами относительно определённого экономического блага – объекта правоотношения – на основании юридических прав и обязанностей, образующих содержание правоотношений. Активное внедрение цифровых технологий в сферы общественной жизни способствовало появлению цифровых правоотношений как результата постепенной трансформации традиционных гражданских правоотношений и их последующее отграничение в особую категорию.

Р. Б. Головкин выделял три этапа цифровых правоотношений:

Первый этап заключался в «придании цифровой формы» правоотношениям, возникающим вследствие использования цифровых технологий (объектов правоотношения) в общественной жизнедеятельности.

Второй этап связан с формированием цифровых правовых средств, связанных с возникновением, изменением и прекращением правоотношений [7, с. 129–131].

Исходя из выявленных этапов формирования, под цифровыми правоотношениями, согласно подходу Р. Б. Головкина, следует понимать «разновидность общественных отношений, урегулированных правом и имеющих цифровую форму выражения и цифровое содержание, когда взаимные субъективные права и юридические обязанности участников правоотношений возникают, существуют и прекращаются с использованием цифровых средств в рамках информационных систем, признаваемых законодательством» [7, с. 131]. Представляется, что указанное определение отражает ключевые особенности цифровых правоотношений (отношений между субъектами в цифровой среде, связанных с использованием цифровых технологий) как собирательной категории. Данной позиции также придерживались Н. А. Петраков и А. В. Тумаков [26, с. 122]. Необходимо отметить, что цифровые правоотношения также могут пониматься в более узком смысле, представляя собой правоотношения, осуществляемые относительно особого вида объектов гражданского права – цифровых прав (цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав) [12, с. 20; 7, с. 131]. Принимая во внимание данное обстоятельство, целесообразно выделить следующие элементы цифровых правоотношений в зависимости от подхода к их определению (табл.):

Таблица

Элементы цифровых правоотношений

| Элементы | В широком смысле | В узком смысле |
|----------|------------------------|----------------|
| Объекты | Цифровые объекты права | Цифровые права |

| | | |
|------------|-------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Субъекты | Физические и юридические лица | Физические и юридические лица (участники информационной системы, согласно ФЗ № 259-ФЗ от 02.08.2019 г. ¹ , ФЗ № 259-ФЗ от 31.07.2020 г. ² и ФЗ № 34-ФЗ от 18.03.2019 г. ³) |
| Содержание | Субъективные права и обязанности, осуществляемые в цифровой среде | Субъективные права и обязанности, осуществляемые в информационной системе |

Таким образом, цифровые правоотношения в узком смысле имеют следующую отличительную особенность: их осуществление возможно исключительно в цифровой среде (информационной системе) относительно цифровых прав. Но, принимая во внимание сущность гражданских правоотношений мы должны учитывать, что они потенциально могут выходить за рамки цифровой среды (или информационной системы), например, в случаях их реализации посредством судебной защиты нарушенного права. Данное обстоятельство связано с формированием подходов к пониманию категории осуществления гражданских прав.

В свою очередь, рассматривая правоотношения, связанные с токеном на платформе «Blockchain», Л. Г. Ефимова подразделяла их на три подкатегории [12, с. 20–22]. Принимая во внимание отнесение данной платформы к информационным системам на основе распределённого реестра, разумным представляется по аналогии выявить подкатегории цифровых правоотношений.

Первая подкатегория: организационные правоотношения – правоотношения, возникающие между участ-

¹ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019 г. № 31. Ст. 4418.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020 г. № 31. Ст. 5018.

³ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019 г. № 12. Ст. 1224.

никами информационной системы относительно самой информационной системы;

Вторая подкатегория: абсолютные правоотношения – правоотношения, возникающие между обладателем цифрового права и всеми третьими лицами;

Данная категория правоотношений является спорной, ряд ученых оспаривает абсолютный характер права собственности на виртуальные объекты, так как на данные правомочия, исходя из технических характеристик информационной системы, существенное влияние может оказать волеизъявление обладателя программного обеспечения или цифрового посредника [2, с. 40; 25, с. 152].

Третья подкатегория: относительные (обязательственные) правоотношения – правоотношения, возникающие относительно заключения гражданско-правовых договоров [5, с. 170] или смарт-контрактов.

Можно сделать вывод, что цифровые правоотношения в узком и широком смысле являются собирательными категориями, охватывающими правоотношения в информационных системах относительно цифровых объектов права.

Дефиниция цифровых объектов права

Под цифровыми объектами права понимается «самостоятельная правовая категория, представляющая собой криптографический код, который дает владельцу цифрового объекта право осуществлять с ним любые действия: владеть, распоряжаться, отчуждать, совершать сделки и иные действия, не запрещенные законом» [17, с. 252].

Исходя из данного определения, предложенного Е. А. Кирилловой, среди качественных характеристик данных объектов выделяются:

- создание данных объектов посредством современных технологий;

■ распоряжение данными объектами возможно без участия третьих лиц (спорный тезис, если принимать во внимание цифровых посредников) [17, с. 251]. Однако данное определение не является в достаточной мере правовым, так как содержит в себе технические характеристики цифровых объектов – их представление в виде цифрового кода, не имеющих значения для права. Подобные замечания также были высказаны к терминологии, содержащейся в первой редакции ФЗ № 259-ФЗ от 31.07.2020 г. относительно цифровых финансовых активов.

К. А. Мефодьева также выявляет следующие признаки цифровых объектов:

- нематериальное представление объекта;
- их оборот осуществляется в киберфизическом пространстве (цифровой среде)¹.

Принимая во внимание рассмотрение категории цифровых объектов с точки зрения права, предлагается также дополнить данный перечень признаком легального закрепления цифрового объекта права в качестве гражданско-правового – во избежание оперирования неправовыми категориями и в целях оптимизации понятийного аппарата.

На данный момент к цифровым объектам права относят: искусственный интеллект, цифровые права, токены, криптовалюты, смарт-контракты, информацию, виртуальные объекты (товары), большие данные, роботизацию и т.д.

Н. С. Бунина и А. В. Лисаченко относят к виртуальному имуществу (виртуальным объектам) те объекты интеллектуальных и обязательственных прав, которые находятся в виртуальной реальности или компьютерной игре. Виртуальные объекты, как отмечает Д. С. Маркевич, также характеризует свойство «субстанциональной процессу-

¹ Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук / К. А. Мефодьева. М., 2019. 228 с.

альности» (в том числе подчинение указанных объектов технологическим закономерностям искусственной виртуальной среды). И. З. Аюшеева относит данные объекты к цифровым объектам права наравне с искусственным интеллектом [2, с. 41]. Таким образом, цифровые объекты права – собирательная категория нематериальных объектов, оборот которых осуществляется в цифровой среде.

В науке также было выдвинуто предложение о включении в статью 128 ГК РФ категории цифровых объектов, однако целесообразным усматривается раскрыть определение данного объекта, например, в отдельном законодательном акте во избежание оперирования абстрактными категориями в ГК РФ, так как цифровые объекты объединяют в себе разные по своей правовой природе объекты.

По мнению Ю. В. Кузнецова, механизмы оборота «новых» цифровых объектов гражданского права недостаточно разработаны [19], что находит свое отражение в несовершенстве принятых нормативно-правовых актов в области цифровой экономики. Данное обстоятельство препятствует эффективному обороту цифровых объектов и защите прав участников информационных систем.

А. А. Карцхия среди особенностей цифровых объектов также выделил тот факт, что их оборотоспособность обусловлена оборотом прав на такие объекты (в противоположность классической концепции) [14, с. 44]. Данное обстоятельство, по мнению О. А. Городова, порождает ряд негативных правовых конструкций, среди которых допустимо выделить конструкцию «право на право» [9, с. 6–7]. Допустимо предположить, что в данном случае порождение указанной конструкции обусловлено особенностями цифровых объектов и подходов к определению их правовой природы.

Ряд ученых к данной конструкции относят цифровые права, относительно недавно введенные в отечественное

законодательство. Такой подход к определению правовой природы цифровых прав не является исчерпывающим. Также целесообразным усматривается отграничить подходы к пониманию цифрового права.

Подходы к определению цифровых прав

Сторонники широкого толкования дефиниции цифровых прав определяют их как комплексную правовую отрасль (публично-правовой подход).

М. А. Егорова, В. В. Блажеев, А. А. Васильев, Ж. И. Ибрагимов, Р. В. Насыров, И. Н. Васев, В. Д. Зорькин понимают под цифровым правом нормы права Сети «Интернет» и цифрового пространства [3; 15]. Важно отметить, что указанный подход появился до введения в законодательство дефиниции цифровых прав.

Плюрализм подходов к определению цифровых прав в узком (частно-правовом) смысле условно можно разделить на три группы:

Первый подход основан на том, что цифровые права не являются новым объектом права, а правовой фикцией, введенной в законодательство в целях оптимизации регулирования ряда правоотношений в сфере цифровой экономики.

Ряд ученых (Р. С. Бевзенко, С. В. Сарбаш, Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова, И. М. Конобеевская, И. З. Аюшеева, Л. А. Новоселова, Т. Б. Гуляева и др.) также придерживаются позиции, что цифровое право не образует новый объект и является ранее известным отечественному законодательству имущественным правом, особенностью которого является способ фиксации в цифровой форме (правовая фикция) [2; 4; 11; 18; 21–24].

Данная точка зрения в отечественной цивилистике является наиболее распространенной. Однако рассмотрение цифровых прав как правовой фикции (подвида имуще-

ственных прав) не является новым. Например, дискуссии относительно правовой природы бездокументарных ценных бумаг и целесообразность их введения в перечень объектов гражданских прав до сих пор актуальны.

Сторонники второго подхода считают, что цифровые права имеют уникальную правовую природу и ряд особенностей, что в совокупности позволяет считать их самостоятельными объектами права. Важно отметить, что единого мнения относительно правовой природы цифровых прав как объекта гражданского права отсутствует.

Например, А. В. Герасимов, И. К. Харитонов, Б. М. Гонгало определяют цифровые права как объект гражданских правоотношений [6 с. 130]. Важно отметить, что Н. В. Кириллова, предложив новую редакцию ст. 128 ГК РФ, отграничивает цифровые права от цифровых объектов права [17, с. 16]. Допустимо предположить, что в данном случае был применен широкий подход толкования цифровых объектов права в контексте рассмотрения их как объектов виртуального мира, так как узкий подход к определению цифровых объектов по ключевым признакам не препятствует отнесению к данной категории цифровых прав.

А. И. Савельев, Д. К. Воронкова, Р. М. Аллалыев, В. В. Беляй, О. С. Гринь, Д. В. Лоренц определяют цифровое право как цифровой код (алгоритм) или обозначение (единицу учета или форма фиксации) по аналогии с информацией или бездокументарными ценными бумагами [1; 10; 17].

А. А. Карцхия, А. А. Куликова, Л. Г. Ефимова, Д. Н. Кархалев отходят от рассмотрения цифровых прав как объекта идеального и относят их к категории субъективных (имущественных) гражданских прав [15; 12–13]. Б. М. Гонгало, Л. А. Новоселова определяют цифровые права как самостоятельный вид имущественных прав, указывая на такие отличительные признаки, как условия и содержание их осуществления [8].

Л. Г. Ефимова, рассматривая цифровые права как субъективные, разделяет их на абсолютные и относительные: относительные цифровые права возникают на основании гражданско-правовых договоров и смарт-контрактов. Абсолютные цифровые права охватывают категорию тех гражданских прав, которые удостоверены в киберпространстве или в отношении любых объектов, или в отношении только цифровых объектов [12, с. 23].

Третий подход является противоположным двум предыдущим и основан на невозможности отнесения цифровых прав к объектам гражданского права.

В обоснование своей позиции Е. Б. Подузова отмечает, что цифровое право не может быть объектом правоотношения, так как по своей природе сущность цифровых прав является содержанием иных правоотношений. [22, с. 91]. А. Е. Камышанова указывает, что цифровое право является правовой конструкцией «право на право» [16, с. 69]. Данное обстоятельство связано с отсутствием единого подхода относительно правовой природы имущественных прав. Принимая во внимание вышеизложенное, хотелось бы отметить, что рассмотрение цифрового права как правовой конструкции также не препятствует его правовому регулированию.

Заключение

Таким образом, категориальный аппарат правоотношений в области цифровой экономики недостаточно сформирован. Неустойчивость подходов к определению цифровых правоотношений и цифровых объектов права способствует подмене понятий и плюрализму в их толковании, что препятствует эффективному развитию законодательства и доктрины.

Вопрос об определении сущности цифровых прав является также дискуссионным. Данное обстоятельство

связано с отсутствием единого мнения относительно правовой природы имущественных прав и рассмотрения правовой фикции как гражданско-правового объекта. Неустойчивость доктринального аппарата в части представления цифрового права как идеального объекта (объекта гражданского права) и как субъективного права (раскрывая дискуссию о возможности рассмотрения субъективных прав как объектов права) также подлежит дальнейшему изучению.

Список литературы

1. Аллалыев Р. М., Беляя В. В. К вопросу о цифровых правах в законодательстве Российской Федерации // Образование и право. – 2020. – №2. – С. 90–95.
2. Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 7. – С. 32–43.
3. Блажеев В. В., Егорова М. А. Цифровое право. – М.: Проспект, 2021. – 640 с.
4. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111–119.
5. Воронкова Д. К., Воронков А. С. Цифровые права как объекты гражданских правоотношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 5–1. – С. 169–171.
6. Герасимов А. В., Харитонов И. К. Цифровые права как объект гражданских правоотношений // Общество и право. – 2021. – № 4 (78). – С. 129–132.
7. Головкин Р. Б. Цифровая форма правоотношений // Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – № 1(58). – С. 129–134.
8. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 188–197.
9. Городов О. А. Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание // Право и цифровая экономика. – 2019. – № 3. – С. 5–10.
10. Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica (Русский закон). – 2020. – № 73 (10). – С. 21–31.
11. Гуляева Т. Б. Цифровые права как объект правоотношений? // Образование и право. – 2021. – №8. – С. 167–169.
12. Ефимова Л. Г. Виды правоотношений, возникающих на платформе Blockchain // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2020. – №8 (72). – С. 16–26.
13. Кархалев Д. Н. Цифровые права в гражданском обороте // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19, – № 2. – С. 134–141.
14. Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2 (31). – С. 43–46.

15. Карцхия А. А. Цифровое право как будущее классической цивилистики // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, интернет : ежегодник. – Сер. «Правоведение». – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2018. – С. 26–40.
16. Камышанова А. Е. Цифровые права, цифровые финансы и цифровая валюта – фикция или имущество // Вестник ТИУиЭ. – 2020. – № 2 (32). – С. 68–71.
17. Кириллова Е. А., Кириллова Е. А., Зульфаярзаде Т. Э., Метелёв С. Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. – 2022. – Т. 6. – № 1. – С. 245–256.
18. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского ун-та. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – № 3. – С. 330–334.
19. Кузнецов Ю. В. Криптоактивы как документарные ценные бумаги // Закон. – 2019. – № 9. – С. 95–104.
20. Михайлова Е. В. Цифровизация права в контексте его сущности и применения // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 7. – С. 83–86.
21. Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И., Генкин А. С. и др. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31–54.
22. Подузова Е. Б. Право как объект гражданских правоотношений в контексте цифровой среды и экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 86–93.
23. Пышнова Е. С., Конопляникова Т. В. Цифровые права: что это и нужны ли в Гражданском кодексе РФ? // Евразийский Союз Ученых. – 2020. – № 10–8 (79). – С. 47–51.
24. Сарбаш, С. В., Новоселова Л. А., Габов А. В. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. – 2019. – № 7. – С. 32–53.
25. Твердова Т. В., Комаров В. С. Цифровые права как объекты правоотношений // Теория государства и права. – 2021. – № 2 (22). – С. 150–155.
26. Тумаков А. В., Петраков Н. А. Развитие цифровых правоотношений в современных реалиях // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 2. – С. 121–122.

References

1. Allalyev, R. M., Belyaï, V. V. (2020). *K voprosu o cifrovyykh pravakh v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii* [On the issue of digital rights in the Legislation of the Russian Federation]. *Obrazovanie i pravo – Education and Law*. No. 2. Pp. 90–95. (In Russian).
2. Ayusheeva, I. Z. (2021). *Cifrovye ob'ekty grazhdanskih prav* [Digital objects of civil rights]. *Lex russica – Lex russica*. No. 7(74). Pp. 32–43. (In Russian).
3. Blazheev, V. V., Egorova, M. A. (2021). *Cifrovoe parvo* [Digital Law]. Moscow: Prospekt. (In Russian).
4. Vasilevskaya, L. YU. (2019). *Token kak novyy ob'ekt grazhdanskih prav: problemy yuridicheskoy kvalifikacii cifrovogo prava* [Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*. No. 5. Pp. 111–119. (In Russian).
5. Voronkova, D. K., Voronkov, A. S. (2019). *Cifrovye prava kak ob'ekty grazhdanskih pravootnoshenii* [Digital rights as objects of civil legal relations]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. No. 5-1. Pp. 169–171. (In Russian).

6. Gerasimov, A. V., Haritonov, I. K. (2021). *Cifrovye prava kak ob"ekt grazhdanskih pravootnoshenii* [Digital rights as an object of civil legal relations]. *Obshchestvo i pravo – Society and law*. No. 4 (78). Pp. 129–132. (In Russian).

7. Golovkin, R. B. (2022). *Cifrovaya forma pravootnoshenii* [Digital form of legal relations]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute*. No. 1(58). Pp. 129–134. (In Russian).

8. Gongalo, B. M., Novoselova, L. A. (2019). *Est' li mesto «cifrovym pravam» v sisteme ob"ektov grazhdanskogo prava* [Is there a place for "digital rights" in the system of objects of civil law]. *Permskij yuridicheskij al'manah – Perm Legal Almanac*. No. 2. Pp. 188–197. (In Russian).

9. Gorodov, O. A. (2019). *Cifrovoe pravootnoshenie: vidovaya prinadlezhnost' i sodержanie* [Digital legal relationship: species and content]. *Pravo i cifrovaya ekonomika – Law and the Digital Economy*. No. 3. Pp. 5–10. (In Russian).

10. Grin', O. S. (2020). *Obyazatel'stvennye otnosheniya po povodu cifrovyyh ob"ektov grazhdanskih prav* [Obligations regarding digital objects of civil rights]. *Lex russica (Russkii zakon) – Lex russica*. No. 73 (10). Pp. 21–31. (In Russian).

11. Gulyaeva, T.B. (2021). *Cifrovye prava kak ob"ekt pravootnoshenii?* [Digital rights as an object of legal relations?]. *Obrazovanie i pravo – Society and law*. No. 8. Pp. 167–169. (In Russian).

12. Efimova, L. G. (2020). *Vidy pravootnoshenii, voznikayushchih na platforme Blockchain* [Types of legal relations arising on the Blockchain platform]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina – Bulletin of the University named after O. E. Kutafin*. No. 8 (72). Pp. 16–26. (In Russian).

13. Karhalev, D. N. (2019). *Cifrovye prava v grazhdanskom oborote* [Digital rights in civil circulation]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie – Siberian Legal Review*. No. 2(19). Pp. 134–141. (In Russian).

14. Karckhiya, A. A. (2019). *Cifrovye prava i pravoprimereniye* [Digital Rights and Enforcement] *Monitoring pravoprimereniya – Enforcement Monitoring*. No. 2 (31). Pp. 43–46. (In Russian).

15. Karckhiya, A. A. (2018). *Cifrovoe pravo kak budushchee klassicheskoy civilistiki* [Digital Law as the Future of Classical Civil Law]. *Pravo budushchego: intellektual'naya sobstvennost', innovacii, internet* [The law of the future: intellectual property, innovation, Internet]. Annual collection. Moscow: INION RAN publishing. Pp. 26–40. (In Russian).

16. Kamyshanova, A. E. (2020). *Cifrovye prava, cifrovye finansy i cifrovaya valyuta – fikciya ili imushchestvo* [Digital rights, digital finance and digital currency – fiction or property]. *Vestnik TIUIE – Bulletin TIUIE*. No. 2(32). Pp. 68–71. (In Russian).

17. Kirillova, E. A., Kirillova, E. A., Zul'fagarzade, T. E., Metelyov, S. E. (2022). *Institut cifrovyyh prav v grazhdanskom prave Rossii* [Institute of Digital Rights in Russian Civil Law]. *Pravoprimereniye – law enforcement*. No. 1(6). Pp. 245–256. (In Russian).

18. Konobeevskaya, I. M. (2019). *Cifrovye prava kak novyy ob"ekt grazhdanskih prav* [Digital rights as a new object of civil rights]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo – News of Saratov University. Series: Economics. Management. Right*. No. 3. Pp. 330–334. (In Russian).

19. Kuznecov, YU. V. (2019). *Kriptoaktivy kak dokumentarnye cennye bumagi* [Crypto Assets as Documentary Securities]. *Zakon – law*. No. 9. Pp. 95–104. (In Russian).

20. Mihaïlova, E. V. (2021). *Cifrovizaciya prava v kontekste ego sushchnosti i prime-neniya* [Digitalization of law in the context of its essence and application]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*. No. 7. Pp. 83–86. (In Russian).

21. Novoselova, L. A., Gabov, A. V., Savel'ev, A. I., Genkin, A. S., and other (2019) *Cifrovye prava v sisteme ob"ektov grazhdanskikh prav* [Digital rights in the system of objects of civil rights]. *Zakon – law*. No. 5. Pp. 31–54. (In Russian).

22. Poduzova, E. B. (2020) *Pravo kak ob"ekt grazhdanskikh pravootnoshenii v kontekste cifrovoi sredy i ekonomiki sovmestnogo potrebleniya* [Law as an object of civil legal relations in the context of the digital environment and the economy of shared consumption]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Current problems of Russian law*. No. 2(15). Pp. 86–93. (In Russian).

23. Pyshnova, E. S., Konoplyannikova, T. V. (2020) *Cifrovye prava. chto eto i nuzhny li v Grazhdanskom kodekse RF?* [Digital rights: what is it and is it necessary in the Civil Code of the Russian Federation?]. *Evraziiskii Soyuz Uchenyh – Eurasian Union of Scientists*. No. 10-8 (79). Pp. 47–51. (In Russian).

24. Carbash, S. V., Novoselova, L. A., Gabov, A. V. (2019) *Cifrovye prava kak novyj ob"ekt grazhdanskogo prava* [Digital rights as a new object of civil law]. *Zakon – law*. No. 7. Pp. 32–53. (In Russian).

25. Tverdova, T. V., Komarov, V. S. (2021) *Cifrovye prava kak ob"ekty pravootnoshenii* [Digital rights as objects of legal relations]. *Teoriya gosudarstva i prava – Theory of State and Law*. No. 2 (22). Pp. 150–155. (In Russian).

26. Tumakov, A. V., Petrakov, N. A. (2019) *Razvitie cifrovyyh pravootnoshenii v sovremennykh realiyah* [Development of digital legal relations in modern realities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2. Pp. 121–122. (In Russian).

Об авторе

Павлова Дария Андреевна, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-7166-1282, e-mail: pavlovadari@bk.ru

About the author

Dariia A. Pavlova, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-7166-1282, e-mail: pavlovadari@bk.ru

Поступила в редакцию: 02.02.2023
Принята к публикации: 13.03.2023
Опубликована: 31.03.2023

Received: 02 February 2023
Accepted: 13 March 2023
Published: 31 March 2023

Правовые проблемы цифровизации экономики в Российской Федерации

Ю. А. Свистунов¹, Л. Ю. Свистунова²

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Сегодня Российская Федерация с успехом преодолевает проблемы современности. Мир вошёл в новую, цифровую эпоху. И с этого момента началась цифровая революция. С конца двадцатого века технологии стремительно развиваются, меняя при этом привычный уклад жизни людей. Формируются новые отрасли и профессии. Не обошли эти изменения юридическую и экономическую науку и другие сферы жизни российского общества.

Развитие экономических отношений в конкурентной среде между различными странами и производителями привело к необходимости совершенствовать законодательство и экономическую сферу, в первую очередь снижать издержки на товары и услуги. Все обращают внимание на развитие интернета и мобильных коммуникаций, плоды которых видны невооруженным глазом. Это и привело к появлению многих терминов, определяющих суть явления. Так, примерно в 1995 г. появилось новое понятие «цифровая экономика».

Проблемы цифровизации экономики всегда сопровождаются необходимостью правового регламентирования и администрирования. В условиях проходящей в России правовой и экономической реформы особое внимание ученых и практических работников уделяется выстраиванию экономической политики государства. При этом в числе основных направлений развития последней обязательно выступает качественная организация экономической деятельности в целом, а в частности финансовая, налоговая, бюджетная, промышленная, сельскохозяйственная и иные сферы деятельности государства.

Ключевые слова: правовое регулирование, экономические отношения, цифровая экономика, проблемы совершенствования экономической сферы.

Для цитирования: Свистунов Ю. А., Свистунова Л. Ю. (2023) Правовые проблемы цифровизации экономики в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 174–187. DOI 10.35231/18136230_2023_1_174

Legal problems of digitalization of the economy in Russian Federation

Yuri A. Svistunov¹, Lyudmila Yu. Svistunova²

¹ Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation

² Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The modern Russian state successfully overcomes the challenges of our times. The world has entered a new, digital age. And from that moment, the digital revolution began. Since the end of the 20th century, technology has been rapidly developing, while changing the usual way of people's life. New industries and professions are emerging. These changes did not bypass legal and economic science and the society of the Russian state.

The development of economic relations in a competitive environment between different countries and manufacturers has led to the need to improve legislation and the economic sphere, first of all, to reduce the costs of goods and services. First of all, everyone pays attention to the development of the Internet and mobile communications – which results are visible to the naked eye. This led to the emergence of many terms trying to define the essence of the phenomenon. So, approximately, in 1995, a new concept of "digital economy" appeared.

The problems of digitalization of the economy are always accompanied by the need for legal regulation and administration. In the context of the ongoing legal and economic reform in Russia, scientists and practitioners pay special attention to building the economic policy of the state. At the same time, the qualitative organization of economic activity in general, and in particular, financial, tax, budgetary, industrial, agricultural and other spheres of state activity, is necessarily among the main directions of development of the latter.

Key words: legal regulation, economic relations, digital economy, problems of improving the economic sphere.

For citation: Svistunov, Yu. A., Svistunova, L. Yu. (2023) Pravovyye problemy tsifrovizatsii ekonomiki v Rossiyskoy Federatsii [Legal problems of digitalization of the economy in Russian Federation]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad legal journal*, No. 1 (71). Pp. 174–187. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_174

Введение

Экономика любого современного государства в большей или меньшей степени держится на цифровых технологиях, именно благодаря этому появилось такое понятие как цифровая экономика. Понятие, сущность и правовое закрепление всех аспектов данного явления в нашем государстве является на стадии становления, что обуславливает повышенный интерес к данной тематике. Объектом исследования являются правовые отношения, связанные с проблемами регламентации и реализации цифровой экономики в Российской Федерации, а предметом исследования – нормы законодательства, регламентирующие различные аспекты цифровой экономики.

Конституционно-правовое регулирование цифровизации экономической деятельности в Российской Федерации

Цифровизация России – довольно актуальная и важная задача развития всего общества, это, можно сказать, один из важнейших и приоритетных вопросов национальной безопасности России [6]. В 2017 г. президентом России был принят важнейший программный документ – указ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». В нем зафиксированы основные вызовы и угрозы экономической безопасности, среди которых: слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики), недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов; недостаточно эффективное государственное управление; стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе информационных)

в качестве инструмента глобальной конкуренции. Соответственно, целями государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности на данный момент являются: укрепление экономического суверенитета Российской Федерации; создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирования инновационного развития, а также совершенствование нормативно-правовой базы в этой сфере; совершенствование норм и нормативов применения инновационных технологий (в том числе технологий цифровой экономики) и материалов в производственной и хозяйственной деятельности; развитие технологий (в том числе технологий цифровой экономики), обеспечивающих укрепление конкурентных позиций Российской Федерации во всех сферах жизни российского общества и государства.

С учетом тенденций развития постепенной цифровизации современного общества одним из ключевых вопросов выступает формирование соответствующей нормативно-правовой базы в сфере регулирования цифровой экономики, которая по своим свойствам должна выступать регулятором не только узкоотраслевых отношений, но и их конституционно-правовой совокупности. По справедливому замечанию Швабса и Клауса, «...сегодня «экономика по требованию» кардинально меняет наши взаимоотношения с работой и общественной структурой... Для людей, находящихся в облаке, основным преимуществом является свобода (работать или не работать) и беспрецедентная мобильность, которую они получают, являясь частью глобальной виртуальной сети ... Хотя человеческое облако находится в возрасте младенчества, уже накоплены значительные данные том, что это связано с «негласным выводом в офшор» («негласным», потому что платформы человеческого облака нигде не числятся

и не обязаны раскрывать своих данных)» [9]. Можно констатировать, что подобное утверждение в полной мере показывает не только тенденции развития отношений государства и общества в экономической сфере, но и затрагивает все аспекты взаимодействия между личностью, обществом, государством. Такая специфика «новых» отношений требует реакции со стороны государственных органов, которая заключается в необходимости регламентации этих отношений нормами права.

Цифровая экономика – это особый вид хозяйствования, где основой выступают не столько средства производства, сколько обмен и анализ некими данными, существенно влияющими на эффективность и повышение производительности труда. «Цифра», с одной стороны, выявляет требования личности и общества, а с другой, развивает новые отрасли и сферы хозяйственной деятельности человека, оставаясь самодостаточной в своем развитии [8].

Отметим, что сегодня в Российской Федерации наблюдается стремительное развитие цифровой экономики практически во всех отраслях и сферах хозяйства и управления. Так, например, согласно статистическим отчетам только за последние годы доля цифровизируемой экономики существенно выросла (по некоторым данным на 59 %), что прямо свидетельствует об успешном внедрении новых технологий. Среди наиболее востребованных показателей в России по применению цифровых услуг – это использование Интернета, в том числе мобильного. Нарастает свой темп развития и показатель онлайн покупок, которые активно используются среди молодого населения.

Рассматривая базис экономической конституции (с учетом толкования данной дефиниции, как совокупности конституционных положений, относящихся к экономиче-

ской деятельности [1]), допустимо предположить, что одной из ключевых поправок в Конституцию РФ, в которой усматривается попытка законодателя конституционно закрепить непрерывную политику развития цифровой экономики, придавая ей ключевой статус, является статья 75.1. Данная поправка находится в непрерывной взаимосвязи со статьями 8, 34, с пунктом е) статьи 71 Конституции Российской Федерации.

Однако рассматривая эти положения основного закона с частью 1 статьи 17 Конституции РФ, а также положениями ряда документов стратегического планирования, мы вынуждены констатировать, что действующие нормы законодательства недостаточно отражают системный подход [2] к регулированию цифровой экономики и созданию адекватных условий в совокупности с вышеуказанными положениями Конституции (в том числе реализация правовой охраны по защите и обработке персональных данных [3] и цифрового профиля в сети «Интернет», защите прав субъектов в сфере цифровых прав и цифровой валюты и так далее).

Положения Федерального закона № 259-ФЗ в редакциях от 31 июля 2020 г. и от 02 августа 2019 г. не содержат достаточных норм, устанавливающих ответственность субъектов, осуществляющих свою деятельность с использованием «цифры»: валютой, финансовыми и банковскими активами, а также с цифровыми правами. Допустимо сделать вывод о том, что данные акты являются попыткой законодателя на начальном уровне ввести их в оборот как объекты права и провести «условное» регулирование их деятельности, оставляя тем самым намеренные пробелы, которые будут заполнены исходя из дальнейшей деятельности указанных субъектов.

Помимо указанного необходимо отметить, что недостаточная разработанность нормативно-правовой базы

в сфере регулирования оборота цифровой валюты и цифровых прав способствует активному использованию данных «активов» в теневой экономике, что прямо противоречит действующему законодательству.

Допустимо утверждать, что в целях соблюдения положений, указанных в статьях 8, 17, 34, 71, 75.1 Конституции РФ законодателю на федеральном уровне необходимо разработать соответствующие акты в сфере защиты персональных данных (в части именно реализации механизмов защиты), прав и обязанностей граждан, осуществляющих свою деятельность в сфере цифровой экономики, которые по большей мере будут учитывать действующий международный опыт и дополнять международные договоры РФ, разработать соответствующие основания привлечения к ответственности лиц, нарушающих не только уже действующее законодательство, но и предусмотреть санкции за злоупотребление правом и введение в заблуждение граждан и юридических лиц ввиду его слабой и бессистемной разработанности с учетом особенностей, которые свойственны объектам цифровой экономики.

Данные акты будут способствовать реализации статьи 46 Конституции РФ, гарантирующей судебную защиту. Например, делаются определенные попытки урегулировать оборот цифровой валюты, поскольку отсутствие последнего может нанести существенный вред и ущерб не только правам личности, но и государству в целом. Однако с учетом действующей практики опыта судов общей юрисдикции иные прямые случаи судебной защиты при прочих условиях прослеживаются с трудом, так как суды, несмотря на принятие соответствующих правовых актов о признании цифровых прав и цифровой валюты объектами права, не усматривают фактических оснований для защиты участников экономической деятельности, осуществляющих деятельность с данными объектами.

Актуальные проблемы цифровизации экономической деятельности в Российской Федерации

В России внедрение концепций индустрии весьма ограничено из-за деградирующего несырьевого реального сектора отечественной экономики. В условиях санкций, введенных против России, слабая отечественная промышленность значительно снижает потенциал для инноваций. Это рискованно, так как национальная экономика продолжает отставать в технологиях, технологический прогресс программного обеспечения и высокотехнологичного оборудования будет расти. В стране, очевидно, слишком увлечены модной цифровизацией с помощью бюджетных субсидий; их эффективность, как правило, ставится под сомнение.

Известные нам цифровые, допустим, образовательные платформы, (обеспечивающие прямое взаимодействие продавцов и покупателей и потребление товаров) такие как «SkyEng», «Фоксфорд», «Умскул» «продают» свои услуги, которые помогают облегчить процесс обучения людей в школе, институте и т. д. Еще одним примером может служить новая платформа «Госуслуги», она позволяет сэкономить огромное количество времени для жителей нашей страны. Вместо живой очереди к врачам, получения пенсии или же, например, оплаты налогов, у нас появилась возможность делать это все не выходя из дома, благодаря внедрению цифровизации. Можно привести еще множество примеров, таких как компании такси «Uber», «Яндекс», РОСТЕЛЕКОМ¹, которые полностью перенесли свою связь с клиентами в мобильные приложения, что позволило пользователям оценивать работу водителя, экономить время на поиск такси и точно рассчитывать стоимость поездки.

¹ Проекты цифровой экономики [Электронный ресурс]. URL: https://www.company.rt.ru/projects/digital_economy_rf/

Однако есть существенная проблема, осложняющая продвижение «цифры» в России. В некоторых регионах нашей страны связь слишком плохая, и людям, чтобы выполнить довольно легкую задачу в интернете, приходится выходить из дома и «ловить» интернет. При написании данного текста мы задумались о том, что эта программа действительно не стоит на месте и даёт плоды и достаточно неплохие.

В последние годы очень развиваются сервисы по доставке еды и других жизненно необходимых товаров на дом, таких как лекарства. Из-за пандемии во всем мире начали развиваться и популяризоваться данные сервисы, ведь во многих странах были введены локдауны и люди не имели возможности выходить на улицу и поэтому открывали для себя новые интернет-магазины.

В России также получили популярность множество интернет-магазинов, и почти на каждую сферу торговли можно найти как минимум несколько интернет-магазинов, также магазины, которые раньше не осуществляли доставку на дом, начали создавать сайты со своими товарами и осуществлять доставку на дом. Приведем пару примеров крупнейших интернет-магазинов в Российской Федерации: ЯндексМаркет; СберМаркет; Озон. Эти маркетплейсы сейчас одни из самых популярных в России. Чтобы наглядно увидеть их развитие на фоне развития и прекращения коронавирусной инфекции, достаточно посмотреть год их запуска. Например, СберМаркет был запущен в 2013 г., а ЯндексМаркет в 2000 г. На данный момент в России насчитывается более сотни интернет-магазинов с различными товарами и с доставкой на дом.

Также хочется отметить, что в России совершенствуется Интернет-банкинг. Почти с каждым обновлением приложения «СберБанк Онлайн» появляются новые полезные функции, которые упрощают использование

приложения и делают его понятным для людей всех возрастов. Также повышается и безопасность банковских счетов во избежание кражи персональных данных и денежных средств мошенниками.

Новые технологии, направленные на повышение качества получения и обработки информационных данных, казалось бы, должны повысить гибкость и эффективность современной российской экономики, в современных условиях, но это не так просто, как кажется. Оптимизация многих экономических процессов может не осуществиться, поскольку на это влияют многие внутренние и внешние факторы (например, отставание во внедрении новейших технологий из-за проблем в управленческих цепочках) [7]. Повышаются затраты на защиту информации (с существенным технологическим прогрессом эти затраты не прекращают расти), а также на оценку ее достоверности. Россия – большая страна, и существует множество мест в нашей стране, где есть проблемы с наличием Интернета. Люди, живущие в таких местах, не имеют доступа к возможностям, которые предоставляет цифровая экономика. Однако это лишь маленький процент от всего населения, эта проблема не так глобальна, но всё же имеет место быть. На основе наших суждений можно сделать вывод, что цифровизация экономики имеет большой потенциал развития.

Иногда перенос бизнес-деятельности в онлайн стремительно снижается и пропадает необходимость в посредничестве, что тоже негативно сказывается на экономике. Также бизнес оказывается недостаточно вовлечен в формирование законодательной базы. В настоящее время есть потребность в серьезном вовлечении бизнеса в любое законодательное изменение.

Также нельзя не сказать и о доступе к учебным курсам мирового уровня, что неоспоримо характеризует циф-

ровизацию, как одну из стадий глобализации, поскольку большинство государств мира участвует в поддержке и развитии дистанционного (онлайн) образования. Пандемия COVID существенно ускорила этот процесс, можно сказать, что он уже необратим, и образовательные учреждения тоже вступили на путь цифровой трансформации в оказании образовательных услуг. Следовательно, в ближайшее время рынок труда будет испытывать сильное влияние со стороны молодых работников, мотивация которых обусловлена не только высокой оплатой в сфере технологий, но и возможностью личностного роста и саморазвития в целом. Нововведения, касающиеся экономики, пользуются государственной поддержкой.

Процедура цифрового взаимодействия, происходящая в нашем государстве, является недостаточно продуктивной и системной. Современные экономисты говорят о том, что есть потребность в замене механизма запуска цифрового бизнеса [5]. Когда бизнес только запускается в ограниченном объеме, следует сначала производить наблюдение за его работой и развитием, а уже после регулировать целиком, так как современное регулирование информационной экономики сбавляет темп. В наши дни нужно быть более динамичными, и сейчас необходимо повышать уровень цифровой грамотности населения и совершенствовать цифровые технологии.

Еще одна важная, но порой не исследуемая проблема состоит в том, что процесс цифровизации нуждается в постоянном поиске новых подходов к обучению, подготовке новых кадров и постоянном повышении их уровня квалификации [4]. Традиционные виды деятельности и методы подготовки специалистов не в состоянии отвечать вызовам современного цифрового пространства. Это может стать причиной не только сопротивления технологическому прогрессу, но и объективным процессам

государства в целом. Однако это заслуживает отдельного пристального внимания и исследования.

Заключение

Представленный анализ проблем развития цифровизации экономики на современном этапе позволил нам сформулировать ряд выводов.

Во-первых, применение новых эффективных методов и форм управления экономическими процессами выступает важнейшей предпосылкой укрепления экономической и национальной безопасности Российской Федерации.

Во-вторых, развитие цифровых технологий стимулирует инновационное развитие, что способствует совершенствованию правовой базы.

Сегодня, чтобы занять достойное место в любой сфере хозяйства или управления, их участникам необходимо быть конкурентно способными, отвечать постоянным вызовам развития цифровых инновационных технологий, ведь цифровая экономика – важный сектор, обеспечивающий экономическую безопасность Российской Федерации. Это касается тех, кто ориентирован на сферу обслуживания, и тех, кто занят в сфере здравоохранения или некоммерческих организациях. Развитие цифровой экономики – это, безусловно, хорошо, но также с ее появлением возникли и некоторые экономические проблемы, ряд из которых актуален в России.

Безопасность информационных данных, которые поступают из сторонних источников, порождает новые трудности. Традиционно данные считаются достоверными, если их можно подтвердить тремя независимыми друг от друга источниками, но сегодня создание подобных источников уже является проблемой.

Следовательно, мы видим не только взаимосвязь и взаимозависимость экономики и «цифры», но и изменение

роли государства в регулировании этих процессов, необходимость своевременно и качественно регламентировать новые технологии в целях развития экономических отношений. И в данной связи именно цифровизация экономики позволяет решать эти задачи по выводу на новый качественный уровень.

Список литературы

1. Андреева Г. Н. К вопросу о понятии экономической конституции // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 7. – С. 9–13.
2. Волкова А. А., Плотников В. А., Рукинов М. В. Цифровая экономика: сущность, явления, проблемы и риски формирования и развития // Управленческое консультирование. – 2019. – № 4. – С. 38–49.
3. Минбалеев А. В., Филоненкова В. А. Проблемы защиты персональных данных и цифрового профиля человека в сети интернет в условиях пандемии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 20 (3). – С. 89–94.
4. Пешкова Г. Ю., Самарина А. Ю. Цифровая экономика и кадровый потенциал: стратегическая взаимосвязь и перспективы // Образование и наука. – 2018. – № 20 (10). – С. 50–75.
5. Полякова Т. А., Бойченко И. С. Развитие применения дистанционных технологий и «Цифровизация» общественных отношений в условиях новых вызовов: теоретические и практические проблемы // Образование и право. – 2020. – № 3. – С. 319–324.
6. Попова И. М. Проблемы реализации цифровой повестки ЕАЭС // Вестник международных организаций. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 127–144.
7. Силкина Г. Ю., Алексеева Н. С., Шевченко С. Ю. Сквозные технологии производства и управления: эффекты отраслевого применения и потенциальной синергии // Цифровая экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 15. – Вып. 5. – С. 43–58.
8. Удалов Д. В. Цифровая трансформация социально-экономического пространства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2020. – № 3 (82). – С. 33–36.
9. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2018. – С. 81–82.

References

1. Andreeva, G. N. (2010) K voprosu o ponyatii ekonomicheskoy konstitucii [On the question of the concept of economic constitution]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and municipal law*. No. 7. Pp. 9–13. (In Russian).
2. Volkova, A. A., Plotnikov, V. A., Rukinov, M. V. (2019) *Cifrovaya ekonomika: sushchnost', yavleniya, problemy i riski formirovaniya i razvitiya* [Digital economy: essence, phenomena, problems and risks of formation and development]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Management Consulting*. No. 4. Pp. 38–49. (In Russian).

3. Minbaleev, A. V., Filonenkova, V. A. (2020) *Problemy zashchity personal'nykh danykh i cifrovogo profilya cheloveka v seti internet v usloviyakh pandemii* [Problems of protecting personal data and a person's digital profile on the Internet in a pandemic]. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – Bulletin of South Ural State University. Series: Right.* No. 20 (3). Pp. 89–94. (In Russian).
4. Peshkova, G. YU., Samarina, A. YU. (2018) *Cifrovaya ekonomika i kadrovyy potencial: strategicheskaya vzaimosvyaz' i perspektivy* [Digital economy and human resources potential: strategic interrelation and prospects]. *Obrazovanie i nauka – Science and Education.* No. 20 (10). Pp. 50–75. (In Russian).
5. Polyakova, T. A., Bojchenko, I. S. (2020) *Razvitie primeneniya distancionnykh tekhnologiy i «Cifrovizatsiya» obshchestvennykh otnosheniy v usloviyakh novykh vyzovov: teoreticheskie i prakticheskie problem* [Development of the use of remote technologies and "Digitalization" of public relations in the conditions of new challenges: theoretical and practical problems]. *Obrazovanie i pravo – Education and law.* No. 3. Pp. 319–324. (In Russian).
6. Popova, I. M. (2021) *Problemy realizatsii cifrovoj povestki EAES* [Problems of implementation of the EAEU digital agenda]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – Bulletin of International Organizations.* Vol. 16. No. 1. Pp. 127–144. (In Russian).
7. Silkina, G. YU., Alekseeva, N. S., Shevchenko, S. YU. (2022) *Skvoznye tekhnologii proizvodstva i upravleniya: efekty otraslevogo primeneniya i potencial'noj sinergii* [End-to-end technologies of production and management: effects of industry application and practical synergy]. *Cifrovaya ekonomika: teoriya i praktika – Digital Economics: Theory and Practice.* Vol. 15. No. 5. Pp. 43–58. (In Russian).
8. Udalov, D. V. (2020) *Cifrovaya transformatsiya social'no-ekonomicheskogo prostranstva* [Digital transformation of socio-economic space]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta – Bulletin of Saratov State Socio-Economic University.* No. 3 (82). Pp. 33–36. (In Russian).
9. SHvab, Klaus (2018) *CHetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moskva: Eksmo. Pp. 81–82. (In Russian).

Об авторах

Свистунова Людмила Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Свистунов Юрий Андреевич, магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: svistunovyuri99@gmail.com

About the authors

Lyudmila Yu. Svistunova, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Yuri A. Svistunov, master's student, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: svistunovyuri99@gmail.com

Поступила в редакцию: 17.02.2023
Принята к публикации: 13.03.2023
Опубликована: 31.03.2023

Received: 17 February 2023
Accepted: 13 March 2023
Published: 31 March 2023

Значительный имущественный ущерб при террористическом акте: проблемы правоприменения

К. В. Боричев

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена рассмотрению категории значительного имущественного ущерба при совершении террористического акта или угрозе его совершения. Проведён анализ правоприменительной практики и определены основные проблемы, связанные с использованием установленной законодателем формулировки в связи с её исключительно оценочным значением. Предложено внесение изменений в Уголовный кодекс РФ и дополнение примечания к статье 205 УК РФ пунктом, в котором законодательно закрепить конкретное количественное значение значительного имущественного ущерба в размере десяти тысяч рублей.

Ключевые слова: значительный имущественный ущерб, противодействие терроризму, терроризм, террорист, террористический акт.

Благодарности: научному руководителю и наставнику, доктору юридических наук, профессору Павлику Михаилу Юрьевичу.

Для цитирования: Боричев К. В. Значительный имущественный ущерб при террористическом акте: проблемы правоприменения // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 188–203. DOI 10.35231/18136230_2023_1_188

The significant property damage in a terrorist act: the problems of law enforcement

Konstantin V. Borichev

Pushkin Leningrad State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to the consideration of the category of the significant property damage in the commission of a terrorist act or the threat of its commission. The analysis of law enforcement practice is carried out and the main problems associated with the application of the wording established by the legislator in connection with its exclusively evaluative value are identified. It is proposed to amend the Criminal Code of the Russian Federation and supplement the note to Article 205 of the Criminal Code with a paragraph in which to legislate a specific quantitative value of significant property damage in the amount of ten thousand rubles.

Key words: the significant property damage, counter-terrorism, the terrorism, terrorist, the terrorist act.

Acknowledgements: to the scientific supervisor and mentor, Doctor of Law, Professor Pavlik Mikhail Yurievich.

For citation: Borichev, K. V. (2023) Znachitel'nyj imushchestvennyj ushcherb pri terroristicheskom akte: problemy pravoprimeneniya [The significant property damage in a terrorist act: the problems of law enforcement]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 1 (71). Pp. 188–203. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_188

Введение

На сегодняшний день терроризм представляет собой многогранное, сложносоставное и активно развивающееся явление, которое распространилось в той или иной степени по всему миру. И действительно, в наши дни ни одно государство мира не может гарантировать стопроцентную безопасность от совершения террористического акта на своей территории, несмотря на то, насколько развитым оно является и насколько большое количество ресурсов привлечено на противодействие террористической угрозе.

Российская Федерация, в силу своих геополитических, исторических, общественно-политических и иных особенностей, на протяжении всего своего существования сталкивалась с терроризмом и успешно ему противодействовала, и сегодня эта работа продолжается. Вместе с тем, на рубеже XX–XXI веков было совершено большое количество террористических актов разного характера и масштабов. Зарубежные исследователи отмечают, что терроризм – явление общемировое, и в данный период масштабные террористические акты были совершены во многих странах по всему миру и привели как к человеческим жертвам, так и к серьёзным разрушениям и ущербу [1, с. 240]. Их следствием стало большое количество погибших и пострадавших, значительные материальные, финансовые и имущественные потери, дестабилизация общественно-политической и социально-экономической обстановки в отдельных регионах, рост социально-психологической напряжённости в обществе [1, с. 3]. Крайнюю опасность представляет современная тактика террористов по использованию заминированных автотранспортных средств, подрывы террористами-смертниками носимых зарядов, инициирование взрывов замаскированных взрывных устройств и боеприпасов, использование

огнестрельного оружия и боевых отравляющих веществ, которые приводят как к большим человеческим жертвам, в том числе среди мирного населения, так и к существенному повреждению зданий, сооружений и иного имущества, что требует значительных финансовых и материальных затрат на ликвидацию последствий террористического акта и устранение причинённого ущерба [9, с. 61–67].

Необходимо отметить, что в целях предупреждения и борьбы с терроризмом значительное внимание уделяется именно мерам уголовно-правового противодействия террористическим актам и иным преступлениям террористического характера как одному из основных направлений профилактики и противодействия преступному явлению в правовом государстве.

Вместе с тем с развитием технологий, появлением новых способов совершения террористических актов, а также учитывая тот факт, что международные террористические организации обладают существенными финансовыми ресурсами, важное значение приобретает процесс актуализации на постоянной основе действующего антитеррористического законодательства, которое должно молниеносно реагировать на любые изменения в тактике и способах совершения преступлений террористической направленности с тем, чтобы у правоприменителя не возникало каких-либо двояких толкований норм права, либо вообще отсутствовала такая норма, которая позволяла бы привлечь преступника к уголовной ответственности. При этом необходимо и своевременное устранение так называемых «белых пятен» в антитеррористическом законодательстве, а также внесение на законодательном уровне поправок и изменений, которые позволят максимально эффективно использовать уголовно-правовые методы противодействия терроризму.

Определение понятия значительного имущественного ущерба и связанная с этим проблематика в правоприменительной практике

Международный эксперт в области антитеррора Э. Аречага отмечает, что террористические акты сами по себе являются традиционными формами общеуголовных преступлений, но совершаются преднамеренно в целях вызвать панику, беспорядок и террор в обществе, разрушить общественный порядок, парализовать противодействие терроризму со стороны государственных органов и интенсифицировать беды и страдания общества, нанеся как можно больший имущественный ущерб и моральный урон [2, с. 240]. В отечественном уголовном законодательстве в ст. 205 УК РФ закреплён состав террористического акта. В уголовно-правовой норме отражены наиболее типичные действия, направленные на совершение террористического акта, а именно взрыва или поджога, и представлена обобщённая характеристика всех способов совершения рассматриваемого преступного деяния – совершение иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. В диспозиции данной статьи указывается на главное характерное свойство описанных действий – их общеопасный характер, а также определены основные признаки, присущие террористическому акту, среди которых выделяется одно из его последствий – создание опасности причинения значительного имущественного ущерба. В качестве квалифицированного вида данного преступления в п. «в» ч. 2 рассматриваются деяния, повлекшие причинение значительного имущественного ущерба.

Следует отметить, что понятие значительного имущественного ущерба ни в статье 205 УК РФ и примечаниях

к ней, ни в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» не раскрывается.

В примечании к ст. 207 УК РФ (Заведомо ложное сообщение об акте терроризма) раскрывается лишь понятие крупного ущерба, который отнесён исключительно к данной статье и под которым предлагается признавать ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей.

В примечании к ст. 158 УК РФ (Кража) законодателем указывается, что значительный ущерб гражданину в статьях главы 21 УК РФ «Преступления против собственности», за исключением ч. 5 статьи 159, определяется с учётом его имущественного положения, но не может составлять менее 5000 рублей. В примечании к ст. 159 УК РФ (Мошенничество) под значительным ущербом признаётся ущерб, в сумме составляющий не менее 10000 рублей.

Анализ положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» также не вносит существенной ясности в вопрос определения значительного имущественного ущерба при террористическом акте. Так, в п. 7 Постановления указывается лишь, что, принимая решение о том, является ли ущерб значительным (пункт «в» части 2 статьи 205 УК РФ), необходимо учитывать стоимость уничтоженного имущества или затраты на восстановление повреждённого имущества, а также значимость этого имущества для потерпевшего, например, в зависимости от рода его деятельности или материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо повреждённого имущества. Кроме того, дополнительно указывается, что причинение в результате террористического акта значительного имущественного ущерба долж-

но квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ не требует¹.

Таким образом, вопрос значительности ущерба при совершении террористического акта является дискуссионным. На сегодняшний день единство мнения по этому поводу среди учёных-юристов отсутствует. В своей диссертации Г. Ф. Байрак справедливо указывает, что использование данного сугубо оценочного термина не способствует стабильности следственной и судебной практики². Вместе с тем, нельзя согласиться с мнением исследователя, что подобного рода законодательная формулировка приводит к манипуляциям сотрудниками правоохранительных органов с показателями, относящимися к статистике числа зарегистрированных террористических актов и количеству раскрытых преступлений³. Представляется, что нарушения в служебной деятельности, в том числе связанные с внесением неверных сведений в показатели статистической отчётности, совершаются сотрудниками прежде всего исходя из низких личностно-деловых и моральных качеств и склонности к нарушениям служебной дисциплины, но никак не из-за тех или иных законодательных формулировок. Тем более маловероятным является совершение манипуляций со статистическими данными, связанными с террористическими актами, в связи с их широким освещением в средствах массовой информации и большим общественным резонансом. Именно на эту особенность террористических актов обращает внимание В. Е. Петрищев, объективно отмечая, что террористы при планировании и совершении ими преступных деяний в качестве одной из своих главных целей ставят широ-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февр. № 35.

² Байрак Г. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 17.

³ Байрак Г. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 27.

кий общественный резонанс каждой акции, в связи с чем терроризм не может быть латентным [7, с. 101]. Кроме того, расследование преступлений террористической направленности носит межведомственный характер, так как к нему привлекаются следователи, оперативные сотрудники и технические специалисты ФСБ России, МВД России, Росгвардии, СК России и иных силовых структур [8, с. 142–143]. Таким образом, какие-либо сокрытия или фальсификации статистических показателей в данном случае не могут быть реализованы в принципе.

Вместе с тем следует принять во внимание точку зрения И. В. Шевченко, отчасти схожую с мнением Г. Ф. Байрака, что отсылка законодателя к положениям, определяющим значительность имущественного ущерба, приводит исключительно к нестабильности и противоречивости судебной и следственной деятельности при квалификации преступных деяний [10, с. 52].

М. Ю. Павлик в своей работе, справедливо соглашаясь с тем, что причинение значительного имущественного ущерба является оценочным понятием, предлагает следующее решение данной проблемы: при оценке значительного имущественного ущерба отталкиваться, во-первых, от размера значительного ущерба, применяемого к преступлениям против собственности и равного 5000 рублей, и, во-вторых, учитывать, что понятие значительного ущерба предполагает менее крупный размер. Таким образом, по мнению учёного, размер значительного имущественного ущерба при совершении террористического акта будет составлять сумму более 5000 рублей и зависеть также от имущественного положения граждан, которым он причинён, с учётом размера их доходов и наличия иждивенцев [6, с. 111].

И. В. Шевченко в своих исследованиях обосновывает отказ от использования формулировки «значительный

имущественный ущерб» и законодательное закрепление вместо неё категории «имущественный ущерб в крупном объёме». При этом он полагает, что по своей значимости он будет совпадать с крупным размером, определённым в примечании к ст. 158 УК РФ, и составит по аналогии 250 тысяч рублей [4, с. 97].

Данное предложение является отчасти обоснованным, но имеет свои недостатки, что не позволяет полностью с ним согласиться. В частности, как уже указывалось, в примечании к ст. 207 УК РФ имеется законодательно закреплённое определение размера крупного размера, под которым признаётся ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей. Несмотря на то, что норма данного примечания ограничена исключительно статьёй, в которой она приведена, было бы неверным вводить в примечании к ст. 205 УК РФ, входящей в ту же главу и раздел Уголовного кодекса РФ, аналогичное понятие крупного ущерба, при этом уменьшив его размер до 250 тысяч рублей.

Таким образом, большинство исследователей на сегодняшний день сходятся в едином мнении, что необходимо внесение изменений в ст. 205 УК РФ с целью ухода от исключительно оценочного понятия «значительный имущественный ущерб» и законодательного закрепления его количественного значения, что позволит существенно снизить возможную проблематику в правоприменительной практике. Вместе с тем некоторые отечественные учёные придерживаются противоположной точки зрения и выступают за отказ от данного понятия в целом.

Критический анализ исследований об исключении понятия «значительный имущественный ущерб» из уголовно-правовой нормы

Ряд исследователей вообще полагают целесообразным

исключить формулировку «значительный имущественный ущерб» из нормы закона. В частности, С. М. Ивлиев в своём исследовании высказывает мнение, что указание на значительный имущественный ущерб как возможное последствие террористического акта является излишним, так как значительный имущественный ущерб не представляет существенной общественной опасности, а с учётом того, что он явно превышает минимальный порог имущественного ущерба для преступлений против собственности, то полностью подпадает под определение «иные тяжкие последствия»¹.

Схожее мнение в своём исследовании высказывает А. И. Моисеенко, указывая, что понятие «значительный имущественный ущерб» характеризует внешнее проявление террористического акта, и перечисление законодателем в диспозиции статьи 205 УК РФ разновидностей общественно опасных последствий является излишним. По мнению А. И. Моисеенко, это объясняется тем, что список возможных последствий террористического акта определён в виде открытой формулировки и не представляется возможным перечислить все возможные последствия террористического акта. Кроме того, это создаёт дополнительные трудности в правоприменительной практике, так как приходится в каждом конкретном случае доказывать наличие конкретного последствия, лишь в общем обозначенного законодателем².

А. И. Рарог и В. В. Палий также поддерживают идею, что из ч. 1 ст. 205 УК РФ необходимо исключить указание на возможность причинения значительного имущественного ущерба, а из ч. 2 ст. 205 УК РФ – указание на причинение такого рода ущерба, так как применение

¹ Ивлиев С. М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 19-20.

² Моисеенко А. И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма (по материалам Южного федерального округа России): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. С. 88-89.

законодателем количественно не определённого признака в виде «значительного имущественного ущерба», на их взгляд, теоретически не оправдано, а на практике вызывает существенные затруднения в его установлении и определении¹.

С. М. Кочои выступает за исключение из числа основных и квалифицирующих признаков террористического акта «причинения значительного имущественного ущерба», объясняя это тем, что это позволит исключить из диспозиции двойное указание на, по сути, одно и то же обстоятельство, тем самым, не разделяя значительный имущественный ущерб и иные тяжкие последствия, которыми изучаемый вид имущественного ущерба по факту и является. Кроме того, учёный высказывает мнение, что как реальная, так и вероятная опасность террористического акта определяется, в первую очередь, количеством человеческих жертв, а не экономическим ущербом, и приравнивать имущественный ущерб и гибель человека или причинение вреда его здоровью не верно².

Однако, на наш взгляд, данное утверждение является спорным, так как опасность террористического акта нельзя сводить исключительно к количеству человеческих жертв, которые пострадали или могли пострадать при его совершении. На сегодняшний день терроризм – явление крайне многоликое, и террористы для достижения своих целей и прежде всего устрашения населения могут использовать самые разнообразные способы совершения террористических актов, которые не всегда направлены только на причинение вреда максимально большому количеству людей. Кроме того, этот фактор не является основополагающим при определении сте-

¹ Рарог А. И., Палий В. В. Уголовно-правовое противодействие терроризму и экстремизму: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. С. 22.

² Кочои С. М. Антитеррористическое законодательство и практика его применения: уголовно-правовая характеристика: учеб. пособие. М.: Проспект, 2017. С. 28.

пени опасности исследуемого преступного деяния. Так, С. У. Дикаев справедливо отмечает, что террористические акты зачастую совершаются там, где находится максимальное количество людей или хранится ценное имущество, либо они изначально направлены на уничтожение значимого или культового здания и сооружения [3, с. 371]. Напомним, что в уголовном законодательстве выделяются два необходимых и взаимосвязанных условия, на основании которых исследуемое преступное деяние может быть признано общественно опасным: во-первых, деяния террористов должны обладать способностью устрашать; во-вторых, иметь возможность причинения тяжких последствий. При этом под устрашающим воздействием на человеческую психику следует понимать такого рода информационное влияние, которое может привести к подавлению свободы волеизъявления, вызывает опасения за жизнь, здоровье, имущество и иные права как самого человека, так и его близких и в целом неопределённого круга лиц, а также причинить психическую травму¹.

Таким образом, отказ от законодательно определённого признака в виде создания опасности причинения значительного имущественного ущерба исходя из соображения, что факт причинения имущественного ущерба не является определяющим для террористического акта, по нашему мнению, необоснован, так как для достижения своих целей террористы применяют и используют разнообразные средства и способы, которые в действительности создают опасность не только причинения вреда человеку, но и иных последствий имущественного и неимущественного характера [10, с. 53].

Данного мнения придерживаются Е. А. Капитонова и Г. Б. Романовский, объективно указывая на тот факт, что

¹ Бушмин С. И., Москалев Г. Л. Преступления экстремистской и террористической направленности: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. С. 87.

при исключении из уголовно-правовой нормы указания на такое последствие террористического акта, как значительный имущественный ущерб, оно будет только подразумеваться как объект охраны, ввиду чего уровень защиты прав собственников пострадавшего имущества будет значительно снижен [4, с. 96].

Заключение

В последние десятилетия актуальность приобретает вопрос о принятии мер по максимально возможному повышению эффективности деятельности правоохранительных органов и спецслужб в сфере антитеррора [9, с. 178]. Особая важность вопросов обеспечения национальной безопасности обуславливает обязательность качественного повышения уровня научного обеспечения вопросов противодействия терроризму, на что неоднократно обращали внимание отечественные учёные [5, с. 30]. Важной составляющей данного процесса является своевременная актуализация действующего антитеррористического законодательства.

В результате анализа научных работ отечественных учёных мы пришли к выводу о том, что отдельные аспекты описания признаков состава преступления по ст. 205 УК РФ нуждаются в доработке с целью приведения их в соответствие с современными реалиями и для обеспечения полного и однозначного понимания их трактовки в правоприменительной практике. Так, необходимо совершенствование статьи 205 УК РФ посредством дополнения примечания к ней, в котором в целях отказа от сугубо оценочной формулировки «значительный имущественный ущерб» законодательно закрепить обобщённый количественный показатель значительного имущественного ущерба в виде его конкретного размера. Представляется, что данное значение должно предусматривать всю

специфику ущерба от террористического акта с учётом тех целей, которые преследовали виновные лица, способ совершения противоправного деяния и последствий, к которым оно привело. Конкретный количественный показатель, как мы видим, должен быть в размере 10 тысяч рублей исходя из анализа положений уголовно-правовых норм, количественных показателей значительного и крупного ущерба, которые закреплены в примечаниях к ряду статей Уголовного кодекса РФ, и современных реалий социально-экономического положения населения России. С учётом этого полагаем целесообразным дополнить примечание к ст. 205 УК РФ пунктом 2 следующего содержания: «Значительным имущественным ущербом в настоящей статье признаётся ущерб, сумма которого превышает десять тысяч рублей». Это, на наш взгляд, существенно облегчит работу следственных и судебных органов при расследовании и разрешении уголовных дел, связанных с террористическими актами.

Список литературы

1. Бельский В. Ю. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография / под ред. В. Ю. Бельского, А. И. Сацуты. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 479 с.
2. Горбунов Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему: монография. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 460 с.
3. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 464 с.
4. Капитонова Е. А., Романовский Г. Б. Современны терроризм: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 216 с.
5. Меркурьев В. В. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы: монография / под общ. ред. В. В. Меркурьева; Университет прокуратуры Российской Федерации. – М.: Проспект, 2019. – 680 с.
6. Павлик М. Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм: вопросы теории и практики. – СПб.: Юридически центр-Пресс, 2011. – 372 с.
7. Петрищев В. Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. – М.: КРАСАНД, 2013. – 464 с.
8. Сафонов И. И. Организация раскрытия и расследования терроризма: монография / под ред. проф. А. С. Подшибякина. – М.: Издатель Шумилова И. И., 2004. – 155 с.

9. Сундиев И. Ю. Введение в оперативно-розыскную террологию: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – 191 с.

10. Шевченко И. В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 176 с.

11. Davies Barry B. E. M. Terrorism. Inside a World Phenomenon. – London: Virgin Books Ltd, 2005. – 310 p.

References

1. Bel'skij, V. YU. (2019) *Terrorizm v istoricheskoj retrospektive i sovremennyh usloviyah* [The terrorism in historical retrospect and modern conditions]. Moscow: YUNITI-DANA. (In Russian).

2. Gorbunov, YU. S. (2008) *Terrorizm i pravovoe regulirovanie protivodejstviya emu* [The terrorism and legal regulation of its countering]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).

3. Dikaev, S. U. (2006) *Terror, terrorizm i prestupleniya terroristicheskogo haraktera (kriminologicheskoe i ugovovno-pravovoe issledovanie)* [The terror, terrorism and crimes of a terrorist nature (the criminological and criminal law research)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo R. Aslanova «YUridicheskij centr Press». (In Russian).

4. Kapitonova, E. A., Romanovskij, G. B. (2015) *Sovremenny terrorizm* [The modern terrorism]. Moscow: YUrlitinform. (In Russian).

5. Merkur'ev, V. V. (2019) *Bor'ba s terrorizmom: novye vyzovy i ugrozy* [The countering terrorism: new challenges and threats]. Moscow: Prospekt. (In Russian).

6. Pavlik, M. YU. (2011) *Terroristicheskij akt, zahvat zalozhnika, banditizm: voprosy teorii i praktiki* [The terrorist act, hostage-taking, banditry: issues of theory and practice]. Saint-Petersburg: YUridicheski centr-Press. (In Russian).

7. Petrishchev, V. E. (2013) *CHto takoe terrorizm, ili Vvedenie v terrorologiyu* [What is the terrorism, or an Introduction to the Terrorology]. Moscow: KRASAND. (In Russian).

8. Safonov, I. I. (2004) *Organizaciya raskrytiya i rassledovaniya terrorizma* [The organization of disclosure and investigation of terrorism]. Moscow: Izdatel' SHumilova I. I. (In Russian).

9. Sundiev, I. YU. (2011) *Vvedenie v operativno-rozysknuyu terrologiyu* [The introduction to operational-investigative terrology]. Moscow: YUNITI-DANA: Zakon i parvo. (In Russian).

10. Shevchenko, I. V. (2011) *Ugolovnaya otvetstvennost' za terroristicheskuyu deyatelnost'* [The criminal responsibility for the terrorist activities]. Moscow: YUrlitinform. (In Russian).

11. Davies, Barry B. E. M. (2005) *Terrorism. Inside a World Phenomenon*. London: Virgin Books Ltd.

Об авторе

Боричев Константин Владимирович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0856-2126, e-mail: bogeni@yandex.ru

About the author

Konstantin V. Borichev, graduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-0856-2126, e-mail: bogeni@yandex.ru

Поступила в редакцию: 16.02.2023

Принята к публикации: 13.03.2023

Опубликована: 31.03.2023

Received: 16 February 2023

Accepted: 13 March 2023

Published: 31 March 2023

Криминологический анализ угонов и хищений автотранспорта

Е. М. Павлик

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы состояния преступности, связанного с посягательством на автотранспорт. На сегодняшний день потребность изучения криминологических особенностей угонов автотранспорта очевидна. Со временем появляются новые виды, формы незаконного завладения транспортными средствами, соответственно, назревает необходимость выработки актуальных мер профилактики преступности. В работе анализируются различные точки зрения ученых-правоведов по указанной тематике с представлением альтернативных взглядов представителей криминологической науки на обозначаемую проблему.

На основе сравнительного анализа в статье предпринимается попытка упорядочения авторских и научных позиций по вопросам криминологического анализа угонов автотранспорта.

Обосновывается авторское мнение по вопросу тенденций угонов автотранспорта, анализируется статистика угонов по различным регионам.

Ключевые слова: угон, автотранспорт, способ совершения преступлений, коэффициент преступности, структура угонов автотранспорта, сигнализационное устройство.

Для цитирования: Павлик Е. М. Криминологический анализ угонов и хищений автотранспорта // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 204–217. DOI 10.35231/18136230_2023_1_204

Criminological analysis of theft and theft of vehicle

Elizaveta M. Pavlik

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article discusses the issues of the state of crime associated with an encroachment on vehicles. To date, the need to study the criminological features of vehicle theft is obvious. Over time, new types, forms of illegal possession of vehicles appear, and accordingly, the need to develop relevant crime prevention measures is brewing. The paper analyzes different points of view of legal scholars on this topic with the presentation of alternative views of representatives of criminological science on the designated problem.

Based on a comparative analysis, the article attempts to streamline the author's and scientific positions on the criminological analysis of motor vehicle thefts.

The author's opinion is substantiated on the issue of trends in motor vehicle thefts, the statistics of thefts in various regions are analyzed.

Key words: hijacking, vehicles, method of committing crimes, crime rate, structure of hijacking vehicles, signaling device.

For citation: Pavlik, E. M. (2023) Kriminologicheskij analiz ugonov i khishcheniy avtotransporta [Criminological analysis of theft and theft of vehicle]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (71). Pp. 204–217. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_1_204

Проблема, связанная с угонами автотранспорта, всегда оставалась актуальной для современной России. Следует отметить, что за последние 10–15 лет наблюдается общий рост уровня автомобилизации российского общества. По состоянию на 2022 г. в России суммарно зарегистрировано порядка 60 миллионов автотранспортных средств¹. За последние 10 лет российский автомобильный парк вырос более чем на 30 %. По оценкам специалистов, при таких темпах роста к 2030 г. уровень автомобилизации составит 50 % от общего количества населения страны².

Начиная с 2016 г., абсолютно в каждом исследованном периоде количество регистрируемых угонов было меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В 2016 г. зарегистрировано 24 169 угонов автотранспорта (АППГ – 18,6 %), в 2017 г. – 22442 (АППГ – 7,1 %), в 2018 г. – 19460 (АППГ – 13,3 %), в 2019 г. – 18895 (АППГ – 2,9 %), в 2020 г. – 17287 (АППГ – 8,5 %), в 2021 г. – 14887 (АППГ – 13,9 %)³.

Несмотря на общее снижение количества данных преступлений (суммарное снижение за пять лет составило 6882 преступления или почти 30%), ситуация с угонами автотранспортных средств в России остается сложной, что обусловлено рядом тенденций:

1. Низкий уровень раскрываемости преступлений данной категории;
2. Последствия для потерпевших от совершения угонов автотранспортных средств;
3. Распространенность и разнообразие способов совершения данных преступлений;

¹ Автомобильный парк: на чем ездят россияне? // Автостат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autostat.ru/press-releases/47703/> (дата обращения: 10.10.2022).

² Сколько всего автомобилей в России? Появилась обновленная статистика 2022 года // Врум [Электронный ресурс]. URL: <https://wroom.ru/news/12536> (дата обращения: 10.10.2022).

³ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.10.2022). Статистика угонов авто в России // РосИнфоСтат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/ugoni/#i-9> (дата обращения: 10.10.2022).

4. Напряженная обстановка в отдельных регионах и городах [4, с. 124].

Обозначенные тенденции находят свое подтверждение в данных статистики, материалах судебно-следственной практики, различных аналитических обзорах.

Сказанное обуславливает актуальность совершенствования имеющейся системы профилактики угонов автотранспортных средств. К сожалению, в данном направлении также имеется ряд проблемных аспектов. Прежде всего нужно согласиться с позицией ученых, которые отмечают, что «распад имевшей место в прошлом традиционной системы профилактики преступлений и иных правонарушений, переориентация общественного сознания в основном на получение материальных благ, привели к тому, что до настоящего времени еще не создана адекватная современным реалиям система предупреждения преступлений корыстной направленности»¹. Имеются проблемы правового регулирования профилактики угонов автотранспортных средств. Недостаточно эффективным является и уголовное законодательство, закрепляющее основы уголовной ответственности и квалификации деяний, связанных с угонами автотранспортных средств. Помимо прочего, на актуальность темы исследования существенное влияние оказывает повышенный уровень виктимности данных преступлений [1, с. 46].

В этой связи можем говорить о сложившейся системе факторов, которые свидетельствуют об актуальности профилактики угонов автотранспортных средств. Ключевое место в решении данной проблемы занимают оперативные подразделения органов внутренних дел. Это связано с возможностью подразделений проводить негласные оперативно-розыскные мероприятия по выявлению пре-

¹ Павлик Е. М. Предупреждение хищений транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 23 с.

ступных замыслов еще на этапе формирования и, соответственно, их своевременной профилактики¹.

Таблица

Коэффициент угоняемости автотранспортных средств (2021–2022 гг.)

| Модель | Продано | Угнано | Коэффициент |
|---------------|---------|--------|-------------|
| Тойота Камри | 33700 | 695 | 20,6 |
| Хенде Солярис | 65581 | 1265 | 19,3 |
| Мазда CX-5 | 22594 | 238 | 10,5 |
| Тойота РАВ-4 | 31155 | 317 | 10,2 |
| Киа Рио | 100148 | 976 | 9,7 |
| Рено Логан | 30285 | 282 | 9,3 |

Коэффициент угоняемости остальных автотранспортных средств составляет менее 7. Исходя из представленного перечня, можно указать, что на современном этапе в основном угону подлежат транспортные средства из сегмента среднего или ниже среднего класса. Данный факт обосновывается рядом положений.

Во-первых, это распространенность данных автомобилей. Их в принципе больше, а соответственно, чисто с математической точки зрения, вероятность их хищения либо угона гораздо выше.

Во-вторых, это востребованность автомобилей. На подобные автомобили, к тому же по достаточно низким ценам (а автомобильные воры часто продают и перепродают угнанные автомобили по ценам ниже рыночных), всегда стабильный и высокий спрос.

В-третьих, это востребованность деталей и запасных частей от данных автомобилей. Как показывает практика, зачастую подобные автомобили угоняются не для продажи целиком, а для разбора на детали и дальнейшей их перепродажи. Подобные цели позволяют минимизировать риски быть пойманными правоохранителями [8, с. 290].

¹ Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учеб. пособие. СПб.: Р-КОПИ; Изд-во СПб ун-та МВД России, 2019. С. 35.

В то же время указанные автотранспортные средства являются представителями автомобилей, покупка которых чаще всего производится с привлечением кредитных денежных средств. Соответственно, угон такого транспортного средства имеет дополнительное негативное последствие, а именно необходимость выплаты взятого кредита.

Один из наиболее характерных факторов, который указывает на сложность обстановки с угонами автотранспортных средств – это распространенность и разнообразие способов совершения таких преступлений [2, с. 92]. Как показывает анализ судебно-следственной практики, а также мнений ученых по данному вопросу, на сегодняшний день именно угоны автотранспортных средств могут считаться преступлениями, способы совершения которых не только разнообразны и многочисленны, но также подлежат постоянному развитию и обновлению.

Способ изучаемых нами преступлений является сложным и структурированным на несколько видов, которые, в свою очередь, выделяются в зависимости от этапа совершения преступления [7, с. 19–21].

Так, на этапе подготовки совершения преступления следует говорить о двух способах совершения преступления. Первый подразумевает тщательную подготовку к реализации преступных замыслов. Преступники располагают сведениями об автомобиле и его владельце, о местах, где чаще всего автомобиль ставится на стоянку. В арсенале у автоворов имеются всевозможные технические приспособления нового поколения.

Второй способ угона – непланируемый, то есть преступление совершается без подготовки, в том числе без цели хищения (если мы говорим именно об угоне – ст. 166 УК РФ). Как правило, это случайно выбранное транспортное средство, которое, что называется, «попало под руку».

Способ совершения преступления часто определяется теми средствами, с помощью которых правонарушитель достигает преступной цели. «Классические» угоны совершаются преимущественно без применения каких-либо специальных средств для взлома запирающих устройств. Но чаще всего преступниками применяются специально подготовленные орудия для подготовки преступления, проникновения к месту парковки (хранения) транспортного средства, проникновения в салон и запуска двигателя [6, с. 246].

Под орудиями в данном случае следует понимать любые предметы материального мира, способствующие совершению преступления. Их условно можно разделить на:

1. Специальные технические средства для добычи преступниками «разведывательной информации» о потенциальном потерпевшем;
2. Устройства для проникновения к месту хранения (парковки) автомобиля;
3. Устройства для проникновения в салон автомобиля;
4. Устройства для отключения или повреждения сигнализации;
5. Устройства для запуска двигателя;
6. Иные устройства (например, в редких случаях, для угона автомобиля используются другие транспортные средства, эвакуаторы, краны и т.д.) [9, с. 89].

На сегодняшний день выделяется множество различных способов угонов транспортных средств. Некоторые из них, исходя из характеристики и содержания, можно даже именовать схемами преступления. В большинстве своем способ непосредственного совершения данных преступлений подразделяется на три вида, а именно: совершение угона на неохраняемой стоянке, парковке; совершение угона из гаража, охраняемой стоянки; совершение угона в присутствии владельца автомобиля.

Для каждой из указанных схем характерны свои методы их реализации.

Так, в первом случае хищение осуществляется посредством быстрого отпираания дверей, нивелирования сигнализационных устройств. В последнее время набирает популярность обратный способ. Преступники подразделяются на группы, одна из них наблюдает за владельцем транспортного средства, который, припарковав свой автомобиль, пошел по своим делам (например, в супер-маркет). Вторая группа без лишней спешки у всех на виду начинает реализовывать преступный замысел. В данном случае необходимо создать впечатление того, что транспортное средство принадлежит именно преступнику на законных основаниях. Также достаточно популярной схемой совершения подобного рода преступлений выступает кооперация автоугонщиков и карманных воров. Схема заключается в том, что у водителя сначала крадут ключи от автомобиля, а затем оперативно передают непосредственному угонщику.

Во втором случае в преступную схему в обязательном порядке включается метод проникновения на закрытую территорию, охраняемые объекты. Так, например, могут использоваться умения так называемых «домушников», которые специализируются на проникновении в закрытые помещения (гаражи, автобоксы, закрытые стоянки). Нельзя забывать и о возможном сговоре преступников с представителями охраны или администрации стоянок, гаражных кооперативов.

В третьем случае используются различные мошеннические способы, которые подразумевают обман или злоупотребление доверием водителя. Популярна схема угона автомобиля после его ремонта в автосервисе, когда ремонтники делают слепки ключей, перепрошивают охранную сигнализацию, а уже после ремонта без

каких-либо препятствий угоняют транспортное средство [5, с. 26–28].

Третья группа методов имеет место быть при сокрытии следов преступной деятельности угонщиков. В данном случае следует говорить о нескольких способах, которые выделяются в зависимости от конечной цели совершения преступления. Так, в случае хищения с целью продажи транспортного средства целиком с ним осуществляется ряд манипуляций (перекраска, перебивка ВИН-номеров, смена регистрационных знаков). Похищенные путем кражи автомашины в 46,1 % случаях продаются, в том числе: в 54,8 % случаях – в другом городе (в другой республике); заказчикам (29,3 %); скупщикам краденого (27,2 %); через торговые предприятия (24,2 %); случайным лицам (19,3 %)¹. В 32,7 % случаев похищенная автомашина разбирается на запчасти, которые впоследствии продаются².

Признаками, которые также характеризуют современное состояние угонов автотранспортных средств, выступают структура преступности и особенности географического распределения мест их совершения [3, с. 135].

Структуру угонов автотранспортных средств можно представить с различных сторон. Вместе с тем, наиболее показательной видится уголовно-процессуальная, которая основывается на представлении статистики преступлений в зависимости от формы предварительного расследования. В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ³, дознание проводится по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 166

¹ Скибин С. Н. Особенности расследования угонов и краж автомобилей или иных транспортных средств; дис. канд. юрид. наук / Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2017. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета от 22 декабря 2001 г. № 249.

УК РФ, следствие же по делам о преступлениях, предусмотренных частями 2,3 и 4. Согласно статистическим данным, структура угонов автотранспортных средств в зависимости от указанного показателя может быть представлена следующим образом:



Рис. Структура угонов автотранспортных средств

Распределение региональной статистики угонов и хищений автотранспортных средств выглядит следующим образом.

Статистика представлена по федеральным округам. Наименьшее количество угонов и хищений автотранспортных средств прослеживается в Северо-Кавказском Федеральном округе и составляет всего лишь 1,6 % от общего числа угонов по стране. Это обусловлено в первую очередь территориальными особенностями регионов. Также невысокий уровень угона автотранспорта наблюдается в Дальневосточном Федеральном округе – 5,3 %, в Уральском Федеральном округе – 7,6 %, в Южном Федеральном округе – 7,8 %. В Приволжском и Сибирском Федеральных округах криминальная картина угонов и хищений автотранспорта уже чуть хуже – 8,6 % и 10,8 %

соответственно. Лидером по угонам и хищениям автотранспорта является Северо-Западный Федеральный округ – 21,8 % от общего числа угонов. Практически 1/3 всех преступлений данного вида приходится на Москву, Санкт-Петербург и Центральный Федеральный округ. Данный факт объясняется тем, что в Москве и Санкт-Петербурге сосредоточено наибольшее количество автомобилей разного класса и ценовой категории, благоприятное экономическое положение субъектов страны, а также «удобное» территориальное расположение городов для преступников.

Если рассмотреть статистические данные по городам России, то можно выделить следующие закономерности. Чаще всего автомобили похищаются в Санкт-Петербурге (0,28 %), неблагоприятная ситуация с рассматриваемым видом преступности прослеживается в Кемерово (0,27 %), Москве (0,24 %), Мурманске (0,22 %), Новосибирске (0,21 %), Владивостоке (0,19 %), Оренбурге (0,19 %), Новгороде (0,18), Самаре (0,11 %)¹.

Таким образом, анализ современного состояния угонов автотранспортных средств позволяет сделать вывод об основных тенденциях развития данной преступности в России.

Имеются положительные тенденции, а именно: общее статистическое снижение количества регистрируемых преступлений (при условии достаточно низкой латентности данная тенденция приобретает еще больший вес). Также к положительной следует отнести такую тенденцию, как стабильно низкий показатель совершения данных преступлений, предварительное следствие по которым обязательно (это деяния с квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками, а значит более тяжкие).

¹ Статистика угонов авто в России // РосИнфоСтат URL: <https://rosinfostat.ru/ugoni/#i-9> (дата обращения: 11.10.2022).

Вместе с тем имеется ряд негативных тенденций:

1. Статистика раскрытия преступлений остается на недостаточно высоком уровне. Всего за пять лет количество нераскрытых преступлений составило 24 300, что превышает общее количество зарегистрированных преступлений, которые были совершены в любом из годов исследуемого периода. От общего числа зарегистрированных преступлений за весь период количество нераскрытых составляет 23,76 %.

2. Последствия для потерпевших от совершения угонов автотранспортных средств. Как свидетельствует судебно-следственная практика, а также подтверждают многие авторы – угон автотранспортного средства с высокой долей вероятности означает невозможность восстановления нанесенного потерпевшему ущерба.

3. Распространенность и разнообразие способов совершения данных преступлений. Как показывает анализ судебно-следственной практики, а также мнений ученых по данному вопросу – на сегодняшний день именно угоны автотранспортных средств могут считаться преступлениями, способы совершения которых не только разнообразны и многочисленны, но также подлежат постоянному развитию и обновлению. Напряженная обстановка в отдельных регионах и городах. В данном случае выделяется Санкт-Петербург, где от общего количества украденных машин именно в этом городе было угнано 0,28 %.

Список литературы

1. Алексеенко А. В. Проблема отграничения неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения от кражи // Криминологические чтения: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой победы в Великой Отечественной войне, Улан-Удэ, 23 апреля 2020 года. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2020. – С. 46–48.

2. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Особенности противодействия преступлениям в сфере незаконного автобизнеса // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2019. – № 1. – С. 91–94.

3. Боева А. С. О состоянии автотранспортной преступности // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. ст. XXIV Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 135–137.

4. Белик Ю. С. Особенности уголовной ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (статья 166 Уголовного кодекса Российской Федерации) – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019. – 218 с.

5. Виноградов А. А. Типичные способы совершения угона автомобиля // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: А. А. Сафронов [и др.]. – Краснодар, 2021. – С. 24–29.

6. Горбунова Э. А. Современное состояние оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по раскрытию краж и угонов автотранспортных средств // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 5А. – С. 243–250.

7. Зайцев А. А., Смолин А. В. К вопросу о криминалистической личности современного угонщика // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции. ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2021. – С. 19–21.

8. Павлик М. Ю., Павлик Е. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с угонами и хищениями транспортных средств // Новації юридическої науки і практики як фактор гармонізації взаємозносин особистості, суспільства і держави. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. – Новосибірськ. Изд-во: Новосибірський національний дослідницький державний університет, 2017. – С. 289–293.

9. Тимко С. А., Подшивалов А. П. К вопросу о детерминации краж и угонов автотранспортных средств // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 3 (31). – С. 88–92.

References

1. Alekseenko, A. V. (2020) *Problema otgranicheniya nepravomernogo zavladeniya avtomobilem ili iny`m transportny`m sredstvom bez celi xishheniya ot krazhi* [The problem of delimiting the illegal possession of a car or other vehicle without the purpose of theft from theft] // *Kriminologicheskie chteniya: materialy` XV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 75-letiyu Velikoj pobyedy` v Velikoj Otechestvennoj vojne, Ulan-Ude`*: Buryatskij gosudarstvenny` j universitet imeni Dorzhi Banzarova, Pp. 46–48. (In Russian).

2. Bogdanov, A. V., Il`inskij, I. I., Xazov, E. N. (2019) *Osobennosti protivodejstviya prestupleniyam v sfere nezakonnoho avtobiznesa* [Features of combating crimes in the sphere of illegal auto business]. *Aktual`ny`e problemy` administrativnogo prava i processa – Actual problems of administrative law and process*. No. 1. Pp. 91–94. (In Russian).

3. Boeva, A. S. (2020) *O sostoyanii avtotransportnoj prestupnosti* [On the state of motor transport crime] // *Aktual`ny`e voprosy` prava, e`konomiki i upravleniya. sbornik statej XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Pp. 135–137. (In Russian).

4. Belik, Yu. S. Xarlamova, A. A. (2019) *Osobennosti ugovolnoj otvetstvennosti za nepravomernoe zavladenie avtomobilem ili iny`m transportny`m sredstvom bez celi xishheniya (stat`ya 166 Ugovolnogo kodeksa Rossijskoj Federacii)* [Peculiarities of criminal liability for illegal possession of a car or other vehicle without the purpose of theft (Article 166 of the Criminal Code of the Russian Federation). Ekaterinburg: Ural`skij yuridicheskij institut MVD Rossii. (In Russian).

5. Vinogradov, A. A. (2021) *Tipichny`e sposoby` soversheniya ugonav avtomobilya* [Typical ways of committing car theft] // Aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki operativno-rozvy`sknoj deyatel`nosti. Materialy` IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Redkollegiya: A. A. Safronov [i dr.]. Krasnodar. Pp. 24–29. (In Russian).

6. Gorbunova, E. A. (2018) *Sovremennoe sostoyanie operativno-rozvy`sknoj deyatel`nosti organov vnutrennix del po raskry`tiyu krazh i ugonov avtotransportny`x sredstv* [The current state of the operational-search activity of the internal affairs bodies to detect theft and hijacking of vehicles]. *Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava – Issues of Russian and international law*. Vol. 8. No. 5A. Pp. 243–250. (In Russian).

7. Zajcev, A. A., Smolin, A. V. (2021) *K voprosu o kriminalisticheskoy lichnosti sovremennogo ugonshhika* [To the question of the forensic personality of a modern hijacker] // Penitenciarnaya sistema i obshhestvo: opy`t vzaimodejstviya. Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. FKOУ VO Permskij institut FSIN Rossii, Pp. 19–21. (In Russian).

8. Pavlik, M. Yu., Pavlik, E. M. (2017) *Ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie aspekty` bor`by` s ugonami i xishheniyami transportny`x sredstv* [Criminal-legal and criminological aspects of the fight against theft and theft of vehicles] // Novicii yuridicheskoy nauki i praktiki kak faktor garmonizacii vzaimootnoshenij lichnosti, obshhestva i gosudarstva. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Izd-vo: Novosibirskij nacional`ny`j issledovatel`skij gosudarstvenny`j universitet. Novosibirsk. Pp. 289–293. (In Russian).

9. Timko, S. A., Podshivalov, A. P. (2020) *K voprosu o determinacii krazh i ugonov avtomototransportny`x sredstv* [On the issue of determining theft and theft of motor vehicles]. *Altajskij yuridicheskij vestnik – Altai Legal Bulletin*. No. 3 (31). Pp. 88–92. (In Russian).

Об авторе

Павлик Елизавета Михайловна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2000-2380, e-mail: Lisa1990-07@mail.ru

About the author

Elizaveta M. Pavlik, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-2000-2380, e-mail: Lisa1990-07@mail.ru

Поступила в редакцию: 06.02.2023
Принята к публикации: 15.02.2023
Опубликована: 31.03.2023

Received: 06 February 2023
Accepted: 15 February 2023
Published: 31 March 2023

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

В журнале приняты следующие сокращения:

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

ГрК РФ – Градостроительный кодекс Российской Федерации.

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации.

ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации.

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации.

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации.

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.

УПК РФ – Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

Государственные органы

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

ФНС России – Федеральная налоговая служба

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «Ленинградский юридический журнал»

Материал должен быть представлен двумя файлами: 1) статья; 2) заявка.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

1. Определите тип публикации:

- *научная статья / Original article* – развернутый формат представления результатов логически завершеного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- *обзорная статья / Review* – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- *краткое сообщение / Short Communication* – краткий формат представления отдельных результатов логически завершеного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

2. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

3. DOI присваивается редакцией после принятия статьи к публикации.

4. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты.
- **Аннотация** имеет следующую структуру:
В первом абзаце «Введение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) кратко обосновывается актуальность статьи.
Во втором абзаце «Основное исследование» необходимо изложить 3–5 основных положений, раскрываемых в статье, например: 1. Проанализировано... 2. Рассмотрено... 3. Обосновано.... Не допускается копирование фраз из основного текста статьи.
В третьем абзаце «Заключение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) подводятся итоги и намечаются перспективы исследования. Слова и словосочетания «Введение», «Основное исследование» и «Заключение» в аннотации не пишутся, в алгоритме приводятся для структурирования текста. Рекомендуемый объем аннотации – 500 знаков с пробелами.
- **Ключевые слова.** Не более 10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 1–2 абзаца. Обосновывается актуальность исследования и формулируется современное состояние проблемы.
- **Основное исследование**
В тексте основного исследования необходимо сделать 3–5 тематических рубрик в зависимости от содержания статьи, например:
1. Дискуссионность положений доказательственного права
2. Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве
3. Этапы юридической квалификации
4. Стандарт доказывания
Словосочетание "основное исследование" в теле статьи не пишется, необходимо начинать с названия первой тематической рубрики.
- **Заключение.** Рекомендуемый объем 2–3 абзаца. Подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. **NB!** НЕ допу-

скается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).

- **Информация об авторе.** После списка литературы необходимо указать следующие данные на русском и английском языках: ФИО (полностью); Ученая степень; Ученое звание; Полное название организации без указания организационно-правовой формы; Город; Страна; Идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>); E-mail.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать личный вклад в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
00/00

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ со статьей, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/ JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

ПРИ ОТПРАВКЕ файлу присваивается имя типа "Иванов_статья", заявке "Иванов_заявка".

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %. В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенном в разделе "Авторам" на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/leningradskiy-yuridicheskij-zhurnal/avtoram-4>

Статья и заявка, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail редакции: lenjurmag@lengu.ru.

Правила оформления библиографического списка

МОНОГРАФИЯ

- Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. – М.: Городец, 2004. – 272 с.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

- Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 5. – С. 3–96.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI

- Акунченко Е. А. Ретроспектива и перспектива понимания объекта и предмета антикоррупционной экспертизы // Lex russica (Русский закон). – 2022. – № 75 (10). – С. 41–53. DOI 10.17803/1729-5920.2022.191.10.041-053.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

- Нахова Е. А. К вопросу о соотношении судебного доказывания и познания в гражданском судопроизводстве // Теория и практика современной юридической науки: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 45–48.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

- Боннер А. Т. О проблеме непосредственного познания судом фактов, входящих в предмет доказывания // Избранные труды: в 7 т. Т. 5. Проблемы теории судебных доказательств. – М.: Проспект, 2017. – С. 18–26.

МОНОГРАФИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Pollock F., Maitland F. W. The History of English Law Before the Time of Edward I. Second Edition. 2 volumes. – Clark: The Lawbook Exchange, Ltd., 2007. – 1142 p.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Mukli L., Rista A. Predicting and Analyzing Student Absenteeism Using Machine Learning Algorithm // Integration of Education. – 2022. – Vol. 26. – No. 2(107). – Pp. 216–228. DOI 10.15507/1991-9468.107.026.202202.216-228.

Примеры описания постраничных сносок

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- Статистический отчет за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://otchetnost.2018.ru> (дата обращения: 11.11.2019).
- Решение Демского районного суда г. Уфы № 2-818/2020 2-818/2020~М-517/2020 М-517/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 2-818/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nUZbSkO3VIUX/?ysclid=I6asqyum1z583511286> (дата обращения: 02.07.2022).
- Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 № 33-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Титоренко Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом «а» пункта 6 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnog-suda-rf-ot-26012017-n-33-o/?ysclid=I6at0dvyie549772792> (дата обращения: 07.10.2022).

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Christie A. Private International Law Issues in Online Intellectual Property Infringement Disputes with Cross-Border Elements. An Analysis of National Approaches, 2015. Available at: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_rep_rfp_2015_1.pdf (accessed 05 June 2022).

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

- О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВС РФ № 2 от 17.03.2004 г.

УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Гражданский процесс зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. А. Г. Давтян. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 256 с.

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

- Дробот С. Е. Принцип разделения и взаимодействия властей в системе российского конституционализма: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2021. 259 с.
- Дробот С. Е. Принцип разделения и взаимодействия властей в системе российского конституционализма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2021. 29 с.

References

References должны быть представлены в латинице. Необходимо учитывать, что:

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке.
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например, <http://translit-online.ru/> используя две основные формулы:

Для научных статей

Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya zagolovka stat'i* [Translation of the headline of the article]. *Trasliteraciya nazvaniya istochnnika – Translation of the headline of the source*. Vol. 0. No. 0. Pp. 0–0. (In Russian).

Для книг

Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya nazvaniya knigi* [Translation of the headline of the book]. Place: *Izdatel'stvo*. (In Russian).

Примеры оформления References

МОНОГРАФИЯ

- Baulin, O. V. (2004). *Bremya dokazyvaniya pri razbiratel'stve grazhdanskih del* [The burden of proof in civil proceedings]. Moscow: Gorodets. (In Russian).

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

- Karapetov, A. G., Kosarev A. S. (2019). *Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i ehmpiricheskoe issledovanie* [Evidence standards: analytical and empirical study]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii – Journal of Economic Justice of the Russian Federation*. No. 5. Pp. 3–96. (In Russian).

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

- Nahova, E. A. (2019). *K voprosu o sootnoshenii sudebnogo dokazyvaniya i poznaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve* [On the relationship between evidence and knowledge in civil proceedings]. *Teoriya i praktika sovremennoi yuridicheskoi nauki* [Theory and practice of modern legal science]. Proceedings of 6th All-Russian conference. Pp. 45–48. (In Russian).

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

- Bonner, A. T. (2017). *O probleme neposredstvennogo poznaniya sudom faktov, vkhodyashchikh v predmet dokazyvaniya* [About the problem of direct knowledge by the court of the facts included in the subject of proof]. *Izbrannye trudy: v 7 t. T. 5. Problemy teorii sudebnykh dokazatel'stv* [Selected Works: in 7 vol. Vol. 5. Judicial Evidence Theory]. Moscow: Prospekt. Pp. 18–26. (In Russian).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (71)
2023

Редактор **С. К. Довбышенко**
Технический редактор **Н. В. Чернышева**
Верстальщик **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 31.03.2023. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Oswald, Montserrat. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14. Тираж 500 экз (первый завод 50 экз.).
Заказ № 1858

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 470-56-74 <http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru